

**Экономические
и гуманитарные
исследования
регионов**

1/2011

www.cegr.ru

Регистрационный номер

Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ ФСС 77-39740
номер в каталоге Агентства Роспечать 37137

ISSN 2079-1968

Журнал «Экономические и гуманитарные исследования регионов» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК и публикует результаты оригинальных теоретических и прикладных исследований по актуальным проблемам экономики, права, филологии, истории, философии, социологии, политологии, педагогики, психологии, культурологии, материалы научных конференций, информационные материалы, представляющие интерес для профессорско-преподавательского состава и научных работников.

Научно-теоретический журнал

№ 1 2011 г.

Редакционная коллегия:

Несмеянов Е.Е. – доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (главный редактор); Говердовская Е.В. – доктор педагогических наук, доцент (заместитель главного редактора); Акаев В.Х. – доктор философских наук, профессор; Везиров Т.Г. – доктор педагогических наук, профессор; Гончаров В.Н. - доктор философских наук, профессор; Горелов А.А. - доктор педагогических наук, профессор; Губарь О.В. – доктор экономических наук, профессор; Каргиева З.К. - доктор педагогических наук, профессор; Кокоева Л.Т. - доктор юридических наук, профессор; Матяш Т.П.– доктор философских наук, профессор, Мокрецова Л.А. - доктор педагогических наук, профессор; Муругова Е.В. – доктор филологических наук, профессор; Пугачева Н.Б. - доктор педагогических наук, профессор; Розин М.Д. - доктор философских наук, профессор; Суций С.Я. - доктор социологических наук, доцент; Тен Ю.П. – доктор философских наук, доцент; Финько М.В. - доктор философских наук, профессор; Цечоев В.К. – доктор юридических наук, профессор, Шингаров Г.Х. - доктор философских наук, профессор.

© «Экономические и гуманитарные исследования регионов», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Брачун Т. А.** Синергетический подход в этнологических исследованиях: принципы и перспективы 3
- Швачкина Л.А.** Взгляды христианских авторов XX века на проблему гуманности 9

ПЕДАГОГИКА

- Агаханова Р.А., Везиров Т.Г.** Условия формирования профессиональной компетентности студентов автомобильно-дорожного института на основе электронных средств обучения 21
- Везирова Н.Т.** К вопросу об использовании интерактивных средств обучения в формировании пространственных представлений у младших школьников 27
- Рагимова Т.Т.** Условия создания и использования электронных образовательных ресурсов в профессиональной подготовке будущих учителей информатики 31
- Федотова И.Б.** Вклад С.С. Гогоцкого в развитие историко-педагогической науки 35

ПРАВО

- Габараева Н.В.** О предварительном судебном контроле 43
- Габараева Н.В., Эртель А.Г.** Судебный контроль при реализации мер административного принуждения 52
- Кокорин С.А.** Меры уголовно-правовой борьбы с терроризмом в России в начале XX в. 64
- Мирошниченко Д.А.** Интерпретационная деятельность суда как проблема юридической науки 67
- Хахалева Е.В.** Некоторые вопросы, возникающие при реализации публичных полномочий многофункциональными центрами 74

СОЦИОЛОГИЯ

- Науменко М.В.** Гендерная социализация подростков и детерминанты профессиональной самоидентификации 82

ФИЛОЛОГИЯ

- Аведова Р.П.** Вопрос-переспрос как средство манипулятивного воздействия 90
- Гайломазова Е.С.** Служебные слова и категория квантификации. . . 102
- Лабашева Н.А.** Особенности использования глагольных конструкций с глаголом seem 107
- Полянский С.Н.** Синтаксические структуры сложноподчиненных предложений определительного типа 112
- Шабаева Л.А.** Ыырчи Казак – поэт-гуманист и демократ (к 180-летию Й. Казака) 123

ФИЛОСОФИЯ

- Воденко К.В.** Холистическая версия соотношения веры и разума в русской религиозной философии 126
- Джигоева Д.А., Камалова О.Н.** Значение сенсорных технологий в жизнедеятельности человека 136
- Игнатова А.А.** Современные метатеоретические подходы к анализу сознания 143
- Кузнецов Ю.В.** Эстетика и теургия истории в русской историософии. 148
- Шубина М.М.** Методы исследования теории и практики современного европоцентризма 156

ЭКОНОМИКА

- Гайдай Т.Н.** Воспроизводство человеческого капитала в контексте амортизации нематериальных активов предприятия 163
- Кобцев В.А.** Оценка конъюнктурообразующих факторов российского рынка легковых автомобилей 173
- Пржедецкая Н. В.** Маркетинговые исследования на рынке образовательных услуг в условиях формирования «новой экономики» 182
- Чердакова А.В.** Компоненты профессионального развития торговых специалистов 191

- ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ** 197

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 130.2

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ПРИНЦИПЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Брачун Т. А.

SYNERGISTIC APPROACH IN ETHNOLOGICAL RESEARCH: PRINCIPLES AND PERSPECTIVES

Brachun T. A.

В статье рассматриваются возможности синергетического подхода в исследованиях культурно-этнологического направления. Автор приходит к выводу, что синергетический подход обладает способностью не только сгладить противоречия наличных концепций этничности, но и имеет потенциал согласования различных, порой, антагонистических концепций для получения новых знаний.

The article deals with synergistic approach to the study of cultural and ethnological areas. The author concludes that a synergistic approach has the potential not only smooth contradictions of present ethnicity conceptions, but has the potential of harmonizing the various, sometimes antagonistic concepts for getting new knowledge.

Ключевые слова: этнология, синергетический подход, система, концепции этничности.

Keywords: ethnology, synergistic approach system concept ethnicity.

Принцип всеобщего (глобального) эволюционизма как признание парадигмы развития всех действующих в пределах Вселенной систем и структур, по-видимому, является сутью эволюционно-синергетического подхода. Тезис об универсальности кодов, программ и алгоритмов развития как принципа самоорганизации самых различных систем, будь то природные или социальные системы, позволяет применить некие консолидирующие инструменты при рассмотрении особо сложных проблем современной науки. К числу таких сложных проблем можно, без сомнения, отнести этнические системы. Это объясняет необходимость применения синергетического подхода, допускающего максимально широкие обобщения и корректно нивелирующего наличную разницу в принципах и методах естественно-научных и социально-гуманитарных исследованиях.

Термин «синергетика», введенный в научный оборот немецким физиком-теоретиком Г. Хакеном [1,2], означает методологию, практику

и принцип исследования объектов как систем, имеющих большое количество компонентов, постоянно и сложно взаимодействующих между собой. Являясь характеристикой постнеклассической науки, синергетика преодолевает абстракции линейности с ее четкими и выверенными математическими моделями и установками. К числу таких установок можно отнести принцип суперпозиции, определяющий итоговое, конечное состояние системы как совокупности промежуточных и индивидуально-частных проявлений. Совокупность при этом определяется, как правило, количеством выявленных факторов системы, что и формирует, в итоге, приближенность, условность исследования. Обоснованием линейности можно считать математическую теорему единственности, когда начальные и граничные условия определяют бытие и поведение системы, свойства которой не могут зависеть от времени [3, с.19].

Принцип нелинейности, предполагающий такие характеристики систем, как наличие обратных связей, наполнение (или насыщение), пороговость, не отрицает линейности, но предостанавливает его условность, приближенность. Влияние на систему реально и эффективно лишь тогда, когда оно превосходит величину порогового значения. Избыточное влияние, т. е. чрезмерное превышение порогового значения, влечет инертную реакцию системы на внешнее влияние. Следовательно, и совокупность внешних влияний не может рассматриваться (или может рассматриваться лишь условно) как причина и математическая сумма откликов на воздействие. Таким образом, «мир нелинейных явлений с его неожиданными связями между структурами и хаосом, между динамикой и статикой потребовал своего осмысления и описания» [3, с.20].

Безусловное преимущество синергетики в ее универсальности, понимаемой не только как сочетание методов различных отраслей знания, но и как высвобождение потенциала науки, преодолевающей водораздел между естественнонаучным и социально-гуманитарным знанием. Попытка организовать науку по принципу все большей и большей специализации, безусловно, имеет свои преимущества, но это лишь одна из тенденций развития знания. Синергетика демонстрирует и иное направление – интеграцию знания в рамках системной методологии, открывая этим пути для обретения более полного знания.

Вполне оправданным представляется применение синергетического подхода в философском исследовании этнической культуры как весьма сложной системы. Очевидными в этом смысле являются, как минимум, два обстоятельства.

Первое. Применение синергетического подхода делает бессмысленным укорененное в отечественном и зарубежном обществоведении противостояние многочисленных этнологических школ и направлений относительно того, к какому полю исследований относить этнологию: к области естественных наук или к области наук социальных. Следовательно, важно и то, чем является этнос: системой социальной или неким природным образованием. Ведь дискуссия, инициированная в отечественной науке в начале 70-х годов XX века относительно этой проблемы, не стихающая до сих пор, так и не поспособствовала искомому единодушию в научных кругах (если оно вообще нужно). Взгляд на этнос как на сложную самоорганизующуюся систему, бытующую в социальной и природной ипостасях, производящую собственную, оригинальную культуру, взаимодействующую с внешними средами, лишь обогащает возможности пересмотра и обновления некоторых «тупиковых» концепций, «застоявшихся» мнений.

Нерешенность проблем этничности, этнологии и многих других попутных вопросов лишний раз говорит о том, что конфронтационная «замкнутость» основных концепций этнологии, как и замкнутость любой иной системы, приводит к диссипации знаний, расцвету схоластики, застою, «мраморизации» живой мысли. Наличные теории этничности, этногенеза как замкнутые системы по мере нарастания научной информации теряют свое устойчивое состояние, состояние равновесия и либо становятся историей, либо обновляются, преодолевая возникающие противоречия, рассогласования. Появившись в недрах естествознания, синергетика интенсивно распространяет свои идеи и достижения в сферу социально-гуманитарного знания. Теперь это становится более очевидным и представляется вполне приемлемым. Уже не кажется абсурдом попытка Л.Н. Гумилева объяснить закономерности этногенеза, привлекая для этого законы термодинамики. Даже математические модели нелинейных открытых систем теперь являются поставщиками методов и идей при производстве выводов общеметодологического и философского характера [4]. Таким образом, синергетика фиксирует обновленное видение общих закономерностей процессов эволюции, формирует представление об объектах исследования как об открытых нелинейных системах, что позволяет преодолеть сложившиеся тупики развития современного знания.

Второе. Линейный подход позволял рассматривать явления и объекты в их статусах и развитии, что сформировало представление о том,

что человек может осмыслить, понять, описать не только все сущее, данное в ощущениях, но и прошлое, и будущее, основываясь на данных и логике развития. Это стало причиной уверенности в том, что и проблема преобразования мира, воздействия на него не является столь уж неразрешимой. Данное положение распространялось и на общество, и на человека. Однако человеку так и не удалось создать идеально функционирующей экономики, идеально функционирующего социума, сформировать идеальные отношения с природой. В определенной степени можно утверждать, что человечеству, в основном, так и не удалось обрести идеального знания. Особенно это заметно в сферах знания, имеющих пограничный характер, совершающих непрерывные колебания от социального к естественно-научному. Возможно, это и есть причина того, что такая дисциплина, как этнология, сохраняя свою предметную независимость, является частью целого ряда научных дисциплин.

Так сложилось, что данные этнологии, этнологический материал всегда или почти всегда рассматриваются как служебный для тех или иных исследований и редко обретают самостоятельное значение. Предметная ориентация науки в сложившейся практике и традиции научных исследований в настоящее время становится малоэффективной в этнологических исследованиях. В этом смысле синергетический подход ориентирует исследователя на метод. Не опровергая, в целом, дисциплинарный характер науки, синергетический подход способствует обобщению представлений о биологических, физических, социальных объектах и явлениях в рамках единой, совокупной картины мира. Таким образом, «возникли реальные возможности объединения представлений о трех основных сферах бытия – неживой природе, органическом мире и социальной жизни – в целостную научную картину на основе базисных принципов, имеющих общенаучный статус» [5].

Этническое бытие, безусловно, является важнейшим аспектом жизни и развития современного общества. Современные процессы всеобщей интеграции и глобализации заметно актуализируют проблему этничности, этнической культуры. Как отмечает Р.А. Данакари, повышенный интерес к проблеме этничности объясняется следующими обстоятельствами: «Во-первых, этническая сфера всегда аккумулирует все основные противоречия социума. Во-вторых, для современной эпохи характерна трансформация всех противоречий и конфликтов в различных сферах общества в этнические, формирование очагов напряженности и межнациональных войн» [6, с.10]. Генерирующая роль этнических

сообществ особенно ярко проявляется в условиях системной трансформации современного общества и его культуры.

Синергетический подход, как было отмечено выше, исключает рассмотрение этноса как системы, образующейся суммарно как арифметическое единство всевозможных множеств. Система выступает как живая структура, функционирующая на основе сложившихся внутренних связей и противоречий. Даже сами эти связи и противоречия не статичны и не зафиксированы раз и навсегда, а пребывают в состоянии генезиса, возникая, исчезая, укрепляясь или ослабевая. Да и сама этническая система не изолирована и не защищена от внешних воздействий, а является частью социокультурной действительности, реагируя на общие процессы развития. Она находится в движении и состоянии обмена энергией, веществами, идеями, концептами мировоззрения и т.д.

В рамках синергетического подхода представляется возможным интегрировать проблемы социального и этнического как двух типов эволюции человека и человеческих сообществ. Нет смысла лишний раз упоминать о включенности этнических структур в системные социальные процессы, аккумулирующие в своем генезисе действия всех социальных структур и подсистем, а также множества индивидов. Этничность в этом смысле представляется как особый тип эволюции человечества, полюсом большой системы, противоположность которому составляет социальное. Следовательно, нет смысла однозначно утверждать, что этногенез является исключительно естественно-научным феноменом (Л.Н. Гумилев), равно как и нет смысла утверждать, что отношения и возникающая культура внутри нелинейной этнической системы не имеют никакого отношения к социальному. По-видимому, есть смысл говорить о том, что этническая и социальная структуры подчинены различным принципам организации, специфика которой выражается через стереотип поведения и отношение к традиции, этике, языку, семье, окружающему миру и т.д. Знаком равенства этих двух полюсов – этнической и социальной структур – может служить их нелинейная динамика и самостоятельная способность каждой к самоорганизации, обеспечивающая их достаточную самореферентную замкнутость.

Таким образом, синергетический подход устанавливает принцип коэволюции этнического и социального, что позволяет преодолеть кризис устоявшихся общепринятых схем и моделей описания этнического и редуцированного восприятия реальности. Гарантируется и принцип постоянного уточнения аспектов развития как с точки зрения статусов

этнического и социального, так с точки зрения внутреннего потенциала и видоизменяющихся связей. Выявление закономерностей частного характера, связанных с той или иной теорией или идеологией, отступает на второй план, поскольку признание вероятностных связей и флуктуаций, в конечном счете, ведет и к признанию вероятностного характера этносоциальных процессов и явлений. Коэволюция социального и этнического протекает в рамках процессов, не соответствующих равновесию и «самопроизвольно порождающих уникальные пространственные и временные структуры» [7, с.14].

Признание этнической структуры как объекта исследования, который невозможно «очистить», отделить от других структур социального, приводит к пониманию этноса как органической части социального универсума. Тезис Седовой Н.Н. о глубинном сходстве закономерностей и обстоятельств эволюции человеческой популяции и функционирования этнических признаков, обеспечивающих обособление и целостность, равно как и способность к развитию, наводящий автора на мысль, что этнос есть «социальное образование на популяционной основе» [8], лишний раз подчеркивает необходимость исследований этнического как сложной зависимости взаимодополняющих, взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов.

Подводя итоги, следует отметить, что синергетика не является способом принципиального опровержения всего, что не находится в прямой зависимости от признания принципа нелинейности. Это утверждение можно отнести и к уже существующей методологии, благодаря которой знания в области этнологии достигли современного уровня.

Синергетика, предлагая новый подход, формирует исследовательскую практику, при которой становится возможным и конструктивным применять максимально широкий набор методов, анализировать максимально широкий набор существующих концептов. При этом даже те концепции, которые позиционируют себя как антагонисты (например, конкурирующие концепции «чисто» социальной и «чисто» природной сущности этноса), могут быть согласованы принципом коэволюции этнического и социального, пониманием их единства и специфики. Отстаивая принцип плюрализма научно-философского знания, синергетический подход формирует условия и возможности для более глубокого понимания сущности этничности как одной из наиболее актуальных проблем современной науки.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Хакен Г. Синергетика. Иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М., 1985.
2. Хакен Г. Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным явлениям. Изд. 2-е. М., 2005.
3. Колосова О.Ю. Синергетика – парадигма нелинейности современного знания // Гуманитарные и социально-экономические науки. Ростов-на-Дону, 2006, №8. С. 18-27.
4. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М., 1994.
5. Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина Мира в культуре техногенной цивилизации. М., 1994. С. 193.
6. Данакари Р.А. Этническое бытие: методологические принципы его исследования // Гуманитарные и социально-экономические науки. Ростов-на-Дону, 2006, №1. С. 9-18.
7. Хиценко В.Е. Несколько шагов к новой системной методологии // Социологические исследования. 2001, №3, С. 10-19.
8. Седова Н.Н. Человек этнический. Волгоград, 1994.

УДК 130.2

ВЗГЛЯДЫ ХРИСТИАНСКИХ АВТОРОВ XX ВЕКА НА ПРОБЛЕМУ ГУМАННОСТИ

Швачкина Л.А.

VIEWS CHRISTIAN WRITERS OF THE XX CENTURE ON THE PROBLEM OF HUMANITY

Shvachkina L.A.

Автор анализирует философские взгляды христианских авторов XX века (Д. Бонхеффера, А. Швейцера, Б.П. Вышеславцева) на проблему гуманности в связи с изменением современной им социокультурной ситуации. Их концепции, по мнению автора, можно представить следующим образом - моральная ответственность и необходимость жить для других, сострадать им (Д. Бонхеффер); благоговение перед жизнью и воля к жизни (А. Швейцер); основание гуманности в интимной (сердечной) близости человека и Бога (Б.П. Вышеславцев).

The author analyzes the philosophical views of Christian writers of the twentieth century (D. Bonhoeffer, A. Schweitzer, B.P. Vysheslavtseva) to the problem of humanity in connection with the change of contemporary socio-cultural situation. Their concepts, the author believes, can be represented as follows - the

moral responsibility and the need to live for others, to sympathize with them (D. Bonhoeffer), reverence for life and will to live (A. Schweitzer); foundation of humanity in an intimate (cardiac) proximity of man and God (B.P. Vysheslavtsev).

Ключевые слова: гуманность, христианство, культура, Бонхеффер, Швейцер, Вышеславцев, моральная ответственность, Бог, любовь, милосердие.

Keywords: humanity, Christianity, culture, Bonhoeffer, Schweitzer, Vysheslavtsev, moral responsibility, God, love, mercy.

Христианские гуманистические ценности не оставались неизменными на уровне рефлексии философов эпохи модерна. Социокультурные коллизии XX века, пожалуй, самого бесчеловечного за всю историю европейской цивилизации привели к изменению понимания христианства на его мировоззренческом и идейном уровнях. На примере нескольких персоналий покажем основные тенденции в изменении христианского мировоззрения в преломлении проблемы гуманности, столь актуальной для прошедшего двадцатого столетия. В этом отношении, на наш взгляд, одной из показательных является фигура немецкого лютеранского мыслителя первой половины XX века Дитриха Бонхеффера - крупнейшего христианского автора новейшего времени. В его взглядах проблемы гуманности и практики милосердия, бескорыстного сострадания вообще становятся центральными именно в контексте фактического отрицания классической традиционной христианской картины мира, господствовавшей почти две тысячи лет в западной культуре. Причем, не столько в вопросах космогонического, космологического порядка (эти процессы начались задолго до Д. Бонхеффера), сколько в самом главном – в вопросе об отношении человека к Богу. Д. Бонхеффер развивает довольно специфический вариант «безрелигиозного христианства».

В основе его позиции лежит неприятие традиционного христианского противопоставления мира высшего и потустороннего, трансцендентного, божественного миру земному, грешному, человеческому. Сама фигура Христа как реализованное богочеловечество есть наглядное и самое лучшее свидетельство полного единства этих двух миров. Общий смысл и назначение христианства Д. Бонхеффер видит вовсе не в том, чтобы человек стремился всю свою жизнь к некой «загробной» «вечной» жизни, жил лишь ее предвкушением, бесплодным чаянием и иллюзорной надеждой на какое-то «небесное царство». Историческое назначение христианства состоит именно в том, чтобы повернуть человека

к земному существованию, устройению этого «здесь» и «теперь» сущего бытия на принципах моральной ответственности за других. Перекладывание такой социальной и духовной ответственности за дела земные на Бога, свойственное традиционной христианской культуре (например, средневековой), лишает человека не только возможности приблизиться к действительному обретению смысла своего существования, но и притупляет его моральное чувство и приводит, следовательно, к безнравственности и антигуманности, в том числе, и самой церкви.

Свое время Д. Бонхеффер оценивает довольно высоко, полагая, что само человечество и человек достигли «совершеннолетия». Важнейший признак такого взросления заключается в том, что для современного простого человека уже больше не является столь актуальным и значимым для индивидуального опыта вопрос о спасении своей души, об обретении трансцендентного бессмертия. С этим выводом Д. Бонхеффера, наверное, можно и поспорить, но он отражает общую тенденцию неклассической культуры и кризиса системы традиционных социальных регулятивов. Современная культура, основанная на бурном развитии науки, больше не нуждается в традиционном Боге, которого он называет «рабочей гипотезой», применявшейся людьми на более ранних (незрелых) стадиях своего развития для объяснения мира и собственной жизни. Отрицая таким образом практически все основное догматическое содержание христианства, его основные таинства, Д. Бонхеффер тем не менее не отрицает вообще христианство и говорит о необходимости христианства «без Бога» или «без религии». Процесс совершеннолетия мира и общества нельзя интерпретировать как антихристианский. Напротив, подчеркивает писатель, он впервые открывает человеку возможность увидеть «подлинного» Бога Библии. Почти двухтысячелетний опыт исторического развития христианской церкви он характеризует как «предварительную стадию всеобщей безрелигиозности» [1, с.111].

Религиозность традиционного общества есть своеобразная «внешняя» оболочка бытия и быта человека. Она практически не дана как глубоко личное переживание, одухотворение мирского замещается господством предписанных традицией норм и правил. Постигание смысла оборачивается обучением и повторением. Современность же все меняет. Вот как об этом пишет Д. Бонхеффер в одном из своих писем: «Время, когда людям все можно было рассказать словами (будь то теологические рассуждения или благочестивые речи), давно миновало; то же относится ко временам интереса ко внутреннему миру человека и к совести, а это значит и ко времени религии вообще. Мы приближаемся к абсолютно

безрелигиозному периоду; люди уже могут просто быть нерелигиозными. Те же, кто честно называет себя «религиозными», не практикуют религии никоим образом. Наши общие христианские воззрения и теология, насчитывающие 1900 лет, опираются на «априорную религиозность» людей. ...Если же ... окажется, что этой «априорности» вообще не существует, что это была временная исторически обусловленная форма самовыражения человека, если, таким образом, люди в самом деле станут радикально безрелигиозными ... - что это будет значить для «христианства»?» [1, с.111]. Д. Бонхеффер спрашивает, чем же теперь в условиях современной цивилизации может и должно быть христианство для человека. Можно ли вообще говорить о том, что сегодня людей может скреплять что-либо трансцендентное? Общество стало максимально секуляризированным. И это факт, отрицать который глупо.

Но это, по мысли Д. Бонхеффера, не означает полного отрицания христианства и самого Христа. Главный вопрос, который он задает, как может быть безрелигиозное христианство? Как Христос может быть «Господином мира» [1, с.111]? По его мнению, подлинно библейский Бог вовсе не есть какая-то абсолютная субстанция, запредельная всякому человеческому опыту на Земле. Жизнь во Христе, но без религиозного Бога означает полную автономию личности и ее ответственность. Иными словами, некогда сакрализованная религиозная жизнь, отправление культов и т.д. должны смениться жизнью для других. Что это значит?

Подлинное принятие Иисуса в свою жизнь должно выражаться в таком отношении человека к человеку, в котором каждый стремиться посвятить свою жизнь Другому, т.е. проблема гуманности у Д. Бонхеффера фактически прямо вытекает из секулярно (и отчасти даже пантеистически) проинтерпретированной христологии и теологии. Важнейший атрибут Бога – это, как подчеркивает писатель, вовсе не всеисие и всемогущество, не трансцендентность или вечность, а присутствие в самом мире и сострадание. Следовательно, человек, отдающий свое существование без всякой гордости, самодовольства другим людям, полагающий именно помощь, сострадание, благожелательность и абсолютное бескорыстие смыслом своего земного пути, и выступает человеком по образу и подобию Божьему. Образцом такого бескорыстного служения дал сам Иисус. Новый Завет в этом смысле является описанием подлинного служения другим, всему миру. Забота о ближнем, больном, нуждающемся, слабом, оскорбленном или униженном есть реализация действительно религиозного нетрадиционного сознания и чувства. Не нужно ждать какого-то мифического спасения, а следует делать «добрые дела» и тем

самым приближаться к Богу. Исходя из этого понятно, каким же образом мирская земная жизнь человека, его повседневный текущий опыт могут обнаружить в себе самом присутствие Бога.

Д. Бонхеффер решительно выступает против дуального толкования двух миров (божественного и человеческого) как совершенно онтологически непреодолимых и не пересекающихся сфер. Поэтому жизнь во Христе, действительное христианское поведение есть достойная человеческая жизнь, основанная на глубокой и искренней гуманности. «Безрелигиозное» христианство не требует от человека какой-то совершенно специфической веры в потустороннего Бога, не требует какого-то особенного внутреннего опыта, а только предполагает наличие определенного типа человеческих отношений. Быть религиозным – значит быть Человеком. Человеком, сострадающим земному пути самого Христа. Д. Бонхеффер отрицательно относится к философско-метафизическим конструкциям Бога, рождавшимся в истории европейской культуры. Такие конструкции, апеллировавшие к трансцензусу, возможно, были полезны для решения каких-то теоретико-познавательных задач (как, например, у И. Канта). Однако подлинный смысл божественной трансцендентности Д. Бонхеффер видит вовсе не в том, что человек «вне Бога», что Бог есть «человек в себе», а в том, что сам Бог и есть «человек-для-другого», тогда как внешняя набожность очень часто оказывается не более чем лицемерием, мишурой, самообманом или обманом других. Христианин не должен быть озабочен личным спасением, его задача – творить доброе и справедливое среди людей.

С этих же позиций рассматривает Д. Бонхеффер и деятельность церкви. Трагическая ошибка последней в традиционном обществе заключалась в том, что она практически полностью игнорировала реальную земную жизнь человека и направляла свои усилия и усилия прихожан на нечто трансцендентное. Задача церкви заключается в самоотверженном служении и помощи людям, всему обществу. Вместе с тем церковь не должна превращаться в подобие очередной политической партии, обладающей какой-то конкретной программой деятельности. Церковь должна стать примером реализации идеалов и принципов христианской жизни, т.е. бескорыстного служения людям, свершения добра и справедливости. Позиция церкви должна быть социально активной.

Д. Бонхеффер - один из немногих авторов новейшего времени, кто откровенно заявил о несовместимости традиционного христианства с реалиями современной социальной действительности и картинами мира, основанными на научных знаниях. Такое своеобразное «обмир-

щение» христианства, быть может, стало формой его спасения в условиях радикальных социокультурных пертурбаций XX столетия. Если в традиционной западной культуре область нравственности, морали, межличностных отношений полностью подчинялась церкви и религиозной идеологии, то теперь, наоборот, этическое измерение социальных отношений, проблема гуманности как ключевой узел его стали «прибежищем» религиозных ценностей. Впрочем, не будем забывать о том фундаментальном обстоятельстве, что именно благодаря христианству в лоне западной цивилизации сформировались смылосимволические формы предметно-объективирующего закрепления личностного «способа» культурного существования.

Несколько отличной представляется в этом вопросе позиция другого крупнейшего христиански ориентированного мыслителя новейшего времени Альберта Швейцера. Его философские взгляды, надо отметить, стали довольно популярными в наше время, особенно в связи с растущими глобальными проблемами, угрозами самому существованию человечества. В частности, комплекс экологических вопросов нередко требует коренного пересмотра сложившихся традиционных принципов отношения человека к природе и окружающему миру. Тема гуманности в творчестве А. Швейцера концентрируется вокруг его «этики благоговения перед жизнью».

Говоря об общем идейном контексте «этики благоговения перед жизнью», необходимо отметить такие направления неклассической европейской философии конца XIX – начала XX вв., как философия жизни и персонализм. Дело в том, что исходный тезис рассуждений А. Швейцера о сущности нравственности, добра, гуманности связан именно с признанием фундаментального характера феномена так называемой «воли к жизни». Воля к жизни обладает поистине онтологическим значением. Благодаря ей все, что есть в мире, начиная от микроскопических организмов, насекомых, растений и заканчивая самим человеком, вообще есть и постоянно пребывает в своеобразном состоянии бесконечного самоутверждения. В этом неизбывном стремлении быть всякая воля к жизни наталкивается с неизбежностью на другую такую же волю. Однако на уровне человеческого существования, наделенного мышлением и свободой, воля к жизни обретает свой более глубокий смысл – жизнеутверждение через «жизнеотречение». И в этом состоит основание человеческой нравственности, сущность добра как таковая.

Что это значит? При рассмотрении позиции А. Швейцера, становится вполне очевидной ее, порой, удивительное сродство с восточны-

ми мировоззренческими принципами. Особенно с индусской и даосской традициями. Вообще тенденция повышения «присутствия» восточных смыслов и мотивов в западной культуре и мышлении является одной из самых знаковых для XX века. Касается это не только А. Швейцера. Но его «этика благоговения перед жизнью» при сохранении общей связи с христианской моралью, тем не менее, очень рельефно свидетельствует о перекрестке восточных и западных идей. Это прямо относится к разъяснению того, что же представляет собой благоговение перед жизнью, как оно связано с принципом воли и ее жизнеутверждением.

Сознательное, мыслящее отношение человека к миру, природе, другим людям А. Швейцер предлагает рассматривать как опыт созерцательного «вживания» и «переживания»: «Я не познаю сущность явлений, но я постигаю их по аналогии с волей к жизни, заложенной во мне. Таким образом, знание о мире становится моим переживанием мира. Познание, ставшее переживанием мира. Познание, ставшее переживанием, не превращает меня по отношению к миру в чисто познающий субъект, но возбуждает во мне ощущение внутренней связи с ним. Оно наполняет меня чувством благоговения перед таинственной волей к жизни, проявляющейся во всем. Оно заставляет меня мыслить и удивляться и ведет меня к высотам благоговения перед жизнью. ... Оно ставит меня внутренне в отношении к миру и заставляет мою волю переживать все, что ее окружает, как волю к жизни» [2, с.217]. Этими словами фактически можно было бы выразить позицию даосского или индусского мироотношения. А. Швейцер критически высказывается в адрес классического философского рационализма, ярчайшим примером которого, по его мнению, является метафизика Рене Декарта и его знаменитое положение «*cogito ergo sum*». Это картезианское «Я» крайне далеко от этики и лишено всякого, как подчеркивает А. Швейцер, гуманистического содержания.

Подлинное жизнеутверждение возможно только на пути смирения перед Всем, т.е. преклонение перед малейшим проявлением жизни в абсолютно любой форме. Жизнь вообще тогда и имеет смысл, когда она есть актуальное приятие другого, отречение от всякого моноцентризма и эгоизма. А поскольку человек наделен силой мысли, то его жизнеутверждение есть прежде всего осознание ответственности перед жизнью. На этой ответственности и базируется этика. «Единственно возможный, содержательный, постоянно, живо и конкретно полемизирующий с действительностью принцип этики гласит: самоотречение ради жизни исходя из благоговения перед жизнью» [2, с.216]. Гуманность, следо-

вательно, заключается в том, что человек как сознающий свою волю к жизни и сущий именно как волящее самоутверждение, обязан в этом своем становлении абсолютно желать другую, такую же волю к жизни, т.е. желать, чтобы другой был как такое же равноправное воление. Это желание есть высший и всеобщий критерий добра. Критерий добра как такового. Его «материализация» и есть благоговейное отношение к жизни. «Этика заключается, следовательно, в том, что я испытываю побуждение выказывать равное благоговение перед жизнью как по отношению к моей воле к жизни, так и по отношению к любой другой.

В этом и состоит основной принцип нравственного. Добро – то, что служит сохранению и развитию жизни, зло есть то, что уничтожает жизнь или препятствует ей» [2, с.218]. Такая этика высшей абсолютнейшей ценностью наделяет саму жизнь. Безотносительно к формам и способам ее проявления. Практическое воплощение такой гуманности поэтому есть не что иное, как реальная помощь всякой жизни, избавление ее от ненужных страданий, не причинение ей малейшего вреда. Жизнь не просто есть высочайшая самоценность, она священна. И потому человек, приумножающий саму возможность быть всему, реализует свою некую всемирную ответственность за жизнь. Причем, А. Швейцер подчеркивает, что определение этики и гуманности как благоговения перед жизнью, – более всеобщее и объемлющее собой, например, сострадание. Принцип сострадания более узкий, на нем одном не может основываться нравственность.

Вопрос, который для классической метафизики, для Р. Декарта был решен однозначно, – вопрос о природе моего мышления, о том, почему именно Я осознаю этот мир, саму жизнь и отношусь ко всему с точки зрения своего «Я», для А. Швейцера остается открытым. Природа осознания воли именно через мышление во мне – это тайна. И она также должна побуждать нас благоговеть перед жизнью. Этика благоговения перед жизнью носит абсолютный, т.е. бескомпромиссный характер. Не может быть половинчатого приятия другой воли, равно как и не бывает половинчатого приятия собственной воли. Воля к жизни не может реализовываться, не может самоутверждаться относительным образом.

В социальном плане принципы благоговения перед жизнью проявляются в том, что человек должен самостоятельно осознавать собственную ответственность перед обществом и другими людьми. Если человеку что-то дано больше чем другим, например, здоровье, собственность, успех, талант и т.д., то к этому добрый, т.е. нравственно сознающий человек не должен относиться как к чему-то само собой разумеющемуся.

Этими благами он должен делиться ради другой жизни. Свой талант, свои силы, свою энергию, умения он должен дарить миру, людям. Но это непременно должно быть делом исключительно суверенным. Никто не может судить другого! Ибо всякая воля к жизни есть в себе ценность. Гуманное нравственное поведение обязывает человека всячески стараться применить свой «человеческий капитал», искать малейшую возможность кому-то помочь. Всеобщая и абсолютная этика благоговения перед жизнью не должна подменяться относительной этикой конечной целесообразности. Например, если что-то выгодно отдельному коллективу, может послужить его целостному развитию, то это не обязательно является этичным по отношению к его отдельным членам или обществу в целом.

Только высшая предельная целесообразность может «оправдывать» тот или иной поступок. Такие подмены происходят очень часто и кажутся морально оправданными, так как апеллируют не к индивидуальным эгоистическим целям, а к интересам целого. Однако этическое, гуманное нельзя редуцировать и отождествлять с неэгоистичным. «Сфера действия этики простирается так же далеко, как и сфера действия гуманности, а это означает, что этика учитывает интересы жизни и счастья отдельного человека. Там, где кончается гуманность, начинается псевдоэтика. ...Вся предшествующая этика вводила нас в заблуждение, скрывая от нас нашу виновность в тех случаях, когда мы действовали в целях самоутверждения или по мотивам надличной ответственности. ... Истинное знание состоит в постижении той тайны, что все окружающее нас есть воля к жизни...» [2, с.227].

Сущность самой культуры А. Швейцер видит именно в такой гуманности, в сфере нравственности (как таковой). По его мнению, культуру как особое человеческое бытие никак вообще нельзя дедуцировать из эволюции природы. Ибо только человеку дано знать и осознавать свою волю к жизни, относиться ко всему, как к такой же воле. И – благоговеть перед ней. Только в человеке, только через наш опыт мир открывается сам себе как воля к жизни. И это открытие и есть культура. Культура в основе своей гуманна. «Культура есть не что иное, как наиболее полное развитие воли к жизни, слагающееся из всех доступных человеку и человечеству видов прогресса воли к жизни, которая испытывает благоговение перед жизнью во всех ее проявлениях в сфере деятельности человека и которая стремится к совершенствованию в духовности благоговения перед жизнью» [2, с.230]. Культура только тогда и становится подлинным самоутверждением человека, когда она есть благоговеющая

перед жизнью милосердная человеческая деятельность.

Проблема гуманности в таком ее этическом и социально-антропологическом измерении также становилась предметом исследования и в русской философской мысли. Практически все крупнейшие русские мыслители христиански ориентированного направления (И. Ильин, Н. Бердяев, С. Франк, Н. Лосский, Е. Трубецкой и др.) уделяли значительное внимание этому сюжету, аккумулируя в данном смысловом и концептуальном направлении свои поисковые усилия по всем ключевым вопросам философии, истории, права. Мы более подробно остановимся на идеях известного отечественного автора эпохи «серебряного века» и затем русской эмиграции Б. П. Вышеславцева, в наследии которого интересующая нас проблема получила любопытное оригинальное решение, характерное для новейшего времени с его тенденциями секуляризации культуры и повышенного интереса к восточной духовности.

Надо отметить, что Б.П. Вышеславцев, находясь в свойственной всей русской философии и общественной мысли тенденции практической ориентации знания, подчеркивает, что ценность философствования, теоретического знания вообще определяется вовсе не степенью и изощренностью абстрактных конструкций, а именно их способностью приносить реальную пользу в решении актуальных проблем общества. «Философия должна быть теперь не изложением мало доступных для людей теоретических проблем, но учительницей жизни» [3, с.56]. В своих главных трудах («Этика преображенного Эроса», «Философская нищета марксизма», «Вечное в русской философии» и др.) он пытается обнаружить самое глубинное фундаментальное основание человеческого бытия, связывая его с духовной реальностью.

В его антропологии, безусловно, есть следы влияния психоанализа З. Фрейда и К. Юнга (понятие сублимации у Фрейда и архетип самости у Юнга), теософии, а также развернувшейся в конце XIX века дискуссии в академических и конфессиональных кругах о влиянии индийской духовной культуры (особенно индуизма) на развитие христианства. Б.П. Вышеславцев выстраивает иерархию онтологической структуры личности, выделяя в ней семь уровней, начиная с низшего чувственного (животного) и заканчивая высочайшим «духом», образующим самость «я». Движение от низшего к высшему уровню отражает также становление самой культуры, и интерпретируется Б.П. Вышеславцевым как сублимация. В отличие от классического психоаналитического понятия сублимации (у З. Фрейда), русский мыслитель подчеркивает именно нравственное ценностное измерение онтологического одухотворения.

Причем, уровни личностной структуры, которые выделял З. Фрейд или К. Юнг, оказываются в данном случае лишь моментами более общей.

С этим же связано и его представление о гуманности в культуре. Онтологическую самость человека, его «дух» Б.П. Вышеславцев именует «сердцем». Сердце образует самую глубинную тайну человека, его высшую мистическую достоверность, познать которую рефлексивным или чувственным путем нельзя. Это тайна выше, чем сознание, душа или тем более эмоциональный опыт. Именно мистика сердца, по его мнению, как выражение коренной бытийной самости личности лежит в основе подлинной гуманности и самого культурного опыта. Культура в основе своей религиозна. Поскольку сердце это не просто осознание собственной выделенности из мира, моей, так сказать, «яйности», не просто центр моей воли, но это частичка самого Бога во мне.

В данном случае Б.П. Вышеславцев прибегает к использованию индусского понятия Атман для подчеркивания специфики самости человека. Иными словами, человек есть личность в силу того, что в нем есть божественное. И в силу этого он «трепетно» относится к другому человеку как такому же «присутствию» Бога. Гуманное отношение между людьми есть их мистическая связь через Бога и в Боге. «Человек, который действительно захочет заглянуть в свою собственную глубину, непременно должен стать религиозным человеком, он должен испытать религиозное чувство, чувство благоговения, мистического трепета по отношению к самому себе, по отношению к бездонности моего сердца, он должен увидеть в самом себе “целый мир, полный бесконечности... Ибо ведь религия есть одновременно признание Божественности Бога и Божественности самого человека. Религия есть нахождение Бога в себе и себя в Боге, и атеизм есть не только неверие в Бога, но непременно также неверие в человека...” [4, с.765].

Подлинная гуманность есть в сущности своей христианская любовь к ближнему, основанная на «интимной» (Б. Вышеславцев) близости человека и Бога. Глубина такой близости носит мистический характер и не может быть как-то объективирована. Б.П. Вышеславцев подчеркивает, что основания добра в обществе, нравственность есть производная от отношения двух личностей, т.е. двух сердец. Причем, такое отношение существенно отличается от сострадания. Философ отмечает, что представления о сострадании как раз свойственны индусской духовной традиции, включая буддизм.

Совсем иное в христианстве. Мы уже приводили характеристику восточных представлений о гуманности у Б.П. Вышеславцева. Повторим

только, что сострадание, по его мнению, закрывает от человека другую бытийную тайну, делает недоступным мистическое «я» Другого. Восток не знает этого высшего уровня онтологического восхождения человека (в иерархии Б.П. Вышеславцева). Седьмой высший уровень не просто выделяет отдельного человека из коллективного опыта, но полагает его в божественной связи со всеми, - что, в сущности, и определяет природу гуманности в культуре.

Сублимация, как ее понимает Б.П. Вышеславцев, фактически означает глубокую связь отдельного человека, живущего эмоциями, частными помыслами и страстями, с вечным и бесконечным, с абсолютным. Сублимация и означает такое единство людей на некоем высшем уровне, «снимающем» частные противоречия отдельных «душ» в общем мистическом слиянии. «Потенциально все души живут во мне и действуют, хотя бы в бесконечно малой степени... В этой всеобщей проницаемости душ, в их соборности (всякая душа соборна, ибо она есть собрание образов и отражений прежде бывших и грядущих душ и лиц) заключается своеобразная всевременность и вечность душ...» [4, с.819].

Б.П. Вышеславцев отрицает возможность подлинной светской гуманности. Такие понятия как коллективная мораль, социальная солидарность, классовое сознание (а ведь не будем забывать, что он как представитель русской эмиграции был свидетелем большевистской диктатуры в России, утверждавшей в качестве высшей и абсолютной именно классовую мораль и атеистическую гуманность) являются лишь ложными эфемерными конструкциями, за которыми на самом деле скрывается зло и бессердечность. Светский вариант гуманности есть фальшивая завеса частных интересов, которая практически всегда в истории выступала красивым лозунгом свершения совсем не благих дел. «Самые большие преступления были совершены ради такой гуманности, были оправданы декламациями о любви к человечеству, риторикой в духе Руссо и Робеспьера. Прежде всего, можно сказать, что у этих людей нет сердца, а, следовательно, они потеряли мистическую связь с ближними и с Богом, они потеряли, конечно, и свое настоящее “я”, забыли о нем, не подозревают о его существовании» [4, с.766]. Без него «нет истинной этики» [4, с.767].

Как мы уже подчеркивали, основные интуиции Б.П. Вышеславцева находятся в общем мировоззренческом русле новейшего времени, характеризующем развитие философии, христианства в условиях становления индустриальной цивилизации, а также девальвацию традиционных культурных регулятивов и конституитивов опыта.

Подводя итоги, следует отметить, что общие интеллектуальные симптомы XX столетия вовсе не снимают проблему гуманности с повестки дня. Изменение самого христианства, его традиционного образа и соответствующей картины реальности привели к постулированию непреложной значимости именно этического гуманистического измерения религиозного сознания. Явственно обозначился уход от смыслов трансцендентного как онтологического самоутверждения человека. Сфера коммуникации и деятельности расценивается как важнейшее и самоценное измерение земного существования человека. В центре такого христианского поиска становится личность.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бонхеффер Д. Соппротивление и покорность // Вопросы философии. 1989. № 11. С. 111.
2. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992. С. 217.
3. Цит. по: Вышеславцев Б.П. и его «философия сердца» // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 56.
4. Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии // Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. Избранные сочинения. М.: Астрель, 2006. С. 765.

ПЕДАГОГИКА

УДК 378

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ АВТОМОБИЛЬНО- ДОРОЖНОГО ИНСТИТУТА НА ОСНОВЕ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ОБУЧЕНИЯ

Агаханова Р.А., Везилов Т.Г.

THE PROCESS OF AUTOMOBILE AND HIGHWAY INSTITUTE STUDENTS' PROFESSIONAL COMPETENCE DEVELOPMENT ON THE BASIS OF THE ELECTRONIC AIDS CONDITIONS

Agahpanova R.A., Vezirov T.G.

В статье рассматриваются модель и программно-методическое обеспечение процесса формирования профессиональной компетентности студентов автомобильно-дорожного института на основе электронных средств обучения. Выделены основные компоненты данной модели, в которой важное место занимает курс по выбору «Электронные средства обучения», разработанный с

использованием модульной технологии.

The article deals with the model and tutorials for the process of Automobile and Highway Institute students professional competence development on the basis of the electronic aids. The basic components of the model are considered with the main elective, named «Electronic Training Aids» implying modular technology which employs modular rating system of assessment.

Ключевые слова: автомобильно-дорожный институт, модель, компетентность, профессиональная компетентность, электронные средства обучения.

Keywords: automobile and Highway Institute, model, competence, professional competence, basis of the electronic aids.

Под электронным средством обучения мы подразумеваем учебное средство, реализующие возможности информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) и ориентированное на достижение следующих целей: предоставление учебной информации с привлечением современных средств ИКТ; осуществление обратной связи с пользователем; автоматизация процессов контроля и организационного управления учебным заведением. В литературе термин «модель» чаще всего трактуется как образ, аналог или описание какого-либо процесса. Отечественные ученые называют различные параметры модели специалиста, степени воздействия условий и факторов на ее формирование [2].

Чтобы выделить структуру профессиональной компетентности и разработать компетентностную модель специалиста автомобильно-дорожного профиля, мы использовали методы репертуарных решеток (данный метод заключается в определении значимых для успешности специалиста компетенций с позиции руководства и сотрудников) и прямой атрибуции (предполагает использование уже готового набора компетенций). Для этого мы проанализировали функции, выполняемые специалистами; определили перечень знаний, умений, деловых и личностных качеств, необходимых для успешной профессиональной деятельности. Отметим, что структура компетентности, перечень компетенций могут быть четко обозначены в тех сферах профессиональной деятельности, которые имеют обоснованную профессиограмму и психограмму [1].

Нами создана модель компетенций, необходимых для эффективной профессиональной деятельности специалиста автомобильно-дорожного профиля (общетехнических, базовых общепрофессиональных, профессионально профилированных) (табл. 1).

Таблица 1.

Модель компетенций специалиста автомобильно-дорожного
профиля (функциональные компетенции)

Компетенции	Проявление компетенции
Общетехнические	Экспериментально определяет основные характеристики оборудования и программного обеспечения электронных средств обучения
	Используют справочную и техническую документацию в профессиональной деятельности
	Проводит диагностику оборудования и программного обеспечения электронных средств обучения, анализирует результаты проводимой диагностики
Базовые общепрофессиональные	Оценивает работоспособность оборудования и программного обеспечения электронных средств обучения
	Владеет инструментами экспресс-обследования предприятия, проводит обработку и анализ информации
	Составляет проектную документацию, формирует технологическую и отчетную документацию по результатам работы
Профессионально-профилированные	Использует в своей работе современные средства обучения. Проводит оптимизацию алгоритмов работы
	Настраивает специальное программное обеспечение электронных средств обучения
	Выбирает методологию ведения работ по автомобильно-дорожным услугам, методику обучения пользователей
	Анализирует технологические и архитектурные решения в области информатизации, работает с различными видами исходных данных в предметной области

В определении уровней компетентности предлагается пятиуровневая схема оценки сформированности профессиональной компетентности: 1. допрофессиональный; 2. первоначального овладения умениями (профессиональная адаптация); 3. ограниченной сформированности умений (профессиональное становление); 4. достаточной сформированности (упрочение); 5. успешного владения профессиональными действиями (умелость).

Анализ научной, учебно-методической литературы позволил нам разработать модель формирования профессиональной компетентности студентов автомобильно-дорожного института на основе электронных средств обучения, включающую аналитико-прогностический компонент, состоящий из социального заказа, цели, принципов и задачи этапа; содержательно-прогностический компонент, включающий задачи этапа, содержания и педагогических технологий; результативно-диагностический компонент, включающий мониторинг сформированности компетентности, критерии эффективности формирования профессиональной компетентности на основе электронных средств обучения.

Эксперимент предполагает подготовку студентов автомобильно-дорожного института к использованию электронных средств обучения в учебной, а затем в профессиональной деятельности в естественных условиях учебного процесса вуза. В качестве экспериментальной дисциплины выступает курс по выбору «Электронные средства обучения», в рамках которого происходит теоретическое изучение понятия «электронное средство обучения», а также освоение электронных средств обучения, востребованных в учебной и будущей профессиональной деятельности данных специалистов. Этот курс проводится в 8 семестре в блоке дисциплин по выбору студента.

Анализ профессиональной подготовки в условиях вуза специалистов по автомобильно-дорожному профилю говорит о том, что изучаемый студентами в 3 семестре курс «Информатика» формирует у них теоретическую базу и практические навыки работы с компьютерными информационными технологиями. Помимо этого, навыки работы с информационными технологиями, профессионально-ориентированные знания в этой области студенты получают в процессе изучения и специальных дисциплин. Результаты констатирующего эксперимента подтверждают

эти результаты, поскольку к моменту изучения разработанного нами курса по выбору у них развиты мотивационно-ценностный, знаниевый и операциональный компоненты профессиональной компетентности на адаптивном, репродуктивном и эвристическом уровнях.

В качестве базового факультета для эксперимента нами был выбран экономический факультет Дагестанского филиала Московского государственного автомобильно-дорожного института (специальность «Финансы и кредит»). Объективными критериями отбора содержания курса по выбору «Электронные средства обучения» выступили следующие: осознание общественной и личной значимости профессионально-информационной деятельности (показателями выступают интерес к теоретическому и практическому материалу по проблемам будущей профессиональной деятельности, самооценка, связь учебного материала с решением практических задач); установка на профессионально-информационную деятельность и на себя как носителя этой деятельности (показатели: принятие ценностной системы данной деятельности в различных ее моделях на уровнях соответствующего ценностного отношения; прогнозирование перспектив профессионально-информационной деятельности; отношение полученных знаний к практическому опыту; избирательность учебного материала); мотивация учебно-практической деятельности (показатели: расширение спектра мотивов учебно-практической деятельности во внешней и внутренней мотивации; качества выполнения учебных заданий и др). Эмоциональное самочувствие.

Помимо этого, мы руководствовались общедидактическими принципами научности, проблемности, наглядности, доступности, системности и последовательности, единства теории и практики, информационной технологичности и системности.

В программе курса по выбору выделены следующие содержательные модули:

I. Теоретический блок связан с внесением в сознание субъекта знаний о сущности и специфике средств обучения как традиционных, так и электронных (представлен базовыми знаниями в области электронных средств обучения).

II. Практический блок направлен на освоение электронных средств обучения, востребованных в будущей профессиональной деятельности, приобретение субъектом умений и навыков использования электрон-

ных средств в своей учебной, а затем и профессиональной деятельности (представлен умениями и навыками в области использования электронных средств обучения).

Каждый из блоков представляет собой совокупность задач частного характера и разной степени сложности, которые решаются в процессе подготовки в рамках учебно-воспитательного процесса вуза и в ходе самостоятельной работы студентов. В основе нашего курса лежало модульное обучение, реализующееся через учебные элементы. Учебный элемент состоит из цели изучения; оборудования, материалов и вспомогательных средств для работы с данным учебным элементом; сопутствующих учебных элементов и материалов (учебные пособия, прикладные программы и другие учебные материалы, с которыми связан данный учебный элемент); содержания учебного элемента, то есть учебного материала, реализующего цели обучения; проверку достижений, которая гарантирует освоение строго обозначенного в цели знания и умения и обеспечивается проверкой достижения этого запрограммированного результата.

Построение курса на основе учебных элементов удобно потому, что студенты могут строить собственную образовательную траекторию, а это, в свою очередь, создает возможность формирования самостоятельности в работе с электронными средствами обучения. Помимо этого, для формирования активной самостоятельности, творческого овладения профессиональными умениями и знаниями в области использования электронных средств обучения, развития мыслительных способностей востребованным оказался проблемный подход в обучении, который нашел свою реализацию в процессе выполнения студентами мультимедийных проектов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абакумова С.И. Формирование исследовательской компетентности студентов инженерного вуза при изучении математики / С.И. Абакумов. Диссертация...канд.пед.наук. – Ставрополь. – 2009. – 175 с.
2. Буракова И.С. Формирование профессиональной компетентности будущих специалистов сферы информационного сервиса / И.С. Буракова. Диссертация...канд.пед.наук. – Ставрополь. – 2010. – 234 с.

УДК 378.2

**К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ
ИНТЕРАКТИВНЫХ СРЕДСТВ ОБУЧЕНИЯ
В ФОРМИРОВАНИИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ**

Везирова Н.Т.

**ACCORDING TO THE POINT OF USING INTERACTIVE
DEVICES OF EDUCATION OF YOUNGE
SCHOOLCHILDREN'S SPACE IMAGINATION**

Vezirova N.T.

В данной статье рассматриваются такие средства обучения, как интерактивная доска и программная среда КОМПАС 3D. Автором предлагается система упражнений, которые позволяют формировать пространственное представление у младших школьников с помощью мультимедийных средств обучения..

In given article there are considered such tutorials, as an interactive board and COMPASS 3D program environment which allows the formation of spatial representations at younger schoolchildren. There is offered task system which realizes spatial representation at younger schoolchildren. An important role can be played by interactive devices of education.

Ключевые слова: интерактивные средства обучения, интерактивная доска, пространственное представление, программная среда.

Keywords: using of interactive devices, interactive board, space imagination, program environment.

Важнейшим средством развития системы пространственных представлений является изобразительная деятельность, навыки. Овладевая приемами чтения и построения рисунка, ребенок осваивает пропорции, формы, величины, перспективные проекции, приучается произвольно строить известную систему координат изображаемого пространства и располагать на условном пространстве листа те или иные изображения предметов в определенных пространственных взаимосвязях. Обучаясь рисунку, ребенок преодолевает трудности, связанные с развитием зрительно-пространственных координаций и приобретает навык в управлении движением своей руки [3].

Среди различного вида представлений особое место занимают образы пространственных представлений, связанные с восприятием пространственных форм действительности. Работа по развитию про-

пространственных представлений школьников отвечает задаче гармоничного развития личности, способствует подготовке учащихся к творческой деятельности в различных областях науки, техники и производства. Кроме того, овладение пространственными представлениями является необходимым условием и опорой усвоения учебного материала, развития у учащихся познавательных способностей и формирования у них мировоззрения.

Формируются пространственные представления при изучении различных учебных предметов, в процессе разнообразной деятельности, однако, ведущая роль в этом процессе принадлежит геометрии. Объем геометрического материала, предлагаемый для изучения в 1-4 классах, столь незначителен, что он не может оказывать серьезного влияния на развитие пространственных представлений учащихся. Недооценка возможностей его усвоения обуславливает и неоправданно низкие требования к отбору содержания материала. Лишь в 4 классе учащиеся знакомятся с фигурами трех измерений. Это снижает уровень обучения геометрии, так как учащиеся лишаются возможности использовать предметы реального мира, в котором они живут, учатся и творят, для формирования у них правильных пространственных представлений. Усвоения геометрических понятий в старших классах без прочного фундамента развития пространственных представлений учащихся в начальных классах будет формальным и непрочным.

Занимаясь разработкой методики изучения геометрического материала в начальных классах, методисты-исследователи рассматривали вопросы формирования пространственных представлений у учащихся [1,2,3,4]. Основное внимание в этих исследованиях уделялось формированию двухмерных пространственных представлений на основе анализа пространственной размещенности объектов, усвоению определенных отношений и ориентировочных действий в реальном окружающем пространстве.

При формировании пространственных представлений у младших школьников нами использовалась специальная методика. При этом мы исходили из современных положений психолого-физиологических воззрений о механизме восприятия пространства, развития пространственных представлений. Для обеспечения полноты диагностики уровня развития пространственных представлений мы предложили несколько

серий заданий, включающих такие задачи, которые требуют осуществления различных мысленных пространственных преобразований: перемещение в пространстве, наложения, совмещения, повороты и т.п. При этом оперирование формой и величиной выступало не как сама цель, а как условие решения задачи.

Особое внимание было уделено выявлению возможностей учащихся в создании динамических пространственных образов. Важную роль в решении таких задач могут сыграть современные средства информационных и коммуникационных технологий, в частности, интерактивные средства обучения.

Многие методические инновации связаны сегодня с применением интерактивных форм и методов обучения. Поэтому внедрение интерактивных форм обучения – одно из важнейших направлений совершенствования подготовки в современной школе.

Интерактивное обучение – это диалоговое обучение, в ходе которого осуществляется взаимодействие учителя и ученика, специальная форма организации познавательной деятельности [4].

Любой педагог периодически сталкивается с необходимостью демонстрировать визуальные материалы. Однако традиционно использующийся с этой целью проектор и экран не всегда позволяют достичь желаемого результата. Справиться с проблемой демонстрации визуальных материалов учителю помогут современные интерактивные технологии, которые, дают возможность создавать и применять на уроках собственные инновационные разработки, не нарушая при этом привычного режима работы.

Немалую помощь в этом окажет интерактивная доска [2], т.к. у педагога появляется возможность работать на уроке с многочисленными компьютерными программами, самостоятельно создавать и перемещать объекты, использовать анимацию и т.д. Что не менее важно, рабочие материалы урока могут сохраняться в компьютере для дальнейшего редактирования и применения. Более того, в совокупности с компьютером и мультимедийным проектором интерактивная доска позволяет учителю писать конспект подобно тому, как он это делает на обычной доске, и при необходимости возвращаться к любому фрагменту урока. Вышеуказанные задачи нами решались с использованием интерактивных средств обучения: системы «КОМПАС – 3D LT» и интерактивной доски.

Изложение особенностей работы в этой системе максимально упрощено, т.к. пошаговая, подробная подача материала делает его понятным. Богатый иллюстративный материал помогает разобраться в изучаемом материале [1]. Используя систему, мы создавали динамические пространственные образы.

Сопровождение традиционных уроков презентациями дополняет объяснение учителя, а интерактивная доска позволяет соединить эти преимущества, разнообразить фронтальную форму работы и сочетать ее с индивидуальной в рамках традиционной классно-урочной системы (например, из разных частей фигуры собрать целую фигуру и т.п.).

Вопросы формирования обучающей интерактивной среды предполагают создание модели занятий, разработку методических материалов, сценариев их использования, выбор форм и интерактивных методов, анализ результатов, что приводит к формированию более точных пространственных представлений у младших школьников.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баранова И.В. Компас – 3D для школьников. Черчение и компьютерная графика. Учебное пособие для учащихся общеобразовательных учреждений. – М.: ДМК Пресс, 2009. – 272 с.

2. Сальникова В.В. Использование интерактивной доски для тестового контроля на уроках в начальной школе / В.В. Сальникова // Сборник научных трудов участников X Южно-Российской межрегиональной научно-практической конференции – выставки «Информационные технологии в образовании-2010». – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2010. – С.62-63.

3. Семаго Н.Я. Методика формирования пространственных представлений у детей дошкольного и школьного возраста: прак. пособие / Н.Я Семаго. – М.: Айрис-пресс, 2007. - 112 с.

4. Окунева Н.Е. Интерактивная презентация как средство активизации деятельности учащихся / Н.Е. Окунева // Сборник научных трудов участников X Южно-Российской межрегиональной научно-практической конференции – выставки «Информационные технологии в образовании-2010». – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2010. – С.22-23.

УДК 378.2

**УСЛОВИЯ СОЗДАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ИНФОРМАТИКИ**

Рагимова Т.Т.

**CONDITIONS FOR THE ESTABLISHMENT AND USE OF
ELECTRONIC LEARNING RESOURCES TRAINING TEACHERS
OF COMPUTER SCIENCE**

Ragimova T.T.

Автором рассматриваются психолого-педагогические условия создания и использования электронных образовательных ресурсов в профессиональной подготовке будущих учителей информатики. Особое место в учебном процессе занимает авторский спецкурс «Электронные образовательные ресурсы».

This article explores the psychological and pedagogical conditions for the creation and use of electronic educational resources in the training of future teachers of science where special place belongs to the author special course “Electronic educational resources”.

Ключевые слова: психолого-педагогические условия, электронные образовательные ресурсы, будущий учитель информатики, спецкурс.

Keywords: psycho-pedagogical conditions, electronic educational resources, a future science teacher, a special course.

В Концепции модернизации российского образования к числу важнейших факторов, определяющих новые требования к результатам образования, отнесены «динамичное развитие экономики, рост конкуренции, сокращение сферы неквалифицированного и малоквалифицированного труда, глубокие структурные изменения в сфере занятости, определяющие потребность в повышении профессиональной квалификации и переподготовке работников, росте их профессиональной мобильности» [2]. Эти новые требования обуславливают изменение представлений о сущности готовности человека к выполнению профессиональных функций и социальных ролей. В частности, сегодня изменение готовности к профессиональной деятельности учителя – это, в первую очередь, способность к овладению новыми педагогическими технологиями, значительное увеличение уровня самостоятельной деятельности, способность к проектированию, отбору педагогических инструментов; овладение информационными и коммуникационными технологиями в своей профессиональной сфере.

В педагогической науке сложились определенные теоретические

предпосылки решения вопросов, связанных с подготовкой в вузе учителей к использованию информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в профессиональной деятельности и определением целей, содержания, методологии и методики обучения информатике и ИКТ будущих педагогов; созданием условий для овладения учителями информационными технологиями как средствами информатизации.

Электронный образовательный ресурс (ЭОР) рассматривается исследователями при изучении характеристик и свойств информационных образовательных дидактических компьютерных сред; в рамках информационного подхода определяются функции и дидактический потенциал информационных образовательных ресурсов [1]. В работах ученых Института содержания и методов обучения и информатизации образования РАО описываются конкретные ЭОР, используемые в среднем и высшем образовании. В трудах А.А. Андреева, Е.С. Полат, А.Н. Тихонова и др. раскрывается потенциал Интернет-ресурсов как особого вида ЭОР для организации дистанционного обучения [3]. Вместе с тем подготовка будущих учителей информатики к созданию и использованию электронных образовательных ресурсов не являлась до настоящего времени объектом специального исследования.

Выделение аспекта создания электронных образовательных ресурсов как отдельного направления исследования осуществлено (в основном) на методологическом уровне. В поле зрения были не все этапы создания электронных образовательных ресурсов, а только их реализация средствами ИКТ. В настоящее время возникла необходимость в осуществлении подготовки будущего учителя информатики не только к использованию средств ИКТ, но и к готовности проектирования, разработке и созданию методики внедрения ЭОР.

К числу практических предпосылок решения проблемы подготовки будущих учителей информатики к созданию ЭОР следует отнести рост числа учителей и преподавателей вузов, использующих электронные ресурсы в своей образовательной деятельности. Как показывают специально проведенные опросы, в последние годы возросло количество разработанных учителями Республики Дагестан электронных образовательных ресурсов. В 2003-2004 г. при обобщении педагогического опыта, проведении открытых уроков, мастер-классов только 13% учителей демонстрировало авторские презентации к урокам, в 2005-2006 г. доля использования авторских презентаций к урокам возросла до 45%, при этом в качестве основного средства использовалась программа MS PowerPoint, 5% учителей использовали созданные с помощью редакторов тесты, электронные образовательные ресурсы контролирующего

типа, только 1% (учителя информатики, географии и истории) создавали электронные продукты на основе других инструментов (например, язык HTML, MS Flash и др.).

Начиная с 2009 г., наметилась тенденция роста самостоятельного создания учителями электронных образовательных ресурсов разных типов (информационных, обучающих, тренинговых, контролирующих, комплексных: электронные учебные модули и электронные учебно-методические комплексы). Таким образом, возникает потребность в научно-методическом обеспечении деятельности учителя информатики при создании ЭОР, но при этом в теории и методике обучения дисциплинам информационно-технологического цикла содержание указанных вопросов представлено явно недостаточно, разработанные методические рекомендации носят общий характер. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления дидактических условий подготовки будущих учителей информатики к созданию и использованию ЭОР в своей профессиональной деятельности, что позволит реализовать требования ГОС ВПО третьего поколения.

Для подготовки к возможности самостоятельной разработки или адаптации ранее созданных ЭОР, необходимо освоить инструментальные средства ИКТ. В своей работе под инструментальными средствами ИКТ мы понимаем средства обучения, функционирующие на базе средств ИКТ, которые И.В. Роберт определила как совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих (в рамках методики их использования) элементов и/или компонентов системы, образующих определенную целостность, единство.

На основе модульной технологии нами разработан спецкурс «Электронные образовательные ресурсы», который изучаются будущими учителями информатики на 5 курсе (10 семестр).

Предлагаем содержание данного спецкурса.

Модуль 1. Электронные образовательные ресурсы как учебные материалы нового поколения.

1.1. Понятие ЭОР.

1.2. Общие требования, предъявляемые к ЭОР.

1.3. Классификация ЭОР.

Модуль 2. Методические аспекты использования ЭОР при организации обучения в общеобразовательной школе.

2.1. Основные направления внедрения ЭОР в учебный процесс.

2.2. Методика использования ЭОР.

2.3. Некоторые сложности, возникающие при использовании ЭОР.

Модуль 3. Разработка ЭОР.

3.1. Разработка структуры ЭОР.

3.2. Средства создания ЭОР.

3.3. Требования, предъявляемые при разработке ЭОР.

3.4. Разработка конкретного ЭОР по школьной информатике.

Будущие учителя информатики испытывают особые трудности при изучении курса «Теория и методика обучения информатике». Для развития потенциала студентов и обеспечения качества их методической подготовки нами разработан электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) «Теория и методика обучения информатике». Данный ЭУМК содержит графическую, текстовую, цифровую, музыкальную, видео-, фото- и другую информацию, направленное на реализацию целей и задач современного педагогического образования. Структура ЭУМК представлена следующими разделами: программа; теоретический блок; практический блок; контрольно-диагностический блок.

Использование ЭУМК предоставляет возможность смещения акцента в обучении на развитие каждого студента и осуществления перехода от простого усвоения совокупности знаний к деятельностному, развивающему обучению, а в результате – формированию профессиональной компетентности в условиях современной информационно – образовательной среды.

Подготовив ЭУМК, мы создаем педагогические условия, которые обеспечивают формирование профессиональной компетентности, позволяют повысить качество подготовки будущего учителя информатики. В нашей практике использование ЭУМК способствует активизации работы студента на занятии и успешному усвоению учебного материала.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абрамов Е.В. Потенциал электронных образовательных ресурсов в учебном процессе / Е.В. Абрамов // Новые образовательные технологии в вузе: сборник докладов пятой международной научно-методической конференции. – ч.1. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2008. – С.138-144.

2. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года // Приложение к приказу Министерства образования России от 11.02.2002 г. №393.

3. Чернобай Е.В. Методическая система подготовки учителей к созданию электронных образовательных ресурсов: Автореф...дисс. канд.пед.наук. – М., 2008. – 21 с.

УДК 37.015

**ВКЛАД С.С. ГОГОЦКОГО В РАЗВИТИЕ
ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКИ**

Федотова И.Б.

**CONTRIBUTION OF GOGOTSKY S.S. TO THE DEVELOPMENT
OF CHRONOLOGIC PEDAGOGICAL SCIENCE**

Fedotova I.B.

Статья раскрывает различные аспекты трудов С.С. Гогоцкого в области истории педагогики. Автор утверждает, что сформулированные С.С. Гогоцким выводы способствовали разработке научных основ истории педагогики в 60-е годы XIX века в России.

The article expands different aspects of Gogotsky's heritage in the context of the history of pedagogics and education. The author approves that the conclusions formulated by Gogotsky S.S. and certain regularities of the development of chronologic pedagogical ideas have promoted the research of scientific principles of the history of pedagogics of the sixties XIX century in Russia.

Ключевые слова: модернизация образования, история педагогики, философское осмысление педагогических проблем, идея преемственности, мировая культура.

Keywords: modernization of education, history of pedagogics, philosophical understanding of pedagogical problems, idea of continuity, global culture.

Модернизация образования, повышение его эффективности в Российской Федерации предполагает критическое осмысление и творческое использование накопленного человечеством исторического опыта решения педагогических проблем и прогностическое целеполагание в соответствии со сложившейся ситуацией. Каждый исторический период образования и воспитания включает в себя достижения предшествующих эпох, находит отражение в новых концепциях, теориях, в практике воспитания, в создании новых педагогических систем. «Вот почему, – справедливо отмечает известный педагог России К.И. Салимова, – педагогическая мудрость Прошлого есть вечное воззвание в Будущее» [1, с.23].

Ценность истории педагогики для современной им практики обучения и воспитания понимали отечественные исследователи XIX века, которые стали уделять большое внимание истории зарубежной педагогики, школы и истории просвещения, развитию педагогической мысли в России. Знаковым для истории педагогики, по утверждению современ-

ного исследователя В.В. Колпачёва, стал выход в свет в 1853 г. монографического сочинения С.С. Гогоцкого «Об историческом развитии воспитания у примечательнейших народов древнего мира» [2, с.142].

Сильвестр Сильвестрович Гогоцкий (1813-1889) – выпускник Киевской духовной академии, по окончании её преподавал польский и немецкий языки, философию, в 50-е годы возглавлял кафедру педагогики в университете Святого Владимира в г. Киеве. С.С. Гогоцкий является автором ряда крупных трудов по философии. В «Философском лексиконе» содержатся статьи на педагогические темы: «Воспитание», «Дисциплина», «Дух обучения», «Педагогика». Педагогическая ценность «Философского лексикона» раскрыта современным исследователем С.Л. Кузьминой [3]. Монография С.С. Гогоцкого «Об историческом развитии воспитания у примечательнейших народов древнего мира» действительно представляет большой интерес для историко-педагогической науки. В ней содержатся очерки, характеризующие воспитание и образование у древних китайцев, индийцев, египтян, персов, греков, римлян, израильтян.

Целью историко-педагогических исследований С.С. Гогоцкий считал установление и анализ основных направлений развития педагогической мысли и практики воспитания и образования в определённый период в тесной связи с укладом общественной и семейной жизни народа, его быта, культуры, религиозности. Он утверждал, что педагогическая деятельность, духовная жизнь учителя, воспитателя находятся в неразрывном единстве с жизнью целого народа, а поэтому «различные направления истории воспитания зависят не только от степени умственного или теоретического образования народа, но и от внутреннего склада его религиозной, общественной и семейной жизни, отражающегося и в действительном его быте» [4, с.2]. В обосновании этой мысли педагог исходил из того, что воспитание есть процесс многофакторный, который обуславливается «естественными причинами» – окружающей внешней географической, природной средой, особенностями жизнедеятельности данного народа в ту или иную эпоху, национальным духом народа. Однако решающим фактором воспитания подрастающего поколения, его подготовки к жизни, труду он признавал «внутренние причины» – те, которые приводят к созданию у растущего человека его духовного мира, выработке нравственных убеждений и формированию целостного мировоззрения. Вместе с тем С.С. Гогоцкий признавал общий для всех цивилизованных народов фактор, обуславливающий единые идеалы воспи-

тания и единство всего человечества – христианскую религию. Это дало ему основание утверждать, что существуют общечеловеческие ценности в воспитании, а также общие для всех народов подходы к основным вопросам воспитания и образования: гуманные цели и задачи, средства и способы обучения и воспитания. Вот почему исследования в области истории педагогики, по С.С. Гогоцкому, должны быть направлены не только на выявление специфики педагогических воззрений, педагогических систем прошлого, но и на установление общего, присущего всем народам в их деятельности по подготовке подрастающих поколений к жизни.

Воспитание С.С. Гогоцкий рассматривал как общественное явление. Оно присуще только человеческому обществу и начинается там, где отчётливо проявляются «первые ясные признаки общественной жизни». Воспитательный процесс строится как в интересах отдельного человека, так и общества. Оно направлено на развитие всех сил человека, на искоренение в нём злоупотребления воли. Оно готовит растущего человека к деятельности и выполнению правил общежития. Однако, по мнению С.С. Гогоцкого, общественный характер воспитания в подлинном смысле этого слова проявляется с того времени, когда создаются государства, развиваются формы государственной жизни. Характеризуя особенности воспитания как общественного явления, С.С. Гогоцкий показал, что людям присуще стремление к усовершенствованию своей природы. Это стремление имеет божественное начало, оно проявляется как «лучезарные остатки первожданного богоподобия» и направлено на восстановление потерянного «падшим человечеством» совершенства. Эту особенность воспитания необходимо раскрывать в процессе историко-педагогического исследования.

Для науки представляет интерес исследование педагогической культуры древних народов (Китая, Индии, Спарты, Афин и др.), т.к. эта культура как органическая часть общей культуры человечества явилась источником научных теорий и систем образования, создававшихся на протяжении всей истории развития цивилизации. В работах С.С. Гогоцкого впервые в отечественной историко-педагогической литературе при освещении педагогической культуры древних народов предпринята попытка установить некоторые закономерности мирового педагогического процесса.

Анализ большого фактического материала, достоверных источников позволил С.С. Гогоцкому сделать вывод о том, что воспитание в

Китае строилось на фундаменте семейных отношений. Семья здесь являлась зародышем отношений, господствовавших в государстве. Поэтому семейное воспитание, по сути дела, представляло специфическую форму выражения государственного и общественного характера воспитания. Педагог показал, что именно в условиях семейной жизни, под влиянием авторитета главы семейства и «по влечению кровного сочувствия», человек усваивал нормы и правила жизни не только в семье, но и в обществе. Ведущая роль в семейном воспитании принадлежала отцу. Становясь взрослыми, дети благодарили отца, проявляли к нему сыновнюю преданность.

Для истории педагогики представляют интерес приведённые автором сведения о системе начальных школ в древнем Китае, о том, что каждому семейству вменялась обязанность иметь особое место для обучения в школе, о существовании в крупных городах публичных школ. Однако цели и способы обучения С.С. Гогоцкий называл «неподвижными». Обучение сводилось к механическому заучиванию учебников и передаче принятых требований, к приучению учащихся к строгому выполнению установленных в обществе норм поведения, строгого соблюдения церемониалов. Не допускалось новое в области мышления и условий общежития. В области воспитания господствовала доведённая до крайности теория послушания, безусловного повиновения. В результате, подчёркивал педагог, китайское просвещение «остановилось вне поступательного хода истории».

Особенностью воспитания в древней Индии С.С. Гогоцкий считал его кастовый характер. От рождения человек был приурочен к одной из каст: браминов, воинов, земледельцев, париев. Вся жизнедеятельность, в том числе воспитание и образование, строилась в соответствии с нравами и обязанностями касты, а также отражалась внешне в строго установленных, незыблемых обрядах. Духовное достояние человека каста делала своей собственностью. Образование (чтение, письмо, счёт) рассматривалось как фактор приобщения к искусству и науке. В организации школ, в содержании образования в них не было никакой системы, способствовавшей просвещению народных масс. Как показал С.С. Гогоцкий, образование древних индийцев было гораздо более глубоким и многосторонним, чем китайское: «Поэзия, философия, даже астрономия достигли у них значительного развития; им известны были механика, медицина, архитектура. Эти многосторонние сведения как исключительная собственность браминов, направленная к унижению

человека в лице низших каст, не могли иметь благотворного применения к воспитанию и образованию народному» [4, с.20].

Специфику просвещения и воспитания древних персов С.С. Гогоцкий связывал с религиозными взглядами. Воспитание направлялось на осуществление интересов царя персов и подчинённого ему народа. Каждый перс должен уметь защищать своего Царя с оружием в руках, служить ему. Такое воспитание С.С. Гогоцкий называл народным. Осуществлялось оно в семье. Большое внимание уделялось физическому воспитанию. Оно приучало детей к простоте жизни и подготовке к воинской службе. Педагог высоко оценивал нравственное воспитание в древнеперсидском обществе, поскольку оно не носило отвлечённого характера, было направлено на развитие правдивости. Воспитанник должен был выработать привычку всегда говорить правду, считать ложь самым большим бесчестьем.

Особенностью воспитания в Древней Греции в период расцвета рабовладельческих государств С.С. Гогоцкий считал его направленность на образование внутренних и внешних личных сил каждого гражданина и на развитие в сознании каждого из них самостоятельного стремления к общественному идеалу совершенства в органической связи с совершенствованием общественной жизни. Такая направленность воспитания обуславливала его непрерывный и действенный характер и стимулировала развитие педагогической мысли. Педагог показал, что спартанцы имели в виду одни воинские цели, а поэтому стремились только к тому, чтобы дети их были здоровы и физически крепки; с этой целью они принимали различные, порою далеко не гуманные меры не только после рождения, но и до рождения детей. Они исходили из неправильного убеждения, что телесное совершенство не может быть компенсировано различными другими достоинствами личности, которые проявляются в общественной и частной жизни. Тем самым спартанцы часто оскорбляли этими мерами человеческое достоинство и принижали духовно-нравственное значение человека. Воспитание в Спарте было направлено к одной цели – сохранению гармонии и крепости общественной жизни. Афинское воспитание, в оценке С.С. Гогоцкого, было направлено к гражданскому разностороннему образованию, обеспечивавшему «здоровое состояние души и тела, постоянную готовность воли к добру в соединении с внешней красотой как выражением красоты внутренней». Для афинян гармония души и тела являлась достижением человеческого совершенства, идеалом и целью воспитания, в котором соединялись общественные интере-

сы и интересы человеческого духа. Сущность человека афиняне видели в красоте тела и души. Педагог подчёркивал тот факт, что воспитание в Афинах было делом более частным, чем государственным.

Анализируя содержание воспитания в древнем Риме, С.С. Гогоцкий пришёл к выводу, что у подрастающего поколения вырабатывали «многие добрые качества, какие только возможны были в древнем мире с его понятиями о человеке и о разнообразных отношениях его жизни. Нежной заботливостью о молодом поколении в первые годы его детства, строгостью дисциплины, собственной жизнью и примерами типических лиц своей истории римляне поддерживали в нем тот же энергетический дух, которым долгое время они отличались на поприще воинском и гражданском. Практическое направление воспитания дольше сохранило у них чистоту нравов, нежели эстетическое у афинян» [4, с.205]. При этом исследователь обратил внимание на тот факт, что новым предметом обучения здесь являлось красноречие, необходимое в то время не только для гражданской, но и для военной службы. Во втором столетии до н.э. нововведением в воспитании римлян стало обучение детей греческому языку. Педагог подчёркивал, что владение греческим языком считалось первым признаком хорошего, модного в то время воспитания. И это было первым примером в истории педагогики, когда один народ чувствовал необходимость изучать язык другого народа для своего образования. А изучение греческого языка обусловило необходимость обучения грамматике, риторике и философии.

Расширение образования у римлян, как показал С.С. Гогоцкий, не способствовало совершенствованию нравственной природы человека, не улучшило его внутреннего состояния. Причину безуспешности нравственного образования исследователь видел в ограниченности самой идеи воспитания. По убеждению педагога, только христианство указывало общечеловеческий путь развития образования и воспитания, утверждало его гуманистическую направленность.

Историю воспитания древних израильтян С.С. Гогоцкий характеризует как развитие духовного образования, одушевлённого великой целью, обнимавшей судьбы всего человечества: чаянием того Божественного Лица, об имени которого обещано было благословение всем людям. Педагог отмечал, что «воспитание у древних евреев проникнуто возвышенным религиозным духом и все направлено к тому, чтобы приготовить в каждом иудее строгого исполнителя закона Иеговы и предохранить его от заблуждений языческих народов. Все прочее имеет у него

второстепенное значение» [4, с. 243-244]. Наставником и пастырем в доме у израильтян являлся отец. Он воспитывал детей в страхе Божьем, в духе беспрекословного повиновения. Теория послушания и повиновения лежала в основе воспитания детей израильтян. Педагог обратил внимание на то, что у древних евреев использовались приёмы и средства воспитания, достойные «особенного примечания». Это отношения родителей к детям и детей к родителям. У всех восточных народов, даже у образованных афинян, к матери не проявляли должного уважения. У евреев же уважение к матери внушалось детям наравне с уважением к отцу.

Сравнительный анализ воспитания в странах древнего мира позволил С.С. Гогоцкому установить, что на более высоком уровне оно осуществлялось у греков и римлян. Характерной чертой воспитания у народов этих стран он считал связь его с интересами общества и отдельных лиц, формирование у подрастающего поколения качеств, необходимых для плодотворной деятельности на благо общества, проявление усилий в деятельности по воспитанию к достижению преемственности поколений. Не уделялось должного внимания совершенствованию духовности личности, выработке у неё готовности «к жизни вечной, небесной». С.С. Гогоцкий с полным основанием утверждал, что достижения в развитии педагогических идей, позитивный опыт воспитания использовались применительно «к самому ограниченному кругу деятелей в обществе гражданском». Тем самым педагог подчёркивал выявленную им закономерность: общественное воспитание и образование у древних народов не было одинаковым для различных слоёв населения. Оно было поставлено преимущественно на службу интересам правящих кругов.

Нельзя не согласиться с утверждением С.С. Гогоцкого, что воспитание у древних народов соответствовало уровню развития гражданского общества того времени. Он отмечал: «Проходя мысленно политическую жизнь древних народов, находим неразрывную связь между направлением воспитания и состоянием их гражданских обществ. Дух общества отражается в духе воспитания. Но с другой стороны, и начала, одушевляющие воспитание, способствуют или препятствуют благосостоянию общества. Что посеяно было на почве молодого поколения, то всходило потом в жизнь и составляло сумму добрых или дурных плодов, пожинаемых обществом» [4, с. 254-255]. Актуальным для современной педагогики является сформулированное С.С. Гогоцким положение о не-

разрывной связи нравственного воспитания, состояния дисциплины в обществе, государстве с уровнем благосостояния народа. Подлинное воспитание возможно только в «благоустроенном обществе» и только под благодатным смотрением одного «верховного воспитателя всего человечества», т.е. Бога. По своему содержанию и характеру воспитание должно быть христианским. В России оно должно быть направлено на выработку любви к святой Церкви и строиться в соответствии с законами, заветными преданиями и традициями. Всё ценное в историческом опыте воспитания древнего мира С.С. Гогоцкий предлагал использовать в современной ему России в целях совершенствования просвещения, школы, воспитания в духе православия и использования народных традиций. С.С. Гогоцкий знакомил читателя с педагогикой народов древнего мира, осуществляя преимущественно информационную функцию. Однако сформулированные С.С. Гогоцким выводы и некоторые закономерности развития историко-педагогической мысли, создания педагогических систем способствовали интенсивной разработке научных основ истории педагогики в 60-е годы XIX века в России – в годы мощного общественно-педагогического движения.

Поскольку целью историко-педагогических исследований является не только установление закономерно повторяющихся фактов, ведущих идей в воспитании, но и выявление прогностического значения полученных результатов, можно утверждать, что С.С. Гогоцкий предпринял успешную попытку показать, каковы «живые вразумления» истории педагогики и как следует ими воспользоваться.

ЛИТЕРАТУРА:

1. История педагогики как учебный предмет. Под ред. К. И. Салимовой. М: Роспедагентство, 1996. 230 с.
2. Колпачёв В.В. Забытая страница в отечественной истории педагогики // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2009. №4. С. 142-153.
3. Кузьмина С.Л. Педагогика на страницах «Философского лексикона» С.С.Гогоцкого // Педагогика. 2006. №5 . С. 71-80.
4. Гогоцкий С.С. Об историческом развитии воспитания у примечательных народов древнего мира // Журнал Министерства народного просвещения. 1854, ч. LXXXIV. С. 2-256.

ПРАВО

УДК 347. 91

О ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СУДЕБНОМ КОНТРОЛЕ

Габараева Н. В.

ABOUT PRELIMINARY JUDICIAL CONTROL

Gabaraeva N. B.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с формой реализации судебного контроля на ранних стадиях дознания и предварительного следствия. Автором выяснено, что в России право и правоприменительная практика формируются под воздействием тенденции возрастания роли органов и институтов уголовного процесса в осуществлении охраны прав и свобод и неприкосновенности личности, что соответствует аналогичной, приоритетной задаче уголовного судопроизводства, закрепленной в статье 29 УПК Российской Федерации.

In article the questions connected with the form of realization of judicial control at early stages of inquiry and preliminary investigation. by the Author there is found out that in Russia the right and law practice are formed under the influence of a tendency of increase of a role of bodies and criminal trial institutes in realization of protection of the rights and freedom and personal immunity that to the full corresponds to the similar, priority problem of criminal legal proceedings fixed in article 29 CPC of the Russian Federation.

Ключевые слова: предварительный судебный контроль, дознание, предварительное следствие, судебная власть, судебная система, законность, обоснованность.

Keywords: preliminary judicial control, inquiry, preliminary investigation, judicial authority, judicial system, legality, validity.

Одной из значимых новелл действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации являются полномочия суда по осуществлению предварительного судебного контроля, предусмотренные в ч. 2 ст. 29 УПК Российской Федерации. Некоторые из них, в частности, принятие решения об аресте, продление срока ареста, обыск в жилище и др. являются для суда, в целом, новыми полномочиями. Вместе с тем предусмотренные в указанной статье полномочия суд начал применять и в период действия УПК РСФСР. К ним относятся наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию, выемка предметов и документов, содержащих информацию о

банковской тайне, контроль и запись телефонных и иных переговоров.

На наш взгляд, именно эти процессуальные действия, осуществляемые по судебному решению и предусмотренные ч. 2 ст. 29 УПК РФ, поставлены законодателем под контроль суда в силу наиболее существенных ограничений конституционных прав и свобод лиц, вовлекаемых в сферу уголовного процесса. Но эти ограничения допустимы только при соблюдении гарантий прав и свобод человека и гражданина, предусмотренных Конституцией Российской Федерации и федеральным процессуальным законом для обеспечения достижения целей уголовного процесса и при условии, что они не нарушают права граждан на досудебных стадиях.

Таким образом, предмет предварительного судебного контроля – это вопросы, отнесенные к исключительной компетенции суда. Такой контроль выражается в дозволении или недозволении совершения оперативно-розыскными или следственными органами действий, ограничивающих конституционные права граждан в соответствии с ч. 2 ст. 29, ст. 107, ч 2 ст. 203. ст. 165 УПК Российской Федерации. Правовой основой такого контроля являются ст.ст. 22, 23 и 25 Конституции Российской Федерации. Следует согласиться с мнением ряда авторов о том, что введение в полном объеме института судебного контроля неизбежно потребует внесения изменений в действующую судебную систему [1]. Так, И.Ф. Демидов высказался за «создание института специализированных органов судебной власти – федеральных следственных судей, осуществляющих исключительно функцию судебного контроля и свободных от полномочий по отправлению правосудия не только по делу, по которому они принимали решения на этапе досудебного производства, но также по любому другому делу» [2]. Другие специалисты предлагают возложить функции судебного контроля по делам, подсудным судам субъектов Российской Федерации, на специализированных судей, а по делам, подсудным мировому судье и районным судам, – на специализированного мирового судью [3].

С учетом сказанного представляется, что отечественное уголовное судопроизводство, предусмотревшее введение судебного контроля на ранних стадиях дознания и предварительного следствия, предполагает необходимость включения в систему судебных органов новой должности – следственного судьи, наделенного исключительно полномочиями судебного контроля за предварительным расследованием. Отметим, что Европейские стандарты защиты прав человека не исключают возможности существования такой должности. В соответствии с ч. 3 ст. 5 «Право

на свободу и безопасность» Европейской Конвенции о защите прав и основных свобод человека «каждое арестованное лицо незамедлительно доставляется к судье или другому должностному лицу, уполномоченному законом осуществлять судебные функции, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может ставиться в зависимость от предоставления гарантии явки в суд» [4].

Следственный судья, по мнению Н.Г. Муратовой, мог бы осуществлять все формы судебного контроля на ранних стадиях дознания и предварительного следствия, так как разрешение ходатайства участников уголовного судопроизводства (ст. 119 УПК Российской Федерации); рассмотрение жалоб участников уголовного судопроизводства и лиц, чьи интересы были затронуты производимыми процессуальными действиями и процессуальными решениями (ст. 123 УПК Российской Федерации), или причинившее ущерб конституционным правам и свободам либо затруднившее доступ граждан к правосудию (ч. 1 ст. 125 УПК Российской Федерации); разрешение на производство следственного действия (ч. 2 ст. 29, ст. 165 УПК Российской Федерации); судебный иммунитет (заключение о наличии в действиях отдельных категорий лиц состава преступления и согласие на производство в отношении них отдельных следственных действий) – ст. ст. 447–450 УПК Российской Федерации [5].

Согласно Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 29 апреля 1998 года право обжалования в суд на ранних стадиях дознания и предварительного следствия должно принадлежать любому заинтересованному лицу. В этой связи следует отметить, что в настоящее время число обращений, в которых поднимается вопрос о расширении оснований для обжалования в суд действий и решений органа дознания, следователя и прокурора, возрастает [6]. Анализируя данную проблему, можно отметить некоторую противоречивость суждений авторов. Например, одних смущает огромный объем обжалования и слишком глубокое вторжение суда в следственную работу, и они предлагают обжаловать лишь нарушение конституционных прав в случаях, когда это препятствует передаче дела в суд [7].

По этой проблеме в литературе высказано справедливое мнение о принципиальной невозможности ограничения предмета судебного контроля за актами предварительного расследования путем закрепления в законе перечня подлежащих обжалованию действий и решений органов расследования [8]. Действительно, если участник процесса об-

ращается в суд с жалобой, значит, он полагает, что его законный интерес существенно нарушен. Отказать в рассмотрении такой жалобы на том основании, что, якобы, не усматривается нарушение конституционного права, – значит обмануть ожидания человека, пытавшегося прибегнуть к судебной защите. Нельзя забывать, что в соответствии с Конституцией Российской Федерации каждому гражданину гарантируется судебная защита его прав и свобод (ст. 46).

Судебный контроль за исполнением законов в ходе производства предварительного расследования (следствия и дознания) способствует усилению правовой защиты граждан. Поэтому с точки зрения законодателя, любое лицо, в том числе, не являющееся участником уголовного процесса, если сочтет, что должностным лицом или государственным органом при производстве процессуального действия или принятии процессуального решения затронуты его интересы, имеет право на их обжалование. Это выражается в рассмотрении судом жалоб на действия (бездействия) и решения дознавателя, органа дознания, следователя и прокурора, способных причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства, либо затруднить доступ граждан к правосудию, а также иных жалоб граждан, пострадавших от тех или иных действий и решений публичных процессуальных органов, принимаемых в ходе производства по уголовному делу.

На досудебном этапе производства по делу судебный контроль реализует себя в различных правовых формах, образуя в итоге единый по сути и цели правовой механизм защиты (обеспечения) конституционных прав и свобод граждан. Различие интересов в характере защищаемых прав и свобод требует дифференциации способов и форм судебной защиты, призванных, в конечном итоге, к наиболее оптимальной реализации как общих целей процесса, так и конкретных задач, стоящих перед той или иной процессуальной процедурой. По действующему УПК Российской Федерации формой реализации судебного контроля на стадиях дознания и предварительного следствия является судебный контроль за законностью и обоснованностью применения мер процессуального принуждения, ограничивающих права и свободы участников уголовного производства (ст. 108 – 109 УПК РФ).

Основополагающей для проверки судебного контроля за законностью и обоснованностью применения мер процессуального принуждения, ограничивающих права и свободы участников уголовного производства, является ст. 108 УПК РФ, определяющая процессуальную форму судебного контроля за законностью и обоснованностью применения та-

ких мер пресечения, как заключение подозреваемого под стражу (ст. 108 УПК); домашний арест (ст. 107 УПК); продление сроков задержания и содержания под стражей или домашнего ареста, а также помещение обвиняемого, содержащегося под стражей, на стационарную судебно – психиатрическую экспертизу (ст. 435 УПК).

В соответствии с ч. 2 ст. 22 Конституции Российской Федерации арест, заключение под стражу, содержание под стражей допускаются только по судебному решению. Положения действующего Кодекса относительно заключения под стражу, в отличие от УПК РСФСР, были приведены в соответствии с Конституцией Российской Федерации. УПК Российской Федерации предусмотрено исключительное право суда в принятии решения об избрании и применении меры пресечения в виде заключения под стражу. Заключение под стражу – самая строгая мера пресечения и избирается лишь тогда, когда другие меры пресечения не могут обеспечить надлежащего поведения обвиняемого (подозреваемого). С другой стороны, неприменение заключения под стражу к лицам, совершившим тяжкие преступления, может привести к совершению новых преступлений, уничтожению доказательств и т.п.

Заключение под стражу применяется в отношении обвиняемого (подозреваемого) в совершении преступлений, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет, однако, в исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении обвиняемого (подозреваемого) в совершении преступлений, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет, но при наличии одного из следующих обстоятельств: обвиняемый (подозреваемый) не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации; личность обвиняемого (подозреваемого) не установлена; обвиняемым (подозреваемым) нарушена ранее избранная мера пресечения; если обвиняемый (подозреваемый) скрылся от органов предварительного следствия или суда.

Если обвиняемый (подозреваемый) – несовершеннолетний, то заключение под стражу в отношении него может быть применено в качестве меры пресечения в случае, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особого тяжкого преступления; в исключительных случаях, если он подозревается или обвиняется в совершении преступлений средней тяжести. В отношении несовершеннолетних, лиц, страдающих психическими заболеваниями, беременных женщин и кормящих грудью, имеющих малолетних детей, лиц, подлежащих выдаче, иностранцев, обладающих ограниченным иммунитетом, лиц отдельной

категории (ст. 450 УПК Российской Федерации) настоящим Кодексом, Конституцией Российской Федерации, иными федеральными законами, нормами международного права установлены специфические основания для применения к ним мер пресечения.

Если дознаватель, следователь или прокурор считают, что необходимо применить к задержанному меру пресечения в виде заключения под стражу, то должно быть вынесено постановление о возбуждении ходатайства перед судом об избрании такой меры пресечения. Задержанный обязательно доставляется к судье, участвует в рассмотрении ходатайства, имея возможность изложить свои возражения против заключения его под стражу. В судебном заседании участвует прокурор или по его поручению дознаватель либо следователь, возбуждающий такое ходатайство, и, конечно же, защитник, если он участвует в деле.

Районный судья единолично рассматривает сначала доводы должностного лица, возбуждающего ходатайство, а затем выслушивает возражения защиты и принимает одно из следующих решений: об удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу; об отказе в удовлетворении ходатайства (что влечет немедленное освобождение лица от задержания); о продлении срока содержания [10]. Суд вправе предоставить прокурору время для сбора недостающих доказательств. Такое решение судьи может быть обжаловано обеими сторонами в кассационном порядке. Подача кассационного представления прокурора не дает оснований для удержания подозреваемого под стражей. В таком порядке ведется рассмотрение ходатайства о заключении под стражу подозреваемого или обвиняемого, когда этому не предшествовало его задержание.

Таким образом, реальный предмет и пределы судебной проверки объективно охватывают собой диалектически взаимосвязанную систему правовых оснований и фактических данных, свидетельствующих о наличии общих, особенных, а в необходимых случаях и единичных оснований (критериев), необходимых и достаточных для законного и обоснованного применения испрашиваемой перед судом меры пресечения, дополнительный выбор которой, в конечном итоге, обусловлен обязательной оценкой тех обстоятельств (условий), которые характеризуют личность виновного и тяжесть содеянного им.

К компетенции судьи в целях процессуальной проверки законности и обоснованности ходатайства следственных органов в соответствии со ст. 109 УПК Российской Федерации отнесено продление заключения под стражу на срок свыше двух месяцев. Районный судья вправе удовлет-

ворить ходатайство следователя, согласованное с прокурором, о продлении срока заключения под стражу до 6 месяцев. В данной ситуации, представляется, в предмет проверки и оценки суда должны быть включены данные (результаты) предварительного расследования, во имя достижения которых была избрана мера пресечения, и только достоверное наличие системы фактических и юридических оснований, имеющих в представленных в суд материалах и нашедших свое отражение в ходатайстве следователя, может служить основанием для внесения названного ходатайства в суд и его возможного удовлетворения судом по результатам судебной проверки. Безусловно, должна быть учтена судом и система дополнительных (материальных и процессуальных) оснований, сформулированных законодателем в качестве объективно необходимых для законного и обоснованного разрешения ходатайства следователя о продлении сроков содержания под стражей свыше 6 месяцев (ч. 2–3 ст. 109 УПК Российской Федерации) или свыше предельного срока, установленного законом (ч. 5–8 ст. 109 УПК).

В соответствии с нормами УПК Российской Федерации суд (судья) вправе, если уголовное дело представляет собой особую сложность (когда речь идет о тяжком или особо тяжком преступлении), срок заключения продлить до 12 месяцев. Срок содержания под стражей свыше 12 месяцев может быть продлен лишь в исключительных случаях и только в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений. Данный срок может быть продлен областным (краевым) судом, что предусмотрено в ч. 3 ст. 109 УПК Российской Федерации, по ходатайству следователя, внесенному с согласия Генерального прокурора или его заместителя, до 18 месяцев. Ходатайство следователя рассматривается в суде с участием сторон. Дальнейшее продление срока (т.е. свыше 18 месяцев) не допускается, и обвиняемый, содержащийся под стражей, подлежит немедленному освобождению.

В связи со сказанным следует отметить, что в соответствии с нормами международного права, которые являются неотъемлемой частью российской правовой системы и применяются непосредственно (ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации), обвиняемый обладает правом на обжалование и судебную проверку его содержания под стражей через «разумные интервалы времени», что означает сравнительно короткое. [11]. Как известно, действующий УПК Российской Федерации не предусмотрел такую возможность. Представляется, что законодатель должен исправить такую ошибку, а судебная практика, в свою очередь, не дожидаясь законодательного решения, вполне могла бы идти по пути

рекомендаций по разрешению неоднократного рассмотрения вопроса о законности и обоснованности содержания лица под стражей. Поэтому полагаем, что Пленум Верховного Суда своим постановлением вполне мог бы разъяснить судьям возможность практики неоднократности разрешения обозначенных ходатайств, исходя из того положения, что содержание под стражей является крайней мерой ограничения прав и свобод граждан, которая причиняет человеку моральные, а иногда и физические страдания, и оно не должно продолжаться сверх необходимого времени.

Анализ действующего УПК Российской Федерации свидетельствует, что на судью возложена обязанность осуществлять контроль за законностью действий в предварительном следствии путем принятия решения не только об избрании меры пресечения в виде заключения под стражей, но и о проведении других процессуальных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (ч. 2 ст. 29 УПК). Однако их невозможно раскрыть в объеме одной статьи. Поэтому основное внимание мы уделили наиболее тяжелой из вышеназванных мер - заключению под стражу.

Хотя предметом нашего исследования является рассмотренная форма предварительного судебного контроля, следует также отметить, что действующий УПК РФ предусматривает и другие формы реализации судебного контроля на стадиях дознания и предварительного следствия: судебный контроль за законностью действий (решений), затрагивающих интересы участников уголовного судопроизводства в досудебном производстве (ст. 123 УПК РФ); судебный контроль за законностью и обоснованностью следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан (ст. 165 УПК); судебный контроль за законностью и обоснованностью действий (бездействий) и решений публичных процессуальных органов, способных причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства, либо затруднить доступ граждан к правосудию в досудебном производстве по уголовному делу (ст. 125 УПК Российской Федерации). Последняя форма судебного контроля последовательно реализуется в нормах ст. 19, 125 УПК РФ и является, на наш взгляд, наиболее продуктивной, поскольку позволяет проверить законность и обоснованность практически любого процессуального действия и решения дознавателя, следователя, прокурора, ограничивающее то или иное конституционное право граждан.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Рябкова О.В. Судебный контроль на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 8.
2. Демидов И.В. Судебная реформа и новые проблемы науки уголовного процесса // Вопросы укрепления законности в уголовном судопроизводстве в свете правовой реформы. Тюмень, 1995. С. 24-25.
3. Федоров И.З. Применение в досудебных стадиях уголовного процесса конституционных норм, допускающих ограничение прав и свобод человека и гражданина. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 19-21; Калугин А.Г. Сущность и формы процессуального контроля в деятельности органов предварительного расследования // Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений. Красноярск, 2000. С. 71-80.
4. Муратова Н.Г. Следственный судья в системе судебного контроля по уголовным делам // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2004. № 3. С. 81.
5. Там же. С. 81.
6. Концепция судебной реформы. М., 1992. С. 44.
7. Токарева М.Е. Проблемы регламентации правового статуса основных участников предварительного расследования преступлений // Современные проблемы уголовного права, уголовного процесса, криминалистики, прокурорского надзора. М., 1998. С. 14.
8. Лазарева В.С. Судебная защита в уголовном процессе Российской Федерации: проблемы теории и практики. Автореф. дисс. ... док. юрид. наук. М., 2000. С. 9-10.
9. Комментарий к Уголовно–процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.Г. Коваленко. М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 1264.
10. Ковтун Н.Н., Кузнецов А.П. Судебный контроль законности и обоснованности задержания подозреваемого // Российский судья. 2004. № 7. С. 35.
11. Гомиси Д.А. Путеводитель по Европейской концепции о защите прав человека. - Страсбург: Совет Европы, 1994. С. 27-28

УДК 347.91

**СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ МЕР
АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ**

Габараева Н.В., Эртель А.Г.

**JUDICIAL CONTROL AT REALIZATION OF MEASURES
OF ADMINISTRATIVE COMPULSION**

Gabaraeva N.V., Ertel A.G.

В статье авторами проанализированы вопросы, связанные с деятельностью судебного контроля при реализации мер административного принуждения. Значимость соблюдения прав и интересов граждан при применении административной ответственности возрастает в связи с масштабностью данного вида юридической ответственности.

In article the authors analyse the questions connected by activity of judicial control at realization of measures of administrative compulsion. The importance of observance of the rights and interests of citizens at application of administrative responsibility increases in connection with scale of the given kind of legal responsibility.

Ключевые слова: административный процесс, административные наказания, административная юрисдикция, административные правонарушения, административная ответственность.

Keywords: administrative process, administrative punishments, administrative jurisdiction, administrative offenses, administrative responsibility.

Административные наказания и иные принудительные меры, применяемые в административно-юрисдикционном процессе, затрагивают существенные права и интересы (личная свобода, имущественные и профессиональные интересы и др.). Значимость соблюдения этих прав и интересов при применении административной ответственности возрастает в связи с масштабностью данного вида юридической ответственности (ежегодно к ней привлекаются десятки миллионов людей) [1]. В научной литературе к органам административной юрисдикции относят органы, рассматривающие дела об административных правонарушениях [2]. Как правило, это органы исполнительной власти и муниципальных образований. Иными словами, применять административное наказание и меры производства по делам об административных правонарушениях могут только органы и должностные лица, в чью компетенцию это входит [3].

Однако рассматривать дела об административных правонарушениях вправе и суды общей юрисдикции в рамках осуществления судебного контроля за обоснованностью принятия решений по делам об административных правонарушениях и примененных мерах административной ответственности к гражданам. Применительно к юридическим лицам и гражданам – предпринимателям без образования юридического лица такой контроль осуществляется судами арбитражной юрисдикции. Как и суды общей юрисдикции, арбитражные суды осуществляют разбирательство дел об административных правонарушениях в порядке административного судопроизводства, что свидетельствует о важном шаге в направлении дальнейшего развития административного судопроизводства [5].

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 1999 года № 9-П четко сказано: «Действующее законодательство об административных правонарушениях... предусматривает, что суды (судьи) в рамках осуществления административного судопроизводства наделены как полномочиями по рассмотрению дел об административных правонарушениях и привлечению к административной ответственности, так и полномочиями по контролю за законностью и обоснованностью постановлений о наложении административных взысканий, выносимых другими уполномоченными на то органами (должностными лицами).

Данное требование не только упорядочивает правоприменительную деятельность, но и создает возможность гражданам и юридическим лицам грамотно отстаивать свои права. В этой связи следует отметить, что в науке административного права давно обсуждаются вопросы о том, каков статус судов, рассматривающих дела об административных правонарушениях, – являются ли они органами административной юрисдикции или органами правосудия? Они имеют большое практическое значение, поскольку от их решения зависит ответ на вопрос: осуществляют ли суды правосудие по делам об административных правонарушениях или их деятельность является производством по таким делам? Иными словами, каковы права лиц, участвующих в процессе, кто эти лица, каковы последствия ненадлежащего исполнения ими обязанностей или злоупотребления правами, каким процессуальным законодательством судам надлежит руководствоваться?

Данная проблема приобрела особую актуальность в настоящее время. Это связано с принятием двух новых процессуальных кодексов

– Гражданского процессуального кодекса (ГПК) и Арбитражного процессуального кодекса (АПК). При написании их ученые исходили из двух противоположных концепций. Авторы ГПК сочли суд при рассмотрении дел об административных правонарушениях органом административной юрисдикции, авторы АПК, напротив, решили, что суд при рассмотрении любых дел имеет статус органа, осуществляющего правосудие, что подтверждается п. 18 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2002 года № 11 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации».

В соответствии с ч. 1 ст. 202 АПК РФ дела о привлечении к административной ответственности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в связи с осуществлением ими предпринимательской и иной экономической деятельности, отнесенные федеральным законом к подведомственности арбитражных судов, рассматриваются по общим правилам искового производства с особенностями, установленными гл. 25 АПК РФ и федеральным законодательством об административных правонарушениях. В случаях когда в гл. 25 АПК РФ содержатся конкретные правила, то именно они подлежат применению при рассмотрении арбитражными судами дел о привлечении к административной ответственности.

В отличие от АПК РФ ГПК РФ не содержит специальных норм, регламентирующих производство по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции и у мировых судей. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении от 20 января 2003 г. № 2 [10] разъяснил, что ГПК РФ не определяет порядок производства по делам об административных правонарушениях, в т. ч. порядок рассмотрения жалоб на постановления, вынесенные по делам об административных правонарушениях. Этот порядок с 1 июля 2002 года устанавливает Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (п. 7) т.е. при рассмотрении данных дел суды общей юрисдикции и мировые судьи должны руководствоваться только Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях.

Это повлекло за собой, как справедливо отмечает ряд авторов, два принципиально разных подхода к решению вопроса о том, какое процессуальное законодательство приоритетно при рассмотрении указанных дел. В данной связи, отмечает ряд авторов, необходимо унифицировать

законодательство, определяющее порядок рассмотрения дел об административных правонарушениях, в соответствии с идеей, заложенной при создании Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Все (без исключения) субъекты, наделенные Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях правом рассмотрения дел о правонарушениях, должны рассматривать указанные дела, руководствуясь его нормами [1].

В новом КоАП Российской Федерации весьма ярко выражена тенденция роста административного судопроизводства в административно-юрисдикционном производстве по делам об административных правонарушениях, ограничивающих правовой статус граждан. Так, из 391 состава Особенной части свыше 200 составов подведомственны судам. В соответствии с п. 1 ст. 23 КоАП РФ судьи рассматривают дела об административных правонарушениях, предусмотренных в 135 статьях особенной части. Дела об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 2 ст. 23. 1 КоАП РФ (57 статьей Особенной части КоАП РФ), подведомственны одновременно как органам (должностным лицам), осуществляющим в определенной сфере жизнедеятельности общества государственный контроль, так и судьям. Они рассматриваются судьями лишь в случаях, если орган или должностное лицо, к которому поступило дело о таком административном правонарушении, передает его на рассмотрение судье.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает оперативные сроки рассмотрения дел об административных правонарушениях. Статьей 29.6 КоАП РФ устанавливается срок рассмотрения дел об административных правонарушениях - 15 дней со дня получения судьей протокола и других материалов дела, пролонгация этого срока возможна, но не более чем на месяц. Вместе с тем указанная статья предусматривает, что дело об административном правонарушении, совершение которого влечет административный арест либо административное выдворение, рассматривается в день получения протокола об административном правонарушении и в течение 48 часов, если лицо, в отношении которого ведется производство, подвергнуто административному задержанию.

В целях оперативности, обоснованности и объективности суд может осуществлять по собственной инициативе и иные меры, например, признать, что неявка надлежащим образом извещенных лиц не является препятствием для рассмотрения дела (ст. 25.1 КоАП РФ). При

рассмотрении дела об административном правонарушении, влекущим административный арест или административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, присутствие лица, в отношении которого ведется производство по делу, является обязательным. Все вышеизложенное свидетельствует о совершенствовании процедуры рассмотрения административных дел (упрощенная и ускоренная процедура рассмотрения судьей некоторых вопросов; система дополнительных гарантий, призванных максимально защитить интересы субъектов, включая право на обжалование в суд) и развитии административного судопроизводства [12].

Относительно новым для законодательства об административных правонарушениях является то, что поводами для возбуждения дел могут быть материалы, полученные из государственных и муниципальных органов, общественных организаций, если в них содержатся данные, свидетельствующие о наличии события о правонарушении. Поводами являются сообщения в средствах массовой информации, сообщения и заявления, полученные от граждан, организаций, содержащие данные, указывающие на наличие события административного правонарушения. В отношении данной группы поводов к возбуждению дел об административных правонарушениях законодатель установил небольшие ограничения. Сообщения средств массовой информации, физических и юридических лиц не могут быть основаниями для возбуждения дел по следующим статьям Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: ч. 2 ст. 5.27 («Повторное нарушение законодательства о труде и об охране труда»); ст. 14.12 («Фиктивное или преднамеренное банкротство»); ст. 14.13 («Неправомерные действия при банкротстве»); ст. 14.21 («Ненадлежащие управление юридическим лицом»); ст. 14.22 («Совершение сделок и иных действий, выходящих за пределы установленных полномочий»); ст. 14.23 («Осуществление дисквалифицированным лицом деятельности по управлению юридическим лицом»). Особенности этой группы, указывает ряд авторов, состоят в том, что они направлены на борьбу с ненадлежащим управлением юридическим лицом, связаны с применением такого наказания, как дисквалификация (кроме ч. 2 ст. 5.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях), устанавливающих особые правила возбуждения таких дел.

Возбуждение дела об административном правонарушении – начальная стадия производства. Применительно к производству по делам

об административных правонарушениях данная стадия имеет специфическое процессуальное оформление. Суть его состоит в составлении особого процессуального документа, а именно – протокола об административном правонарушении [14]. Дело об административном правонарушении считается возбужденным с момента составления первого протокола о применении к лицу мер обеспечения производства по делу, предусмотренных ст. 27.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Протокол об административном правонарушении не составляется в двух случаях: при возбуждении дела об административном правонарушении прокурором (ст. 28.4 КоАП РФ) и при назначении административного наказания без составления протокола (ч. 1 ст. 28.6 КоАП РФ).

Согласно п. 2 ст. 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» прокурору и его заместителю предоставлено право возбуждать производство об административном правонарушении. В свою очередь, ст. 28.4 и 28.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях определяют полномочия прокурора по возбуждению дел об административных правонарушениях и направлению материалов в суды, уполномоченные рассматривать соответствующие дела. Следует иметь в виду, что в силу упомянутых норм такими правами и полномочиями обладают прокуроры (заместители прокуроров) городов и районов, а также вышестоящие прокуроры. Например, производство по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 5.1, 5.5, 5.7, 5.8, 5.22 – 5.24, возбуждается прокурором.

В этой связи следует отметить, что прокурор, осуществляя надзор за исполнением законов при производстве по делам об административных правонарушениях, вправе участвовать в рассмотрении дела. В таких случаях в процессе рассмотрения дела заслушивается заключение прокурора. В течение суток с момента составления протокол (постановление прокурора) и иные материалы по делу об административном правонарушении направляются судье (ч. 1 ст. 28.8 КоАП РФ). Если совершенное административное правонарушение может повлечь наложение ареста, то протокол или постановление об административном правонарушении должны быть переданы в суд общей юрисдикции немедленно (ч. 2 ст. 28.8 КоАП РФ). Специфика правового регулирования рассмотрения дел об административных правонарушениях судами общей юрисдикции связана с установлением процедуры, закрепленной в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Процессуальным

основанием рассмотрения дела является составленный компетентным должностным лицом и оформленный соответствующим образом протокол об административном правонарушении в плане соответствия его требованиям, установленным законом, и решение о возбуждении дела или об отказе в возбуждении. Проверке подлежит подведомственность дел о привлечении к административной ответственности суду общей юрисдикции, исходя из характера субъектного состава и специфики правоотношений. Первый критерий, которому должны соответствовать дела об административных правонарушениях, – это определенный субъектный состав (органы и должностные лица, которые уполномочены составлять протоколы). Второй критерий касается подведомственности дел судам общей юрисдикции. Судья выясняет, относится ли к его компетенции рассмотрение данного дела. При решении вопроса о компетенции судьи по рассмотрению поступившего дела об административном правонарушении применяются правила определения подведомственности дел об административных правонарушениях, предусмотренные ст. 23.1 КоАП РФ. При этом необходимо учитывать, что дела, указанные в части 1 и ч. 2 ст. 23.1 и совершенные военнослужащими и гражданами, призванными на военные сборы, рассматриваются судьями гарнизонных военных судов. Судьи арбитражных судов рассматривают дела об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 6.14, 7.24, 14.1, 14.10-14.14, 14.21-14.23, 15.10, частями 1 и 2 ст. 19.19 КоАП РФ.

Учитывая специфику по делам о привлечении к административной ответственности, обязанность доказывания обстоятельств, послуживших основанием для составления протокола об административном правонарушении, лежит на административном органе, обращающемся в суд с заявлением о наложении на это лицо административной ответственности. Судья на этапе подготовки к рассмотрению дела вправе своим определением истребовать для рассмотрения дела дополнительные материалы, необходимые для всестороннего, полного и объективного выяснения всех обстоятельств дела, а также назначить экспертизу. Если в процессе подготовки к рассмотрению дела выясняется, что представленных материалов недостаточно и невозможно их восполнить в процессе рассмотрения дела, судья в соответствии со ст. 29.4 КоАП РФ возвращает протокол и другие материалы в орган или должностному лицу, которые составили их, для доработки. Статья 28.8 КоАП РФ устанавливает сжатый срок для исправления недостатков протокола.

В процессе рассмотрения дела судья в соответствии с требова-

ниями, установленными гл. 26 КоАП РФ, исследует доказательства, на основе которых устанавливает наличие или отсутствие административного правонарушения, виновность лица в его совершении и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. При этом судья может не ограничиться исследованием поступивших доказательств. Он вправе по своей инициативе или по ходатайству участников рассмотрения дела привлекать и исследовать дополнительные доказательства (вызов и опрос дополнительных свидетелей, истребование и исследование вещественных доказательств и т.п.).

В соответствии с ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению. В новом Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях в главе 30 «Пересмотр постановлений и решений по делам об административных правонарушениях» установлены единые правила рассмотрения жалоб по данным делам, существенно отличающиеся от апелляционного производства и производства в кассационной инстанции по гражданским делам. В частности, с учетом специфики административно-процессуальных отношений, здесь по-иному решены вопросы сроков и порядка обжалования, а также рассмотрения жалобы и принятия по ней решения.

Следует отметить, что принципиально большое значение для правоприменительной практики имеет тот факт, что в порядке, предусмотренном главой 30 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пересматриваются как постановления о назначении административного наказания, так и постановления о прекращении производства по делу об административном правонарушении, а также определения об отказе в возбуждении дела. Право граждан на обжалование определений об отказе в возбуждении дела, постановлений и решений по делам об административных правонарушениях представляет собой гарантированную государством возможность восстановления нарушенных прав и охраняемых интересов, средство выявления и устранения недостатков в деятельности органов, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях. Использование права на

обжалование зависит от усмотрения лиц, которым такое право предоставлено.

К числу субъектов права на обжалование постановлений по делам об административных правонарушениях относятся лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, потерпевший, законные представители физического лица, законные представители юридического лица, защитник и представитель, прокурор и др. Осуществлять производство по таким делам необходимо на основании заявления лица в порядке гражданского судопроизводства в соответствии с положениями главы 25 ГПК РФ. В этой связи следует отметить, что жалоба должна быть внесена в письменной форме. В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях не установлены требования к содержанию жалобы на постановление по делу об административном правонарушении.

Жалоба на постановление по делу об административном правонарушении может быть подана в течение 10 суток со дня вручения или получения копии постановления [ст. 30.3 КоАП РФ]. По общему правилу такие жалобы подлежат рассмотрению в соответствии с положениями главы 29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Рассмотрение дела об административном правонарушении» с учетом тех особенностей, которые установлены в ст. 30.5 – 30.8 КоАП РФ. Данное обстоятельство весьма существенно, отмечает ряд авторов, поскольку многие научные и практические работники полагают, что порядок пересмотра постановления по делу об административном правонарушении, за исключением порядка и сроков обращения с жалобой, в КоАП РФ фактически не урегулирован [20].

В данной связи следует отметить, что Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях устанавливает сравнительно небольшой срок рассмотрения жалобы на постановления по делу об административном правонарушении – 10 суток со дня ее поступления со всеми материалами дела в суд, правомочный рассматривать жалобу. По жалобам на постановления об административном аресте такой срок составляет одни сутки, если лицо, привлеченное к административной ответственности, отбывает административный арест. Важное значение для соблюдения установленных сроков и оперативного рассмотрения жалобы имеют подготовительные действия судьи, которые включают проверку подведомственности жалобы данному суду. Если суд придет к выводу, что рассмотрение полученной жалобы не относится к его компе-

тенции, то она направляется на рассмотрение по подведомственности в течение 3-х суток. В этой связи необходимо учитывать, что, в отличие от апелляционного производства и производства в кассационной инстанции по гражданским делам, в производстве по делам об административном правонарушении судья не связан с доводами жалобы и проверяет дело в полном объеме. Поэтому судья вправе назначить экспертизу, истребовать дополнительные материалы, вызвать лиц, участие которых необходимо при рассмотрении жалобы. Учитывая особый процессуальный порядок рассмотрения дела об административных правонарушениях, судья не вправе принять решение по основаниям и в форме, предусмотренными ГПК Российской Федерации. В частности, он не имеет права оставить жалобу без рассмотрения или вынести постановление о прекращении производства по делу в связи с заявлением сторон о заключении мирового соглашения.

И последнее. Вынесенное по жалобе на постановление по делу об административном правонарушении решение должно быть немедленно оглашено. Копия решения по жалобе на постановление по делу об административном правонарушении в течение 3-х суток после его вынесения вручается или высылается физическому лицу или законному представителю юридического лица, в отношении которых было вынесено постановление по делу, а также потерпевшему в случае подачи им жалобы либо прокурору по его просьбе. Решение районного судьи по жалобе на постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное мировым судьей не является окончательным, а может быть обжаловано в вышестоящий суд в соответствии с правилами и нормами главы 30 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Вышеизложенное позволяет нам определить исследуемое понятие (административная юрисдикция) по следующим основаниям:

а) по субъектам, которых в административной юрисдикции довольно много (исполнительные органы государственной власти, исполнительные органы муниципальных образований, судебные органы (судьи), то есть процедура рассмотрения судом дел об административных правонарушениях упрощена по сравнению с гражданским и уголовным процессом. Эти дела могут разрешаться и, помимо суда, иными государственными органами и должностными лицами, что не соответствует принципу осуществления правосудия только судом;

б) по правовой регламентации. Для административной юрисдикции

– это, в первую очередь, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, также ряд норм, закрепленных в налоговом, природоресурсном, таможенном, антимонопольном законодательстве и др.;

в) по признаку того, какие дела рассматриваются. Административная юрисдикция – это производство по делам об административных правонарушениях, дисциплинарное производство, производство по жалобам, исполнительное производство, производство по применению мер административно-процессуального принуждения на основе административно-процессуальных норм [21]. Это не правосудие. Его цель и основная задача – защита личности, рассмотрение гарантий прав и свобод граждан. В этих делах суд разрешает спор о праве, но о праве не гражданском, а административном [22];

г) по процессуальным различиям. Для административной юрисдикции процедура устанавливается и регламентируется специальными нормативными актами: Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, указами Президента и Правительства Российской Федерации, актами федеральных органов исполнительной власти.

На наш взгляд, исходя из материально-правового характера юридических дел об административных правонарушениях, процессуальных и специфических особенностей в порядке их рассмотрения, судебный контроль в сфере административной юрисдикции осуществляется в особом процессуальном порядке в целях защиты прав и интересов лиц.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Минашкин А.В. Формирование принципов административного судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 2. С. 38.
2. Попов Л.Л., Шергин А.П. Управление. Гражданин. Ответственность. Л., 1975. С. 127; Ключниченко А.П., Шергин А.П. Административные комиссии. М., 1975. С. 4.
3. Минашкин А.В. Формирование принципов административного судопроизводства. С. 39.
4. Чепурнова Н.М. Судебный контроль в Российской Федерации: проблемы методологии, теории и практики. Ростов н / Д, 1999. С. 114.
5. Рассмотрение арбитражными судами дел об административных правонарушениях: Комментарии законодательства. Обзор практики. Ре-

комендации. / Под общ. ред. Э.Н. Ревина. М., 2003. С. 3.

6. Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 23. Ст. 2890.

7. Шергин А.П. М., 2002. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. М., 2002.

8. Морозова Н.А. Суды как органы, осуществляющие производство по делам об административных правонарушениях // Журнал российского права. 2004. № 4. С. 41.

9. Вестник ВАС Российской Федерации. 2003. № 2.

10. Бюллетень. Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 3.

11. Никоноров С.Ю. Проверка решений по делам об административных правонарушениях по новому законодательству Российской Федерации // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 11. Право. 2003. № 5. С. 96.

12. Панова И.В. Административное судопроизводство в Российской Федерации // Рассмотрение арбитражными судами дел об административных правонарушениях: Комментарии законодательства. Обзор практики. Рекомендации. / Под ред. Э.Н. Ренова. изд-во НОРМА, 2003. С. 30.

13. Бахрах Д.Н., Ренов Э.Н. Указ. соч. С.153.

14. Административное право: Учебник / Под ред. Л.Л. Попова. М., 2002. С. 426.

15. Решетникова И.В. Дела о привлечении к административной ответственности // Рассмотрение арбитражными судами дел об административных правонарушениях: Комментарии законодательства. Обзор практики. Рекомендации. М., 2004. С. 170 – 171.

16. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / Под ред. В.В. Черникова и Ю.П. Соловей. М., 2003. С. 693.

17. Черникова В.В., Соловей Ю.П. Указ. соч.С. 693.

18. Панкова О.А. Пересмотр постановлений (решений) по делам об административных правонарушениях // Российская юстиция. 2004. № 1.

19. Черникова В.В., Соловей Ю.П. Указ. соч.С. 693, 703.

20. Панкова. О. Указ. соч. С. 96.

21. Там же. С. 31.

22. Бельский К.С. К вопросу о предмете административного права // Государство и право. 1997. № 11. С. 21.

УДК 327

МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Кокорин С. А.

MEASURES OF CRIMINALLY-LEGAL FIGHT AGAINST TERRORISM IN RUSSIA IN THE BEGINNING OF XX CENTURY

Kokorin S. A.

В статье исследуются уголовно-правовые меры по борьбе с терроризмом, принимаемые в России в начале XX века. Автором проанализированы результаты принятия Уголовного Уложения от 22 марта 1903 г.

In article criminally-legal measures, on the fight against terrorism, accepted in Russia in the XX-th century beginning are investigated. Also the author analyses results of acceptance of Criminal Ulozhenija from March, 22nd, 1903.

Ключевые слова: акты терроризма, государственный строй, уголовно-правовые меры, Уголовное уложение 1903 года, ответственность.

Keywords: terrorism certificates, a political system, criminally-legal measures, responsibility.

Начало XX в. (с точки зрения развития уголовного законодательства) ознаменовалось принятием Уголовного Уложения от 22 марта 1903г. Традиционно для дореволюционного российского уголовного законодательства его особенная часть открывалась главой о преступлениях против веры, а затем следовала глава «О бунте против верховной власти и о преступных деяниях против Священной особы Императора и Членов Императорского дома». Содержательно эти нормы не слишком изменились по сравнению с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Основные объекты посягательства – государственный строй, территориальная целостность государства, характерные именно для террористических преступлений, в нормах Уголовного Уложения не упоминались.

Другого непосредственного объекта террористического акта, кроме особы императора и членов его семьи, в статьях гл. 3 не указано, хотя в «террористической войне» народников с правительством погибло множество государственных деятелей высшего эшелона, чиновников среднего звена и рядовых граждан государства. Видимо, таково самодержавное мышление законодателя. Исаева Т. верно отмечает, что термины «террористический акт», «террор» или «терроризм» в Уголовном Уложении не

встречаются; вероятно, законодатель ощущал их как уличный неологизм и предпочитал употреблять более привычные, описательные выражения («посягательство на жизнь, здоровье, свободу, неприкосновенность священной особы царствующего императора», «посягательство на низвержение царствующего императора с престола», «насильственное посягательство на изменение образа правления» и т.п.). В отличие от времён Уложения о наказаниях в редакциях 1845 г. и 1866 г., к 1903 г. действовали чрезвычайные уголовно-правовые меры, и поэтому квалификации деяний, представляющих собой террористические акты, по нормам главы Уголовного Уложения о бунте не осуществлялось.

Учитывая политическую и уголовную обстановку, сложившуюся в начале XX в. в России, в Уголовное Уложение 1903 г. была включена ст. 126, которая устанавливала ответственность за участие в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве общественного строя посредством взрывчатых веществ или снарядов. Содержание этой нормы приближено к имеющимся в современной действительности уголовно-правовым мерам. Необходимо обратить внимание на то, что норма не устанавливает ответственности непосредственно за совершение террористических актов – это по-прежнему делается на основе законодательства, предусмотренного для военного времени, т. е. чрезвычайного в условиях мира. Данная норма устанавливает ответственность, если можно так выразиться, за отложенный, будущий умысел.

Преступление считается оконченным с момента вхождения лица в такое сообщество, независимо от того, сделаны ли уже какие-то приготовления или тем более покушения. Приготовления и покушения требуют дополнительной квалификации по соответствующим нормам чрезвычайного законодательства. Поскольку объективную сторону этого преступления составляет только участие в обществе, а не подготовка и совершение террористических актов, ответственность, предусмотренная данной нормой, значительно, мягче: каторга на срок до восьми лет или ссылка на поселение. Представляется, что включение такой нормы в состав уголовно-правовых норм, – верный и необходимый шаг на пути преодоления террористических актов.

В 1906 г., учитывая обстановку в стране, П.А. Столыпин выступил с инициативой введения ещё более чрезвычайных мер для нормализации ситуации. Он отмечал: «К сожалению, кровавый бред, господа, не пошел ещё на убыль, и едва ли обыкновенным способом подавить его по плечу нашим обыкновенным установлениям ... Государство может,

государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада». В результате инициативы П.А. Столыпина появилось Высочайше утверждённое положение Совета Министров «Об усилении ответственности за распространение среди войск противоправительственных учений и суждений и о передаче в ведомство военных и военно-морских судов дел по означенным преступным деяниям» от 18 августа 1906 г.

Уголовно-правовыми мерами по борьбе с терроризмом здесь были нормы статьи 1 об ответственности за призывы к ниспровержению существующего в государстве строя способом, опасным для жизни многих лиц. В таком случае виновный мог понести наказание в виде каторги на срок не менее шести лет. Ст. 3 Положения указывает на то, что такого рода преступления рассматриваются в военных судах. Утверждённое на следующий день – 19 августа 1906 г. – Положение об учреждении военно-полевых судов закрепило скорый и упрощённый порядок рассмотрения дел. Так, например, суд должен закончить рассмотрение дела не позднее, чем в двое суток; приговор вступает в силу немедленно и приводится в исполнение немедленно (в любом случае - не позднее суток с момента вынесения). Решительные меры правительства в начале XX в. наряду с совершенствованием деятельности сыскных служб позволили к 1909 г., по данным Гусева К.В., обнаружить и привлечь к ответственности наиболее опасных преступников. Однако не всех [2]. Некоторые потери были особенно печальны для России. Начальник Петербургского охранного отделения А.В.Герасимов писал: «Террористический акт 15 июля 1904 г. лишил империю крупного вождя, человека, слишком самонадеянного, но сильного, властного, державшего в своих руках все нити внутренней политики» [2].

Таким образом, следует признать, что Россия в XIX и в начале XX в. допустила nepозволительную медлительность, что привело к физическому устранению ряда мощных государственных деятелей и фактически обезглавило страну.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазной революционности к контрреволюции. М., 1975. С. 65.
2. Исаева Т. Российское законодательство о противодействии терроризму второй половины XIX в. // Законность. 2007. № 7 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

3. Суворов А.И. Антитеррористическая деятельность в дореволюционной России // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 107.

4. Высочайше утверждённое положение Совета Министров «Об усилении ответственности за распространение среди войск противоположительственных учений и суждений и о передаче в ведомство военных и военно-морских судов дел по означенным преступным деяниям» от 18 августа 1906 г. // ПСЗ РИ – III. Т. 26. Отд. 1. Ст. 28247.

5. Среди чрезвычайных актов: Именной, данный Сенату, Указ Императора «О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленного для военного времени» // ПСЗ РИ – II. Т. 53. Отд. 2. Ст. 58778; Высочайше утверждённое «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. // ПСЗ РИ – III. Т. 1. Ст. 350.

УДК 340.011

ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДА КАК ПРОБЛЕМА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Мирошниченко Д.А.

INTERPRETATIVE ACTIVITY OF COURT AS THE JURISPRUDENCE PROBLEM

Miroshnichenko D.A.

В статье показано, что в процессе уяснения смысла правовых норм в контексте конкретного случая происходит незаметное для толкователя соавторство (или конструирование) собственного индивидуального смысла нормы, объединяющего и волю законодателя, и волю закона в воле толкователя. Поэтому судебное решение лишь отчасти может быть спрогнозированным, а эффективность права и судебной власти зависит (в большей степени) от нравственных качеств ее кадрового состава, чем от совершенства законодательства. Все эти выводы позволяют критически переосмыслить концепцию разделения властей, а также дискуссию по поводу признания судебной практики источником права.

In article it is shown that in the course of explanation of sense of rules of law in a context of a concrete case there is a co-authorship imperceptible for the interpreter, or designing of own individual sense of the norm uniting both will of the legislator, and will of the law in an ox of the interpreter. Therefore the judgment only partly can be predicted, and efficiency of the right and judicial authority depends in a greater degree on moral qualities of its personnel structure, than from perfection

of the legislation. All these conclusions allow to rethink critically the concept of division of the authorities, and also discussion concerning a recognition of judiciary practice by a right source.

Ключевые слова: суд, юридическая техника, юридическая конструкция, право, правотворчество, правореализация, юридические средства.

Keywords: court, legal technology, technical legal construction, law, lawmaking, legal realization, legal means.

Одним из наиболее острых и оживленно обсуждаемых теоретико-практических вопросов, связанных с функционированием судебной власти, является проблема судебного правотворчества. Речь идет о том, может ли суд, наряду с толкованием и применением права, заниматься еще и созданием новых правовых норм, или, что тоже самое, может ли судебная практика в России выступать в качестве источника права.

По данному вопросу продолжают высказываться самые полярные точки зрения. Сохраняется достаточно большая группа авторитетных специалистов, которые отрицают возможность рассмотрения судебных решений в качестве источников права. Их аргументы сводятся, в основном, к тому, что это противоречило бы принципу разделения властей, что правотворческие полномочия судам в российской правовой системе не предоставлены.

Так, по мнению В.С. Нерсисянца, «это однозначно следует из конституционной концепции российской правовой государственности и конституционной регламентации принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную... Основной смысл разделения властей состоит в таком разграничении функций, правомочий и сфер деятельности этих властей, чтобы каждая из них занималась своим делом. Необходимое при этом взаимодействие властей (как и соответствующая система сдержек и противовесов) может и должно осуществляться только в строгом и последовательном соответствии с требованием принципа разделения властей. Иначе получится признание принципа разделения властей лишь на словах, а фактически – смешение их функций, правомочий и сфер деятельности, наделение, например, судебной власти также и законодательными полномочиями» [1, с.34-35].

Впрочем, данные утверждения остаются в значительной степени спорными, поскольку ни Конституция РФ, ни текущее законодательство не дают четкой схемы закрепления тех или иных видов юридической деятельности (правотворческая, интерпретационная, правопримени-

тельная и т.п.) за отдельными ветвями власти; как правило, имеет место «перекрестная», смешанная модель, когда каждой из ветвей власти (в том или ином объеме) дается право осуществлять все эти виды деятельности. Поэтому нет оснований отказывать суду в правотворческих полномочиях со ссылками на принцип разделения властей. Согласно ст.10 Конституции Российской Федерации, государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны. Из этих конституционных положений нельзя сделать никакого вывода относительно возможности или невозможности осуществления судами правотворческой деятельности. Хотя правотворчество традиционно «закрепляется» в качестве основной функции за органами законодательной власти, речь не идет ни о какой монополии в данной сфере. В частности, органы исполнительной власти занимаются правотворческой деятельностью не менее, если не более интенсивно (по крайней мере, в количественном измерении), нежели законодательные органы. Однако подобное положение дел давно уже рассматривается как естественное и само собой разумеющееся и не становится поводом для обвинений в нарушении принципа разделения властей. Следовательно, нет веских оснований применять этот аргумент и в отношении судебной власти.

Если обратиться к теоретической модели разделения властей, то она также не дает однозначного решения этой проблемы. Родоначальник теории разделения властей Ш.Л. Монтескье вообще выделял не «ветви» власти, а три «рода» власти: «В силу первой власти государь или учреждение создает законы, временные или постоянные, и исправляет или отменяет существующие законы. В силу второй власти он объявляет войну или заключает мир, посылает или принимает послов, обеспечивает безопасность, предотвращает нашествия. В силу третьей власти он карает преступления и разрешает столкновения частных лиц. Последнюю власть можно назвать судебной, а вторую – просто исполнительной властью государства» [2, с.291]. Соединение разных «родов» властей в одних руках, согласно Монтескье, крайне нежелательно для государства, но вовсе не является чем-то невозможным, а, наоборот, довольно часто встречается на практике. Собственно, рассматриваемый случай, а именно возможность создания судами правовых норм, не может считаться «соединением в одних руках» разных родов власти, хотя бы потому, что суд не претендует на издание законов. Интересно при этом,

что эталоном разделения властей для Монтескье стала Англия – именно то государство, в котором традиция судебного правотворчества всегда была наиболее развитой среди всех европейских стран.

Сторонники противоположного мнения, признающие судебную практику источником права, в основном, указывают на то, что судебные решения уже фактически приобрели этот статус независимо от официального признания, поскольку суды при рассмотрении конкретных дел пользуются как образцами ранее вынесенными решениями и приговорами по аналогичным делам, а также соответствующими разъяснениями высших судебных инстанций. Например, Н.Н. Вопленко указывает, что судебные решения «по своему фактическому статусу выполняют функции источников права, в то время как официально они таковыми не признаны... Они помогают правоприменительным органам правильно квалифицировать общественные отношения, являющиеся предметом правоприменения, в режиме сочетания законности и справедливости рассмотреть и разрешить юридическое дело...» [3, с.22].

Однако подобные аргументы также не выглядят безупречными, поскольку сам факт использования чего-либо в правосудии для выработки или обоснования судебного решения, строго говоря, еще не является критерием источника права. Ведь источник права, согласно общепринятому определению, – это внешний способ выражения и закрепления правового предписания, а не просто то, что используется в судебном процессе. Таким образом, для обоснования того, что судебное решение или любое другое явление представляет собой источник права, необходимо продемонстрировать, что оно выступает формой для такого содержания, которое удовлетворяет признакам правовых норм (предписаний).

Внешне различия между правотворческой и интерпретационной деятельностью представляются достаточно очевидными, поскольку вытекают из самих терминов. Действительно, творчество – это процесс, в ходе которого благодаря активности субъекта создается, появляется нечто новое, ранее не существовавшее. Правотворчество в российской теории права традиционно определяется как «форма государственной деятельности, направленная на создание правовых норм, а также на их дальнейшее совершенствование, изменение или отмену» [4, с.307]. Таким образом, к творчеству в сфере права отнесено не только создание правовых норм, но и деятельность «с обратным знаком», в результате которой нормы, напротив, перестают существовать.

Толкование как интеллектуальная деятельность направлена на

поиск смысла, заложенного в некотором объекте. Следовательно, оно предполагает, что этот объект уже существует и доступен для познания, в отличие от творчества, которое само конструирует свой предмет. Поэтому толкование понимается чаще всего как «деятельность по установлению содержания правового акта для его практической реализации» [5, с.290].

Казалось бы, вопрос о соотношении этих явлений достаточно ясен. Они имеют различную направленность и представляют собой вполне обособленные стадии в механизме правового регулирования. Правотворчество всегда предшествует толкованию права, поскольку для интерпретации текста необходимо, чтобы этот текст уже кем-то был создан. Толкование права, в свою очередь, представляет собой необходимую промежуточную стадию между правотворчеством и правореализацией, так как для приведения своих действий в соответствие с требованиями права необходимо, в первую очередь, понимать смысл этих требований. Остается нерешенным вопрос о возможности взаимного «наложения» этих двух явлений, то есть о том, могут ли в правовой жизни общества встречаться такие ситуации, когда толкование права одновременно является правотворчеством. Следует сразу отметить, что общие представления о творчестве и толковании как социокультурных феноменах вовсе не исключают такого совпадения, поскольку толкование может одновременно являться творчеством, более того, чаще всего именно так и происходит. Возможность того, что в процессе толкования может возникнуть новая правовая норма, официально (формально-юридически) не закреплена, но из этого нельзя сделать вывод, будто бы такой вариант исключен. Дело в том, что сами понятия «правовая норма», «источник права», «правотворчество» и т.п. являются по своей природе доктринальными (и по большей части) в официальных законодательных текстах вообще не встречаются. Применение к самому законодательному процессу термина «правотворческий» также бытует лишь в научном языке, а в официальных нормативных текстах отсутствует.

В этой связи теряют всякий смысл аргументы, в соответствии с которыми акты судебного толкования права официально не признаются в России источниками права. Неясно в таком случае, что же понимается под официальным признанием, поскольку ни одно правовое явление на уровне нормативных текстов вообще не провозглашается источником права, – это относится и к самим законам, подзаконным актам, международным договорам и т.п. Например, Конституция Российской Феде-

рации так определяет собственный статус: «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации» (ч.1 ст.15). Общеобязательность законов закрепляется следующим образом: «Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы» (ч.2 ст.15). Как видим, напрямую ни Конституция, ни законы источниками права не объявлены.

То же самое касается аналогичного аргумента: «Ни Конституцией РФ, ни Федеральными конституционными законами «О судебной системе Российской Федерации», «О Конституционном Суде Российской Федерации», ни другими законодательными актами РФ, регламентирующими деятельность судов, органы судебной власти не наделяются правотворческой функцией» [6, с.155]. Ознакомление с указанными и иными российскими законами покажет, что не только судебные, но и никакие другие государственные органы прямо не наделяются «правотворческой функцией» – подобный термин в законодательстве отсутствует. Означает ли это, что правотворчество в России вообще не осуществляется? Следовательно, нельзя считать, будто акты судебного толкования не являются источниками права лишь на основании отсутствия «официального признания».

При явном нежелании признавать акты официального толкования особым видом источников права, разумеется, трудно было игнорировать существенное сходство между ними. В качестве своеобразного компромисса для характеристики разъяснений по вопросам судебной практики, издаваемых высшими судебными инстанциями, было предложено использовать понятие «правоположения». «Правоположения, в отличие от норм права, теснее и непосредственно связаны с юридической практикой, - это «оперативные» или «квалификационные» правила, выражающие потребность единообразного понимания и применения действующего законодательства. В силу своей убедительности, информационного характера и неоднократного применения Правоположения способствуют правильному разрешению юридических дел, содержат в себе конкретизированную идею законности правоприменения по однотипным делам» [7, с.106]. Совершенно очевидно, что речь в данном случае идет именно об источниках права, поскольку «тесная и непосредственная связь с юридической практикой», разумеется, не может считаться каким-то реальным отличительным качеством, в силу которого правоположения не

могли бы считаться полноценными юридическими нормами.

Стоит отметить, что именно соединением правотворчества и толкования права характеризуется и современная модель прецедентного права в англосаксонских странах: «В настоящее время в странах «общего права» судьи, в основном, занимаются толкованием статутов, и их деятельность, таким образом, связана с правоприменением. Судебное прочтение статута становится, в свою очередь, прецедентом, только так называемым «прецедентом толкования». Прецеденты толкования отличаются тем, что они основаны на законе. Таким образом, современное прецедентное право, в основном, развивается посредством именно прецедентов толкования, а не «чистых» прецедентов» [8, с.8].

Итак, соотношение судебного толкования права и правотворчества может выступать в трех основных вариантах:

1) правотворчество во всех случаях предшествует судебному толкованию, поскольку интерпретации подвергается та норма, которая уже создана, применяется и имеет юридическую силу;

2) правотворчество может следовать за судебным толкованием, если в результате толкования выявлены пробелы, коллизии и другие недостатки правового регулирования, которые впоследствии устраняются в ходе правотворческого процесса;

3) правотворчество может совпадать с судебным толкованием в случае, когда судебный орган осуществляет официальное нормативное толкование правовых предписаний.

Таким образом, в ряде случаев судебное толкование права может одновременно выполнять функции правотворчества (так называемое «правотворческое толкование»). Слияние толкования права и правотворчества не противоречит существу правосудия, поскольку два эти вида деятельности в действительности не исключают друг друга. В результате уяснения той или иной правовой нормы может возникнуть необходимость в издании разъясняющего документа, который, на основании прямых указаний действующего российского законодательства (ст.6 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», ч.2. ст.13 Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации»), сам обладает свойствами юридической обязательности и нормативности. Подобного рода источники права носят вторичный характер и не подменяют собой исходный законодательный акт.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Нерсесянц В.С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (О правоприменительной природе судебных актов)// Судебная практика как источник права. М., 1997.
2. Монтескье Ш.Л. О духе законов//Избранные произведения. М., 1955.
3. Вопленко Н.Н. Источники и формы права. Волгоград, 2004.
4. Пиголкин А.С. Правотворчество//Проблемы общей теории права и государства/Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 1999.
5. Алексеев С.С. Общая теория права. Т.2. М., 1982.
6. Хмелева Т.И. Толкование гражданско-правовых актов//Вестник Саратовской государственной академии права. 2008. №3.
7. Вопленко Н.Н. Социалистическая законность и применение права. Саратов, 1983.
8. Богдановская И.Ю. Судебный прецедент – источник права?//Государство и право. 2002. №12.

УДК 342.924

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫМИ ЦЕНТРАМИ

Хахалева Е.В.

SOME QUESTIONS ARISING AT REALIZATION OF PUBLIC POWERS BY THE MULTIPURPOSE CENTERS

Hahaleva E.V.

Вопросы, возникающие в судебной практике при определении нормативного правового акта управления, нуждаются в их нормативном закреплении. Автором рассматриваются признаки нормативности правового акта управления, исследуются признаки индивидуальных правовых актов управления, раскрываются вопросы правовой природы актов многофункциональных центров.

The questions arising in judiciary practice at definition of the standard legal certificate of management need their standard fastening. Signs нормативности the legal certificate of management are considered, signs of individual legal certificates of management are investigated. Questions of the legal nature of certificates of the multipurpose centers reveal.

Ключевые слова: нормативный правовой акт управления, признаки нормативности, многофункциональный центр.

Keywords: the standard legal certificate of management, signs нормативности, the multipurpose center.

Предмет судебного контроля составляют управленческие действия (бездействие) органов исполнительной власти, к числу которых относится издание правовых актов управления, заключение административных договоров, а также совершение иных действий (бездействия) юридического характера. Наиболее значимым и важным управленческим действием является издание правовых актов управления, ибо именно в его рамках реализуются главные направления государственного управления. В связи с этим суд, осуществляя контроль за управленческими действиями (бездействием) органов исполнительной власти, выполняет свою контрольную функцию в отношении правовых актов управления, принятие которых является основным управленческим действием, базовой формой реализации целей, задач, функций органов исполнительной власти. С помощью актов управления решаются вопросы детализации норм права, содержащиеся в актах органов законодательной власти.

К сожалению, законодатель до сих пор не определился с понятием такой важнейшей правовой категории, как «правовой акт управления» («административный акт», «административно-правовой акт» и т.д.). Резюмируя мнения ученых по поводу определения правового акта управления, можно сформулировать его как публичное одностороннее властное волеизъявление органа исполнительной власти, соответствующее праву (нормам права и правоотношениям, возникающим в связи с их реализацией, а также естественным правам человека, закрепленным в международных нормативных актах и Конституции РФ) и направленное на реализацию исполнительной власти, ее задач и функций, на достижение ее целей. Известно, что по содержанию нормативные правовые акты управления – это правоустановительные акты. Каждый раз при принятии заявления об оспаривании нормативного правового акта или его части суду важно проверить наличие правовых норм, определяющих правила поведения субъектов регулируемых отношений [1], поскольку нормативность правового акта всегда показывает наличие в нем норм права, как его содержания.

Признаки нормативных правовых актов управления в литературе раскрыты достаточно полно. На наш взгляд, формулируя признаки нормативности правового акта управления, следует воспользоваться достижениями ученых в этой области. В частности, к таким признакам относятся неоднократность его применения, отсутствие персонифици-

рованного адресата, регулирование однотипных управленческих общественных отношений [2, с.82,84; 3, с.6; 4, с.92-400; 5, с.43]. Судебная практика дополняет все эти признаки указанием на издание нормативного правового акта управления в установленном порядке правомочным органом исполнительной власти или должностным лицом [1].

Анализ приведенных выше признаков нормативных правовых актов управления способствует наличию двух выводов. Во-первых, отдельные из приведенных выше признаков характерны также и для индивидуальных правовых актов управления. В частности, имеются в виду признак подзаконности (в нашем понимании правомерности), а также признак издания акта в определенном порядке компетентным органом исполнительной власти или должностным лицом. Во-вторых, обратим внимание на тот факт, что если учеными выделяется главный признак [5, с.26], то должны быть и второстепенные или дополнительные признаки. Нам представляется верным мнение тех правоведов, которые к главным признакам нормативного правового акта управления относят отсутствие персонифицированного адресата и неоднократность применения. Именно эти признаки позволяют показать нормативность правового акта управления. Часть других признаков (сохранение действия акта независимо от его исполнения и регулирование однотипных управленческих общественных отношений) нами причисляется к дополнительным признакам, поскольку они более полно раскрывают содержание одного из главных признаков – неоднократность применения.

Таким образом, выделенные нами первостепенные признаки нормативных правовых актов управления позволяют считать его публичным односторонним властным письменным волеизъявлением органа исполнительной власти, принятым в соответствии и на основании действующего закона, направленным на реализацию исполнительной власти, ее задач и функций, на достижение ее целей, характеризующийся неоднократностью применения и отсутствием персонифицированного адресата.

Казалось бы, при наличии четко указанных признаков можно определить, какой правовой акт управления является нормативным. Однако в отдельных случаях это представляется достаточно сложным, и возникают определенные трудности в установлении нормативного характера правового акта управления. Как правило, такие ситуации имеют место, когда нормы права не просматриваются в том или ином правовом акте. В соответствии с Концепциями, положения которых в настоящее время реализуются, функции предоставления государственных услуг смогут

быть переданы иным, невластным, субъектам [6,7]. Концепции – это, своего рода, план дальнейшего развития законодательства в исследуемой сфере, в связи с чем принятыми для их исполнения нормативными правовыми актами предусматривается, что передача властных полномочий осуществляется многофункциональным центрам (МФЦ) - государственным или муниципальным учреждениям (в том числе, автономным учреждениям), - созданным субъектом РФ или муниципальным образованием в целях организации централизованного предоставления государственных (муниципальных) услуг [8]. Заметим, что процесс создания МФЦ включает в себя аутсорсинг, то есть правовое закрепление и непосредственную передачу некоторых административно-управленческих процессов по предоставлению государственных или муниципальных услуг на исполнение в МФЦ.

Согласно пп. 5, 6 Правил осуществления федеральным бюджетным учреждением полномочий федерального органа государственной власти (государственного органа) по исполнению публичных обязательств перед физическим лицом, подлежащих исполнению в денежной форме, и финансового обеспечения их осуществления, орган власти наделяет бюджетное учреждение властными полномочиями по осуществлению функций оказания государственных услуг правовым актом управления – приказом, в котором фиксируются публичные обязательства, полномочия по осуществлению которых передаются федеральным органом государственной власти (государственным органом) учреждению, права и обязанности учреждения, его ответственность; порядок проведения органом исполнительной власти контроля за осуществлением учреждением переданных полномочий; реквизиты территориального органа Федерального казначейства, в котором будет обслуживаться лицевой счет, предназначенный для отражения операций по переданным полномочиям [9].

Одновременно отметим, что на основании ст. 15 Федерального закона от 27 июля 2010 г. «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (далее по тексту – ФЗ №210) [10] предоставление услуг в многофункциональных центрах (далее по тексту – МФЦ) осуществляется в соответствии с соглашениями о взаимодействии. В соглашении, в частности предусматриваются положения, практически идентичные условиям приказа о передаче публичных полномочий, с той лишь разницей, что в приказе прописывается порядок проведения органом исполнительной власти контроля за осуществлением учреждением переданных полномочий (ст.18 ФЗ №210). Это значит,

что бюджетное учреждение наделяется полномочиями в силу приказа, а уже при осуществлении своих полномочий действует на основе соглашений о взаимодействии с органами государственной власти. Здесь же только отметим, что данные соглашения, на наш взгляд, являются разновидностью административных договоров, а определение правовой природы правового акта управления (приказа) о передаче учреждению полномочий нуждается в дополнительном освещении.

К сожалению, законодатель не уточнил, нормативным или индивидуальным должен быть приказ об осуществлении учреждением полномочий федерального органа государственной власти (государственного органа) по исполнению публичных обязательств перед физическими лицами. При этом исполнение публичных обязательств означает исполнение властных полномочий от имени органа исполнительной власти [9]. С одной стороны, данный акт следует признать нормативным, как отвечающий его отдельным признакам. Дело в том, что он рассчитан, во-первых, на неоднократность применения, во-вторых, на исполнение бюджетным учреждением публичных обязательств в отношении неопределенного круга физических лиц. Однако, с другой стороны, этот приказ персонифицирован, так как издается в отношении конкретного бюджетного учреждения, которому передаются полномочия федерального органа государственной власти. Стало быть, рассматриваемый приказ следует считать смешанным правовым актом управления. Думается, внедрение такой системы исполнения публичных обязательств перед физическими лицами МФЦ позволяет высказать предположение о возможности по аналогичной схеме предоставления государственных услуг и юридическим лицам.

Первоочередным и основным управленческим действием, которое многофункциональные центры осуществляют в ходе реализации делегированных им полномочий, очевидно, являются действия, влекущие юридические последствия. Например, приём документов, регистрация документов, выдача заявителю расписки в получении документов с указанием их наименования, количества, порядкового номера, даты получения документов, персональные данные, должность и подпись работника [11]. Эти действия включаются в число управленческих действий и влекут юридические последствия, поскольку основанием для начала предоставления услуги является личное обращение заявителя (его представителя) с комплектом документов, необходимых для получения услуги.

В этом плане отметим одно из требований законодателя о наличии в МФЦ информации о порядке обжалования действий (бездействия), а

также принимаемых решений сотрудников центра в ходе выполнения отдельных административных процедур (действий) [8]. Известно, что обжалование может происходить в административном или судебном порядке. Для нас представляет интерес исключительно судебный порядок обжалования. Действия (бездействие) сотрудников МФЦ, влекущие юридические последствия, безусловно, можно обжаловать в судебном порядке. В судебной практике рекомендуется рассматривать в порядке главы 25 ГПК РФ дела об оспаривании действий (бездействий) юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, принятых, совершенных при осуществлении ими переданных в установленном порядке конкретных государственно-властных полномочий [12].

Спор вызывает включение в предмет судебного контроля решений сотрудников центра в ходе выполнения отдельных административных процедур (действий). Суть нашего несогласия состоит в оспаривании возможности принятия такими лицами решений, обжалуемых в порядке главы 25 ГПК РФ. Ранее мы рассматривали содержание термина «решение» и пришли к выводу о том, что данным понятием должны охватываться все правовые акты управления, а не только акты индивидуального характера, как трактует «решение» судебная практика. Понятно, что МФЦ не может издавать нормативные и смешанные правовые акты управления. Сложнее обстоит дело с индивидуальными правовыми актами управления. МФЦ реализуют переданные им полномочия органов исполнительной власти, то есть реализуют публичные полномочия и выступают от имени соответствующего органа исполнительной власти. Их деятельность контролируется теми органами государства, которые, образовав эти учреждения, передали им функции оказания государственных услуг [13]. Именно учредители утверждают административные регламенты предоставления многофункциональными центрами государственных услуг [14].

Таким образом, МФЦ, исполняя положения административных регламентов, реализует административные процедуры. Обратим внимание на то, что в качестве одного из показателей результативности реализации административных регламентов в МФЦ являются показатели, характеризующие исполнение административных процедур. Однако это вовсе не означает, что, делегируя МФЦ полномочия по предоставлению государственных услуг, орган исполнительной власти одновременно передает полномочия по принятию правовых актов управления. Дело в том, что, предоставляя государственную услугу, МФЦ является своего рода посредником между физическим лицом, которому оказывается услуга, и

соответствующим органом исполнительной власти, который должен ее предоставить. Принимая те или иные решения, связанные с предоставлением или оказанием государственных услуг, МФЦ только доводит до сведения заявителя соответствующее решение органа исполнительной власти, но самостоятельным правом принятия правовых актов управления не обладает.

Представляется не совсем верным обозначение законодателем возможности обжаловать в судебном порядке решения сотрудников МФЦ в ходе выполнения отдельных административных процедур (действий). Обжаловать можно только их административно-правовые действия, то есть действия, влекущие юридические последствия. Нецелесообразно предоставлять сотрудникам МФЦ и право принятия самостоятельных решений, как это стало происходить на практике. В одном из административных регламентов предусмотрено, что окончательное решение об отказе в приёме документов на предоставление муниципальной услуги принимает начальник соответствующего отдела МФЦ. При этом заявителю должно быть предложено обратиться к руководителю соответствующего органа (по соглашению о взаимодействии) с заявлением, которое принимается в МФЦ [14]. Думается, что отказ в приеме документов должен осуществлять полномочный орган, а МФЦ только передавать от него документы. Предоставляя право отказа МФЦ, осуществляется препятствие на получение им услуг, что нарушает права заявителя.

Обозначенные вопросы – лишь небольшая часть тех проблем, которые возникают при определении нормативности правового акта управления. Однако даже они показывают, насколько важно своевременное законодательное закрепление понятия правового акта управления, а также признаков его нормативности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2007 г. №48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» //Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. №1
2. Старосьцяк Е. Правовые формы административной деятельности. – М., Госюриздат, 1959.
3. Салищева Н.Г. Нормативные акты советского государственного управления. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1953.
4. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Стариков Ю.Н. Административ-

ное право: учебник. – 3-е изд., пересмотр. и доп. – М.: Норма, 2008.

5. Мицкевич А.В. Акты высших органов советского государства. – М.: Юрид. лит., 1967.

6. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. №1662-р в ред. от 8 августа 2009 г. №1121-р //СЗ РФ. – 2008. - №47. – Ст.5489; 2009. - №33. - Ст. 4127.

7. Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006 - 2010 годах: одобрена распоряжением Правительства РФ от 25 октября 2005 г. №1789-р //СЗ РФ. 2005. №46. Ст.4720.

8. Постановление Правительства РФ от 3 октября 2009 г. №796 «О некоторых мерах по повышению качества предоставления государственных (муниципальных) услуг на базе многофункциональных центров предоставления государственных (муниципальных) услуг» //СЗ РФ. 2009. №41. Ст.478.

9. Постановление Правительства РФ от 02.08.2010 №590 «О порядке осуществления федеральным бюджетным учреждением полномочий федерального органа государственной власти (государственного органа) по исполнению публичных обязательств перед физическим лицом, подлежащих исполнению в денежной форме, и финансового обеспечения их осуществления» //СЗ РФ. 2010. №32. Ст.4331.

10. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» //СЗ РФ. 2010. №31. Ст.4179.

11. Постановление администрации муниципального образования город Краснодар от 27.08.2010г. № 6453 «Об утверждении административного регламента взаимодействия отраслевых, функциональных органов администрации муниципального образования город Краснодар, муниципального учреждения «Краснодарский городской многофункциональный центр по предоставлению государственных и муниципальных услуг», муниципального учреждения «Управление земельных отношений», муниципального учреждения «Информационный центр по обеспечению градостроительной деятельности муниципального образования город Краснодар» при оказании физическим и юридическим лицам муниципальных услуг в сфере земельных отношений».

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. №2 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муницип-

ципальных служащих» //Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. №4.

13. Устав муниципального учреждения «Краснодарский городской многофункциональный центр по предоставлению государственных и муниципальных услуг»: утв. постановлением администрации муниципального образования город Краснодар от 01.02.2010 № 406 //СПС «Консультант плюс».

14. Постановление администрации муниципального образования город Краснодар от 27.08.2010г. № 6453 «Об утверждении административного регламента взаимодействия отраслевых, функциональных органов администрации муниципального образования город Краснодар, муниципального учреждения «Краснодарский городской многофункциональный центр по предоставлению государственных и муниципальных услуг», муниципального учреждения «Управление земельных отношений», муниципального учреждения «Информационный центр по обеспечению градостроительной деятельности муниципального образования город Краснодар» при оказании физическим и юридическим лицам муниципальных услуг в сфере земельных отношений».

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 371-044.3

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПОДРОСТКОВ И ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Науменко М.В.

GENDER SOCIALIZATION OF JUVENILES AND DETERMINERS OF PROFESSIONAL SELF-IDENTIFICATION

Naumenko M. V.

Автором показана значимость профессиональной деятельности родителей для формирования гендерной идентификации подростков, рассмотрена многофакторность детерминации процессов гендерной социализации. В статье раскрываются проблемы, связанные с профессиональной сегрегацией по принципу гендерных стереотипов, рассматривается механизм влияния социального пола человека на процесс его профессионального самоопределения.

In the article the importance of parents' professional activity for the formation of teenagers' gender identification as well as factors of determination of gender socialization processes are highlighted. The author touches upon the problems connected with professional segregation based on principles of gender stereotypes and considers the mechanism of influence of a person's social gender on his professional

self-determination.

Ключевые слова: гендерная социализация, профессиональная идентификация, агенты социализации, семья, профессиональное самоопределение.

Keywords: gender socialization, professional identification, agents of socialization, family, professional self-determination.

Среди идентификационных факторов, влияющих на процессы социализации (социальная принадлежность, семейное положение, уровень образования, этническая принадлежность и т.д.), гендер является одним из важнейших. Однако не следует придавать ему главенствующее, определяющее значение, т.к. в тех или иных социокультурных ситуациях на первый план могут выходить различные факторы. Правда, у этих процессов есть и другая сторона: конструирование индивидом гендерной идентичности является непрерывным процессом, который, впрочем, связан и с деконструкцией гендера в тех условиях, когда данный фактор не является особо значимым. Недаром в современных концепциях идентификации гендер определяется как «разыгрываемый» в ходе коммуникативного воздействия. Отсюда возникает задача определения характера взаимодействия социокультурных причин, влияющих на процессы социализации и, в частности, гендерной социализации [1].

При определении гендерной идентификации подростков весьма высокую значимость приобретает действие двух процессов [2], которые следует рассматривать как взаимодополняющие или, используя язык современной гуманитаристики, комплементарные. Иначе говоря, речь здесь идет о социальной типизации и индивидуальном поведении, обусловленном склонностями и предпочтениями. В ходе гендерной социализации подростков поведенческие процессы продуцируются и транслируются через определенную унификацию, социальную типизацию. Гендер является социологической категорией, хотя в его изучении принимают активное участие специалисты-психологи, философы, историки и т.п. Адаптация к социальной среде связана с тем, что окружающие индивида люди неосознанно оценивают его и его поступки с точки зрения сложившейся в рамках данной социокультурной системы поло-ролевых отношений. Конечно, в культуре существует определенный социальный «люфт», в пространстве которого возможна реализация некоторых творческих возможностей для новационного изменения гендерных отношений.

Сама гендерная природа человека и острый интерес, возникший

к ней в конце XX в., явно свидетельствует об изменениях, которые произошли в самой толще социологического знания о мире [3]. Благодаря гендерной социологии стало ясно, что общество, социальные группы, социальные структуры, общественные институты носят гендерный характер. Гендер является важной составной частью властных структур, и изменения в этой сфере оказывают серьезное влияние на социальную практику жизни и действия индивидов. Гендерные нормы, стереотипы, идентификация в кризисном переходном обществе претерпевают существенные изменения, оказывая свое непосредственное воздействие на гендерный статус семьи и семейных связей, что определяет поведение подростков. Данные явления на уровне массового сознания продуцируются современной рекламой, распространяются средствами массовой информации, и подросток, втягиваясь в данную систему, может потерять себя, свою гендерную идентичность, что является весьма опасным признаком, своего рода социальным недугом. Среди наиболее значимых агентов гендерной социализации в подростковом возрасте следует отметить институт семьи. Социализирующее влияние семьи проявляется весьма сложным и многоаспектным образом, в том числе, и в направлении будущего профессионального самоопределения индивида.

Рассматривая детерминанты социализации и профессионального самоопределения (в целом) важно отметить, что данный феномен исследуется в профориентологии и социологии труда как длительный развивающийся процесс, протекающий, по мнению ряда исследователей, на протяжении всей жизни. Что касается факторов, обеспечивающих направленность данного процесса, то в научной среде нет единой классификации, мнения разнятся, однако, общим для большинства учёных является вычленение внутриличностных детерминант, которые консолидируют внутриличностные мотивации, и внешних детерминант, проявляющихся во влиянии на человека различных общественных институтов, составляющих социальное окружение человека. Во многих работах в этой связи ведущая роль отводится семье как наиболее влиятельному институту социализации.

Начиная со средней школы, помимо непосредственного интереса к той или иной сфере человеческих знаний и способностей к ней, обусловленных совокупностью психофизиологических особенностей, на предпочтения подростков начинает влиять факт соответствия либо несоответствия той или иной профессиональной сферы или учебного предмета их гендерной роли. В результате, как заключили еще в середине прошлого века С. Сингер и Б. Штефлер, юноши стремятся к рабо-

те, позволяющей получить власть, выгоду и независимость, а девушки более всего ценят работу в сфере обслуживания, либо дающую интересный опыт. В настоящее время установка на связь гендерной идентификации и профессионального самоопределения сохранилась, хотя в содержательном плане произошли серьезные изменения.

Таким образом, идентификация человека с тем или иным типом гендера, без сомнения, накладывает отпечаток на характер его профессионального самоопределения. Это происходит вследствие сложившихся в обществе профессионального разделения труда и сегрегации по признаку пола. Под гендерной сегрегацией в настоящий момент понимается устойчивая тенденция трудоустройства мужчин и женщин по строго определённым профессиям и отраслям, обозначаемая как горизонтальная сегрегация, а также должностным позициям, понимаемым как вертикальная сегрегация. Типично мужской образ, окончательно сформировавшийся в середине двадцатого века, в значительной степени сохранился до сих пор. Он включает набор черт, связанных с профессиональной компетенцией, рациональным мышлением и активной жизненной позицией. Тогда как типично женский – с социальными и коммуникативными навыками, душевной теплотой и эмоциональной поддержкой. На данном этапе развития общества во всех странах можно встретить ту или иную модель гендерной сегрегации в сфере занятости. Изучение этнографических данных предоставляет свидетельства того, что в различных эпохах и различных странах различия в структуре, содержании видов деятельности, в формировании конкретных моделей гендерного разделения и профессиональной сегрегации достаточно велики.

Исследуя проблему влияния гендера на выбор профессиональной сферы, можно сделать вывод о том, что молодой человек, задумываясь над вопросом профессионального самоопределения, с одной стороны, опирается на свои интересы и склонности, во многом обусловленные гендерной принадлежностью, с другой, – учитывает распространённые в обществе представления о профессиональной сегрегации по принципу гендерных стереотипов, останавливая свой выбор на той сфере профессиональной деятельности, которая традиционно считается характерной для того типа гендера, с которым он идентифицирует себя. При этом юноши, как правило, оказываются в более выигрышной ситуации, поскольку гендерные стереотипы в сфере профессиональной деятельности приписывают маскулинному типу гендера более высокостатусные и высокооплачиваемые профессии. В том же случае, если юноша, в

силу преобладания феминного типа гендера, решил самореализоваться в типично женской профессии, то он находится в более выигрышном положении и воспринимается как «ценный работник», в отличие от женщин, решивших (в силу выраженной маскулинности) построить свою карьеру в типично мужской сфере деятельности. Однако сопоставление результатов исследований недавнего прошлого показывает, что половые различия в сфере профессиональной деятельности снизились, скорее всего, в результате усиления процессов женской самоактуализации [4]. Появляются междисциплинарные научные направления на стыке экономического и феминистического дискурсов – гендерная экономика и феминистическая экономика.

За последнее время, согласно исследованиям Г. Пауэлла, произошёл существенный рост числа женщин в управленческом персонале. Многие исследователи отмечают появление на современном этапе среди представителей разных профессий универсальной жизненной ценности – стремление к достижениям: в этом совмещаются как традиционно феминные, так и маскулинные предпочтения. Результаты опроса, проведённого О.М. Разумниковой, относительно того, какие профессии следует считать мужскими, а какие – женскими, показали, что стереотипные представления о мужском доминировании сохраняются и до настоящего момента в таких сферах, как военное дело, строительство, сельское хозяйство, политика, экономика, инженерная деятельность, программирование. Доминирование женщин было отмечено в таких сферах, как домоводство, кулинария, педагогика, медицина. Минимальные половые различия выявлены в таких сферах деятельности как спорт, наука, искусство. Данное исследование показало, что сравнение между профилем феминных и маскулинных качеств для людей, выбравших стереотипно «женские» или стереотипно «мужские» специальности, указывает на связь особенностей гендерной идентичности и особенностей профессиональной направленности как выражение предпочитаемого стиля жизни [5].

Механизм влияния социального пола человека на процесс его профессионального самоопределения можно представить следующим образом: изначальные интересы и склонности представителей мужского и женского пола разнятся (в этой связи следует отметить, что большинство исследователей на данный момент придерживается сопоставления групп различного физиологического пола без учёта их гендерной идентификации). Затем социальные стереотипы закрепляют в их сознании определённую структуру профессиональной сегрегации по признаку

пола. В силу этого подростки и юноши останавливают свой выбор на той профессии, которая максимально соответствует, с одной стороны, их личным интересам и склонностям, зачастую являющихся типичными для разных типов гендера, с другой, - является типичной для того пола, который соответствует его гендерной идентичности.

Родители обладают обширной совокупностью механизмов, способных детерминировать выбор профессионального пути их детьми, и активно участвуют в этом выборе. В результате подобного влияния со стороны родителей в совокупности с имеющимися способностями иногда образуются так называемые профессиональные династии, представляющие собой несколько семейных поколений врачей, педагогов, учёных, военных и других, как правило, высокостатусных профессий. Однако нередки случаи, когда подростки совершают профессиональное самоопределение вразрез с родительским представлением об их будущем, даже несмотря на крепкие семейные традиции, устои, выраженные ценности и образ жизни семьи. Поэтому можно говорить о существовании обширной не исследованной области в сфере влияния семьи на профессиональное самоопределение подростков и сочетании факторов семейного воспитания с другими категориями, определяющими выбор профессии.

Потребность социологической конкретизации данной проблематики привела к необходимости проведения эмпирических социологических исследований с целью подтверждения следующих гипотез:

1. гендерная идентичность подростков находится в зависимости от типа профессиональной деятельности родителей;
2. гендерная идентичность подростков взаимосвязана с гендером, приписываемом родителям;
3. профессии значимых и незначимых родителей имеют различия во взаимосвязи с гендером подростков.

Исследование проводилось нами в 2006-2009 гг. на базе МОУ СОШ №20, №113, №39, №23 города Ростова-на-Дону среди учащихся 7, 8, 9 классов и их родителей. Общее количество опрашиваемых составило 280 семей. Рассмотрение теоретических и эмпирических результатов социологических исследований проблемы формирования гендерной идентичности подростков с выделением аспекта особенностей семьи и детско-родительских отношений, складывающихся отчасти под влиянием профессиональной деятельности родителей, позволило сформулировать следующие выводы:

1. между профессиональной деятельностью родителей и типом ген-

дерной идентичности подростков установлены причинно-следственные связи, выражающиеся в том, что тип профессиональной деятельности как отцов, так и матерей является причиной, а гендерная идентичность подростков – следствием;

2. между отдельными типами профессиональной деятельности родителей и гендерной идентичностью подростков существует прямая и обратная корреляционная зависимость;

3. существуют значимые различия в типах гендерной идентичности подростков по различным типам профессиональной деятельности родителей. У всех подростков, если их рассматривать вне зависимости от пола, выражена маскулинность в том случае, если как их отцы, так и матери заняты в профессиях социального типа, а также если матери включены в профессии предпринимчивого типа. Выраженная феминность подростков зафиксирована в случае занятости обоих родителей в профессиях реалистичного типа, либо отсутствия профессиональной деятельности отцов и матерей. Значимые различия, полученные при рассмотрении гендерной идентичности подростков различного биологического пола (в зависимости от типа профессиональной деятельности родителей), позволяют сделать следующие выводы: маскулинные черты у мальчиков формируются в том случае, если оба родителя являются представителями профессий социального типа, также маскулинность характерна для тех мальчиков, отцы которых заняты в сфере конвенциональных профессий, а матери - в сфере профессий артистического или предпринимчивого типа; феминность мальчиков высока в ситуации отсутствия профессиональной деятельности как матерей, так и отцов, а также в ситуации включённости их матерей в профессии конвенционального типа, а отцов - в реалистичные или предпринимчивые профессии; маскулинность девочек более высока у родителей социальной группы профессий, у отцов - интеллектуального и конвенционального типов профессий и матерей, представляющих профессии артистического и предпринимчивого характера; феминность девочек высока в том случае, если их матери и отцы являются представителями профессий реалистичного типа, если у отцов отсутствует профессиональная деятельность или матери включены в профессии интеллектуального и конвенционального типов;

4. существуют связи между гендерной идентичностью подростков и типами приписываемого родителям гендера, преобладающий тип приписываемого родителям гендера соответствует типу гендерной идентичности их детей;

5. пол значимого родителя взаимосвязан с типом гендерной иден-

тичности подростков: подростки, избирающие в качестве значимого родителя матерей, отличаются более феминными характеристиками, подростки, избирающие в качестве значимых родителей отцов являются более маскулинными;

6. гендерная идентичность подростков более дифференцирована по типам профессиональной деятельности значимых, нежели незначимых родителей;

7. существуют статистически достоверные различия в гендерной идентичности подростков в зависимости от типа профессиональной деятельности значимых взрослых: маскулинность подростков наиболее выражена в социальном и предприимчивом типах профессиональной деятельности значимых взрослых, а феминность подростков более всего представлена в группах значимых взрослых, включённых в профессии реалистичного типа либо неработающих значимых взрослых, т.е. характер различий гендерной идентичности подростков в зависимости от типа профессиональной деятельности значимых взрослых существенно не меняется в сравнении с зависимостью гендерной идентичности подростков от типа профессиональной деятельности совокупности как значимых, так и незначимых родителей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Collier, M.J., Thomas, M. Cultural identity: An interpretive perspective // Y.Y. Kim, W.B. Gudykunst (eds). Theories in intercultural communication. Newbury Park, 1988. P. 99 - 122; Coupland J. Dating advertisements: Discourses of the commodified self // Discourse and Society, 1996. № 7.

2. Kotthoff, H.; Wodak, R. Communicating Gender in Context. – Amsterdam: Benjamins, 1997.

3. Здравомыслова, Е., Темкина, А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. № 11.

4. См.: Гендер в мировой экономике. Мировой опыт и экспертиза российской практики. - М., Русская панорама, 2002. - С. 13 – 19.

5. Разумникова, О.М. Взаимодействие гендерных стереотипов и жизненных ценностей как фактора выбора профессии // Вопросы психологии. 2004. №4. - С. 76 – 83.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 43

ВОПРОС-ПЕРЕСПРОС КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Аведова Р.П.

ECHO-QUESTION AS THE MEANS OF MANIPULATION.

Avedova R. P.

В статье исследуется особый тип вопросительных реплик-реакций – вопрос-переспрос. Автором анализируется манипулятивный потенциал вопроса-переспроса как средства воздействия говорящего на слушающего, определяются функции вопросительных реплик-повторов, способствующих реализации манипулятивного воздействия на реципиента.

The main subject of the article is the study of a peculiar type of interrogative sentences - echo-questions. The author studies manipulative potential of echo-questions and their influence on the development of discourse. The author also analysis functions of this type of utterances that allow the addresser to manipulate the addressee.

Ключевые слова: вопрос-переспрос, манипуляция, дискурс.

Keywords: echo-question, manipulation, discourse.

Проблема манипулирования собеседником, его сознанием и поведением неоднократно становилась предметом исследований в рамках различных отраслей знания (лингвистика, индивидуальная и общественная психология, социология, политология, теория журналистики и средств массовой коммуникации). Интерес к проблеме манипуляции не ослабевает и сегодня: в исследованиях отечественных и зарубежных ученых выявляются все новые аспекты изучаемого явления. Исследуя манипуляцию, ученые сталкиваются с отсутствием однозначного толкования данного понятия. В психологии манипуляция рассматривается как психологический вид воздействия, которому можно противостоять, имея представление о технологиях манипулятивного воздействия и владея способами защиты от них. Подобное определение можно встретить в работах J. D. Lentz, L. Proto, E. Л. Доценко. Также проблеме психологического аспекта использования манипуляции посвящены работы Б.Н. Бессонова, Л. Войтасика, Г. Шиллера, Р. Хофер, Е. М. О'Коннор, J. Pandey и др. В данных исследованиях ученые акцентируют внимание

на различных аспектах манипуляции. Б.Н. Бессонов под манипуляцией понимает форму духовного воздействия («скрытого господства»), осуществляемую насильственным путем [1: 28]; Г. Шиллер рассматривает манипуляцию как скрытое принуждение, программирование мыслей, намерений, чувств, отношений, установок, поведения [2: 87]; R.E. Goodin, со своей стороны, понимает манипуляцию как скрытое применение власти (силы) вразрез с предполагаемой волей другого [3: 59].

Манипулятивное воздействие рассматривается и в рамках других отраслей знания. Так, например, в своих исследованиях теоретик критического дискурса-анализа Т.А. ванн Дейк, изучая данный феномен, определяет манипуляцию как коммуникативную интеракционную практику, в основе которой лежит осуществление контроля манипулятора над другими людьми, как правило, против их воли и вопреки их интересам [4: 360].

Кроме рассмотренных подходов к теории манипуляции, необходимо отметить еще один не менее важный подход к концепту манипулятивного воздействия, рассматриваемый в прагмалингвистике. В отечественной прагмалингвистике под манипуляцией принято понимать воздействие на человека с целью побудить его сделать что-либо (сообщить информацию, совершить поступок, изменить свое поведение) неосознанно и вопреки его собственному желанию, мнению, намерению [5: 34]. В теории прагматики манипуляция рассматривается также как вид языкового воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений, установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент [6]. В прагмалингвистике существует взгляд на данный феномен, согласно которому манипулятивное воздействие понимается как скрытое воздействие на реципиента, совершаемое в интересах воздействующей стороны для достижения определенного эффекта [7].

Проблему языковой манипуляции затрагивают и зарубежные исследователи. В частности, К. Манкелтоу и Д. Оувер [8] соотносят манипуляцию с проблемами вывода смысла. М. Тейллард [9] и Р. Бласс [10] подробно рассматривают прагматические аспекты манипулятивной коммуникации и анализируют отношения между информативными и манипулятивными намерениями. К проблеме манипуляции также обращается Ф. де Соссюр, который утверждает, что манипуляция заключается в использовании приема или стратегии, без которых говорящий не мог бы изменить мнение и поведение реципиента. В результате, большинство

зарубежных исследователей приходит к выводу, что манипуляция представляет собой случай скрыто передаваемой информации, так как если бы реципиент распознал намерение говорящего, последний не смог бы достичь поставленной цели. Манипуляция блокирует способность реципиента к рациональному мышлению, что позволяет манипулятору управлять процессом возникновения у адресата тех или иных убеждений.

Проанализировав рассмотренные подходы к проблеме манипулятивного воздействия, мы можем выделить семь групп признаков манипулятивного процесса. К данным признакам относятся следующие: родовой признак – психологическое воздействие; отношение манипулятора к собеседнику как средству достижения собственных целей; стремление получить односторонний выигрыш; скрытый характер воздействия (как факта воздействия, так и его направленность); использование психологической силы, «игра на слабостях»; побуждение, мотивационное приращение, а также мастерство и сноровка в осуществлении манипулятивных действий.

Кроме характерных признаков манипулятивного воздействия, необходимо выделить две стороны данного коммуникативного процесса. Одна из сторон выступает как иницилирующая и осуществляющая манипуляцию, как субъект воздействия, т. е. манипулятор. Вторую сторону, на которую направлено манипулятивное воздействие и которая выступает в качестве объекта манипуляции, можно обозначить как манипулируемого.

На основе выделенных нами особенностей манипулятивного процесса выведем определение манипуляции как феномена речевого воздействия, которое мы будем использовать в дальнейшем. Итак, под манипуляцией мы понимаем вид скрытого воздействия, осуществляемого в интересах говорящего и имеющий целью воздействовать на собеседника таким образом, чтобы побудить его к коммуникативным действиям, несовпадающим с интересами адресата, но которые способствовали бы реализации интенций манипулятора в соответствии с выбранными стратегиями.

Существует множество механизмов и инструментов манипулятивного воздействия. К одному из таких инструментов относится, в частности, интересующий нас вопрос-переспрос. Вопрос-переспрос представляет собой особый вид ответных реплик, который является реакцией на предшествующее высказывание, из которого происходит заимствование

«чужих слов». В англистике за подобными репликами-реакциями закрепились термины «цитатные вопросы», «реплики-переспросы» [11], а также «вопросительные реплики-повторы» [12]. Способность данного вида ответных реплик влиять на то или иное развитие дискурса обусловлена коммуникативной природой реплик-переспросов, которые передают различные эмоционально-модальные значения и характеризуются определенной эмоциональной окраской.

В репликах-переспросах к чужому высказыванию прибавляется суперсегментный (просодический) предикат оценки (субъективного отношения), поэтому очевидно, что появление данного вида ответных реплик обусловлено не только лингвистическими, а разного рода психологическими факторами, т. е. в силу психологических обстоятельств в спонтанной диалогической речи возникают различные повторы и переспросы, в которых во многих случаях экспрессивно-модальные значения доминируют над значением вопросительности, затушевывая последние иногда полностью. Слушатель воспринимает информацию, заключенную в реплике-стимуле, не как неоспоримый факт, а прибавляет к чужому высказыванию свое субъективное отношение.

Подобная коммуникативная природа вопроса-переспроса позволяет коммуникантам использовать данный вид вопросительных ответных реплик с целью эффективного воздействия на реципиента, обуславливает способность вопроса-переспроса определять ход интеракции, а также позволяет участникам коммуникации манипулировать собеседником таким образом, чтобы создать обстановку воздействия, которая даст коммуникантам возможность управлять ходом дискурса согласно их интенциональному замыслу.

В соответствии с манипулятивной природой вопроса-переспроса можно выделить несколько функций, способствующих воздействию данного вида вопросительных ответных реплик на реципиента и определяющих развитие коммуникативного акта. Вопрос-переспрос как средство манипуляции может быть эффективным способом смены ролей коммуникантов. Для того чтобы понять, как реализуется данная функция, необходимо обратиться к некоторым особенностям диалогической коммуникации.

Развитие коммуникативного акта может происходить по различным сценариям в зависимости от интенций и намерений участников коммуникации, а также от способности адресата к выводу инференций в результате речевого воздействия и от его умения реагировать на соз-

давшуюся коммуникативную ситуацию на основе сделанных умозаключений.

В зависимости от того насколько активно коммуниканты вовлечены в процесс интеракции, можно выделить два типа организации коммуникативного акта. К первому типу относится такая модель речевого общения, при которой коммуникация носит односторонний характер, когда лидирующую роль в общении играет один из участников коммуникации, а второй коммуникант лишь принимает предложенный сценарий развития речевого действия. Ко второму типу интеракции относится модель речевого взаимодействия, согласно которой коммуникация превращается в двунаправленный процесс, при котором развитие коммуникативного акта происходит в результате активной интеракции собеседников, меняющихся ролями в процессе общения.

Именно такая коммуникативная модель делает возможной реализацию рассматриваемой функции вопроса-переспроса, который позволяет участникам коммуникации манипулировать собеседником таким образом, чтобы создать обстановку воздействия, которая даст коммуникантам возможность меняться лидирующей ролью и позволит им реализовать свой интенциональный замысел. В данной функции вопрос-переспрос может выступать в качестве эффективного средства смены темы разговора, ухода от ответа на поставленный вопрос и позволяет совершать другие манипулятивные действия, способствующие смене ролей коммуникантов.

В рассматриваемой функции могут выступать такие виды вопроса-переспроса, как вопрос-переспрос с повторением и восклицательные реплики-повторы. Необходимо отметить, что восклицательные реплики-повторы характеризуются более яркой эмоциональной окраской по сравнению с вопросом-переспросом с повторением и могут быть использованы коммуникантом для более эффективного воздействия на собеседника в ситуативных контекстах, отличающихся трудноразрешимой коллизией.

Для того чтобы понять, как происходит манипулятивное воздействие в диалогических единствах, в которых представлен вопрос-переспрос в рассматриваемой функции, проанализируем несколько примеров, иллюстрирующих употребление данного типа вопросительных ответных реплик в различных ситуативных контекстах и обусловленных различными факторами.

В первом примере в качестве средства смены ролей коммуникан-

тов рассмотрим употребление вопроса-переспроса с повторением:

- The dress is gorgeous! You should buy it!
- Buy it? Why don't you?
- The color doesn't suit me (*B. Burns – 'The dark part of me'*).

В данном примере адресант делает попытку оказать манипулятивное воздействие на собеседника, побуждая его совершить действие, которое является невыгодным для адресата. Однако адресат распознает скрытый смысл высказывания, что делает попытку адресанта воздействовать на собеседника в своих целях неэффективной. Для того чтобы показать адресанту свою осведомленность о тайных намерениях последнего, адресат прибегает к вопросу-переспросу с повторением, чем ставит собеседника в тупик, так как собеседник не ожидал подобной реакции, что позволяет адресату поменяться с собеседником ролями и осуществить манипулятивное воздействие для достижения своих целей.

Теперь проанализируем особенности восклицательной реплики-повтора и то, как данный вид вопросительных ответных реплик влияет на развитие коммуникативного акта:

- What the hell are you doing? Stop it!
- Stop it? Are you crazy? For the first time in my life I'm having fun and you want me to go home? No way!
- Having fun! You drive me insane! Stop it or I'll tell everything to your farther.
- Bloody hell... Ok, we are leaving (*B. Burns – 'The dark part of me'*).

В приведенном коммуникативном акте восклицательная реплика-повтор является реакцией коммуниканта на нежелание собеседника подчиниться его требованию. Первый участник коммуникации возмущен поведением собеседника и стремится повлиять на него таким образом, чтобы предотвратить возможные негативные последствия, которые могут навредить обоим коммуникантам. Тем не менее, усилия адресанта не дают результата до тех пор, пока последний не прибегает к угрозам. Восклицательная реплика-повтор, характеризующаяся весьма яркой эмоциональной окраской, оказывает эффективное воздействие на адресата, в результате чего собеседники меняются ролями: теперь адресат выступает в качестве объекта манипуляции, а адресант занимает позицию субъекта манипуляции, благодаря которой ему удается преодолеть защитный барьер и заставить собеседника подчиниться своему требо-

ванию.

Из данного примера мы можем видеть, что яркая эмоциональная окрашенность восклицательных реплик-повторов, используемых в функции смены ролей коммуникантов, способствует достижению положительного результата манипулятивного воздействия в ситуативных контекстах, характеризующихся высокой степенью сложности воздействия на объект манипуляции в связи с присущими ему качествами или условиями обстановки воздействия. Однако манипулятивное воздействие, осуществляемое при помощи вопроса-переспроса, может заключаться не только в побуждении объекта манипуляции к действию или навязыванию ему каких-либо убеждений. Оно может проявляться и в стремлении манипулятора воздействовать на манипулируемого таким образом, чтобы помешать вмешательству последнего в текущее коммуникативное событие или позволить субъекту манипуляции продумать свои дальнейшие стратегии и направление развития коммуникативного акта.

Роль вопроса-переспроса как средства такого рода манипулирования собеседником реализуется благодаря способности данного вида вопросительных ответных реплик выступать в качестве инструмента хезитации. В данной функции вопрос-переспрос позволяет коммуникантам выиграть время для размышления над информацией, сообщенной в реплике-стимуле и продумать свои дальнейшие действия согласно заданным целям. При этом необходимо отметить важную особенность употребления вопроса-переспроса в данной функции, которая заключается в том, что вопросительная реплика-реакция не содержит какой-либо значимой информации и является лишь возможностью отдалить ответ на вопрос, заключенный в стимулирующей реплике.

Кроме того, вопрос-переспрос в данной функции, как правило, сопровождается одним или несколькими повествовательными предложениями, в которых содержится размышление коммуниканта над информацией, сообщенной в инициальной реплике. Отметим также, что вопрос-переспрос как инструмент хезитации может быть представлен двумя типами вопросительных ответных реплик: вопросом-переспросом с повторением и вопросительными «сигналами внимания». Употребление данных видов вопроса-переспроса в рассматриваемой функции весьма схоже, в отличие от употребления вопроса-переспроса, с повторением и восклицательных реплик-повторов в функции смены ролей коммуникантов.

Проиллюстрируем все вышеизложенное на примере:

- What about him?

- He's ours'.

- Ours'? Perhaps you are right. Ours. Yours and mine. You and I have to go after him. Two of us (*Douglas Lindsay- 'The Cutting Edge of Barney Thomson'*).

В приведенном примере вопрос-переспрос, выступающий в качестве инструмента хезитации, не содержит какой-либо информативной нагрузки и позволяет говорящему обдумать информацию, заключенную в инициальной реплике. Вместе с репликами, следующими за ним, вопрос-переспрос образует целостное высказывание, направленное на то, чтобы воздействовать на собеседника таким образом, чтобы побудить его к совместным действиям, при этом манипулятивное воздействие проходит в пределах неосознаваемого манипулируемым и позволяет адресату использовать желание помочь другу и привязанность собеседника к последнему в своих целях.

Кроме уже рассмотренных функций, вопрос-переспрос как средство манипуляции может выступать и в качестве инструмента прекращения коммуникации. Вопросительная реплика-повтор дает возможность коммуникантам прекратить разговор, вызвавший крайне негативную реакцию адресата. Необходимо отметить, что, говоря о прекращении коммуникации, мы имеем в виду не только завершение коммуникативного акта, в целом, но и переход от границ одного диалогического единства к возникновению нового диалогического единства, характеризующегося наличием новой темы.

В функции инструмента прекращения интеракции чаще всего выступает восклицательная реплика-повтор. На письме восклицательные реплики-повторы маркируются не вопросительным, а восклицательным знаком, который свидетельствует об очень яркой эмоциональной окрашенности и о полной потере значения вопросительности. Употребление данного вида вопросительных ответных реплик является своеобразным способом показать, что адресат не только не соглашается с мнением собеседника, но и категорически отвергает его. Восклицательную реплику-повтор можно рассматривать как своего рода протест против информационного требования, содержащегося в реплике-стимуле, что обуславливает отсутствие необходимости в ответной реакции собеседника. Кроме того, необходимо отметить, что в связи с тем, что основная коммуникативная функция данного вида вопроса-переспроса заключает-

ся в выражении негативного отношения к содержанию реплики-стимула с целью эмоционального воздействия на собеседника, ведущего к прекращению интеракции, восклицательные реплики-повторы почти не несут какой-либо интеллектуальной информации, иными словами, они информативно опустошены. Однако восклицательные реплики-повторы, как правило, сопровождаются дополнительными репликами, в которых дается обоснование отрицательной реакции адресата на содержание реплики-стимула.

Теперь перейдем к анализу примера употребления данного вида вопроса-переспроса в рассматриваемой функции:

- I've won your bet for you, haven't I?

- You won my bet! You! Presumptuous insect. I won it! (*B. Shaw 'Pygmalion'*).

В приведенном примере восклицательная реплика-повтор, представленная во второй реплике диалогического единства, является эмоциональным откликом адресата на сообщение инициальной реплики. Адресат крайне возмущен позицией собеседника. При помощи восклицательной реплики-повтора адресат выражает свое негодование и показывает свое нежелание продолжать разговор на данную тему, так как он убежден в своей правоте, о чем свидетельствует содержание высказываний, следующих за восклицательной репликой-повтором. Подобная позиция адресата приводит к завершению коммуникативного акта.

Кроме восклицательных реплик-повторов в функции инструмента прекращения интеракции, также может выступать вопрос-переспрос с повторением. В диалогических единствах, в которых представлен данный вид вопросительных ответных реплик, функция прекращения коммуникации реализуется в том случае, если вопрос-переспрос с повторением практически полностью утрачивает значение вопросительности и передает категорическое неприятие адресатом сообщения инициальной реплики. Крайне негативное отношение адресата к информации реплики-стимула сближает вопрос-переспрос с повторением с восклицательными репликами-повторами.

Несмотря на то, что вопрос-переспрос с повторением обладает меньшей эмоциональной окрашенностью, чем восклицательные ответные реплики-переспросы, и на письме маркируется вопросительным знаком, данный вид вопросительных ответных реплик, так же как и восклицательные реплики-повторы, в функции средства прекращения интеракции не предполагает ответной реакции собеседника, так как направ-

лен на завершение темы, вызывающей у адресата негативные эмоции. Необходимо также отметить, что вопрос-переспрос с повторением, как и восклицательные реплики-повторы, сопровождается в данной функции дополнительными предложениями, в которых дается разъяснение реакции адресата на сообщение инициальной реплики.

Проследим сказанное на примере:

- Why don't you want to have a wedding party?
- Wedding party? Do you want everyone to know that we are getting married because I'm pregnant? (*B. Burns – 'The dark part of me'*)

Вопросительная реплика-повтор в данном примере представляет собой диалогический протест адресата против информационного требования реплики-стимула и возникает как негативная реакция адресата на предложение собеседника устроить вечеринку, посвященную бракосочетанию друзей. Героиня при помощи вопроса-переспроса с повторением категорически отвергает предложение подруги, так как не хочет, чтобы все узнали о причине ее свадьбы. За вопросительной репликой-повтором следует высказывание, в котором адресат обосновывает свое нежелание устраивать прием, посвященный бракосочетанию, и которое демонстрирует адресанту нежелание адресата продолжать дискуссию на данную тему, что приводит к завершению коммуникативного акта.

Проанализировав изложенное выше, мы приходим к выводу о том, что вопрос-переспрос может быть эффективно использован в качестве средства манипуляции, позволяющего участникам коммуникации управлять развитием дискурса в соответствии с поставленными целями. Для реализации коммуникативных намерений участники коммуникации могут прибегать к различным видам вопроса-переспроса, соответствующим тем или иным диалогическим стратегиям, которые выбраны ими для успешного осуществления поставленных в процессе коммуникации задач, а также продуктивного развития дискурса.

Так мы выяснили, что вопрос-переспрос как средство манипуляции может быть использован адресатом в качестве инструмента смены ролей коммуникантов. В данной функции чаще всего выступают восклицательные реплики-повторы, а также вопросы-переспросы с повторением, которые позволяют участникам коммуникации меняться лидирующей ролью в процессе общения и управлять ходом дискурса, являясь удобным способом уйти от ответа на поставленный вопрос, сменить тему разговора, вызывающую негативные эмоции или развитие которой может быть невыгодным для адресата, а также весьма корректно

отвергнуть предложение или просьбу совершить какое-либо действие, реализация которого может негативно сказаться на адресате.

Кроме того, вопрос-переспрос может быть использован адресатом в качестве инструмента хезитации. Вопросительные «сигналы внимания» и вопрос-переспрос с повторением, выступающие в данной функции, дают коммуникантам возможность выиграть время для размышления над информацией, сообщенной в инициальной реплике. Мы также выяснили, что вопрос-переспрос как инструмент хезитации не несет в себе никакой значимой информации и является удобным средством избежать сиюминутного ответа на заданный собеседником вопрос или отсрочить реакцию на информационный призыв реплики-стимула. Вопросительные ответные реплики, выступающие в данной функции, сопровождаются одним или несколькими высказываниями, в которых содержатся размышления адресата по поводу информации инициальной реплики.

Манипулирование в дискурсе также может быть направлено на прекращение коммуникации, ведущее к завершению коммуникативного акта или же к переходу от одного диалогического единства к другому в результате смены темы разговора (нарушения тематической целостности). В качестве инструмента прекращения коммуникации выступают восклицательные реплики-повторы, а также вопросы-переспросы с повторением, которые являются своеобразным протестом против информационного требования реплики-стимула и передают неприятие адресатом сообщаемой информации, а также его нежелание продолжать разговор на заданную тему.

В ходе исследования мы установили, что данные виды вопроса-переспроса в рассматриваемой функции информативно опустошены, так как являются эмоциональным откликом на сообщение реплики-стимула и не содержат никакой интеллектуальной информации. Однако они сопровождаются дополнительными репликами, в которых обосновывается негативная реакция адресата на сообщение инициальной реплики. Отрицательная коннотация, передающая нежелание адресата продолжать разговор на предложенную тему, полная утрата вопросительности восклицательными репликами-повторами (о чем свидетельствует замена вопросительного знака на восклицательный) и практически полная утрата вопросительности вопросительными репликами-переспросами (свидетельством чему являются комментарии автора и контекст, подтверждающие восклицательный характер высказывания и передающие диалогический протест адресата против информационного требования

реплики-стимула), а также информативная опустошенность восклицательных реплик-повторов и вопросов-переспросов с повторением обуславливают отсутствие необходимости в ответной реакции собеседника на данные виды вопроса-переспроса, что приводит к завершению коммуникации (в целом) или же к возникновению нового диалогического единства, характеризующегося иной тематической целостностью.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бессонов Б.Н. Идеология духовного подавления. — М., 1971. - 295с.
2. Шиллер, Г. Манипуляторы сознанием.— М.: Мысль. 1980. – 326 с.
3. Goodin, R. E. Manipulatory politics— Yale: N. Haven, 1980. — 250 p.
4. Van Dijk, T.A. Discourse and Manipulation // Discourse and Society.-2006. №17 (2). -P. 359-383.
5. Стернин, И.А. Введение в речевое воздействие. - Воронеж, 2001. – 252 с.
6. Быкова, О.Н. Опыт классификации приемов речевого манипулирования в текстах СМИ / О.Н. Быкова // Речевое общение: Вести. Российской риторической ассоциации. - Красноярск, 2000. - Вып. 1 (9).
7. Любимова, А.А. Интерпретация текста и языковое манипулирование в текстах современных западных средств массовой информации / А.А. Любимова // Вопросы интерпретации текста. Лингвистика и история-литературы. - М.: МАКС Пресс, 2004. – С. 66-78.
8. Mankeltow, K., Over, D. Inference and Understanding: A Philosophical and Psychological Perspective / K. Mankeltow, D. Over. - London and New York: Routledge, 1990. – 256 p.
9. Taillard, M. Adaptive Persuasion / M. Taillard // UCL Working papers in linguistics / Ad Neeleman and Mary Pearce. - 2004. - №16. - P. 247 - 263.
10. Blass, T. Obedience to authority. Current perspectives on the Milgram Paradigm. – 251 p.
11. Арутюнова Н.Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему» - реплики в русском языке// Филологические науки. 1979. №3. С. 133 – 136.
12. Бузаров В.В. Некоторые аспекты взаимодействия грамматики говорящего и слушающего (в английской диалогической речи). Пятигорск: 1983. - С. 40-41.

УДК 801.311

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА И КАТЕГОРИЯ КВАНТИФИКАЦИИ

Гайломазова Е.С.

LINK WORDS AND CATEGORY OF QUANTIFICATION.

Gaylomazova E.S.

Почти все проявления квантификации уже известны. Но различия между системной значимостью квантификаторов и многочисленными контекстными приращениями настолько поразительны, что побуждают вновь обращаться к этой проблематике. Служебные слова, у которых давно уже не отрицается наличие семантического содержания, также могут иметь различные значения, связанные с категорией квантификации.

Nearly all displays of quantification are known. Differences between system significance of quantificators and numerous context increases are so amazing that make us to appeal to this problem again. Link words which are known to have semantic content also can have different meanings connected with the category of quantification.

Ключевые слова: квантификация, служебные слова, предлог, семантика.

Keywords: quantification, link words, preposition, semantics.

Как общая проблема квантификации, так и многие частные детали квантификативных характеристик многократно были объектом лингвистического изучения. Почти все проявления квантификации, даже в самом широком ее понимании, конечно, уже известны. Но различия между системной значимостью квантификаторов и многочисленными контекстными приращениями как собственно семантического, так и прагматического, культурологического характера настолько поразительны, что побуждают вновь и вновь обращаться к этой проблематике.

Квантификация является объектом семантических исследований (теории референции). В то же время квантификация как область постоянного интереса лингвистики – это обширное пространство, включающее в себя многочисленные элементы, для которых количественная семантика является основным знаковым содержанием, а также еще более многочисленные единицы, приобретающие квантитативную семантику и прагматику в контексте (как в узком контексте, так и в широком контексте ситуации).

Служебные слова, у которых давно уже не отрицается наличие семантического содержания, также могут передавать различные значения, связанные с категорией квантификации. Предлоги «среди», «между», выражающие расположение в пространстве между двумя и более локумами, предполагает множественное число конкретных существительных или форму единственного числа собирательного имени. В «синтаксическом словаре» Г.А.Золотовой [2, с.103] отмечается синтаксема «среди + род. Падеж имени во мн. числе или в ед. Числе со значением совокупности»: *Среди журналистов, людей, но: среди публики.*

Сочетаемость предлогов «между» и «среди» с формами единственного числа конкретных существительных выявляет обобщённо-собирательное значение последних. Дело в том, что лексема «среди» вместе с глаголом всегда указывает на действие, возможное только при наличии какого-либо множества. Если же переосмысление единственного числа, употреблённого с предлогом «среди», в обобщённо-собирательное значение невозможно, то это обязательно каламбурная, нацеленная на языковую игру сочетаемость. Ср.: *это была передача «однажды вечером», самая популярная среди моей мамы.* Цит. По: [2]. Можно сказать, что в таких случаях категория числа у существительных не столько номинативная, сколько релятивная, синтаксическая, отражательная, зависимая, ибо предопределяется семантикой предлога.

Наречный предлог *вокруг*, выражающий круговое ограничение пространства, также предполагает определенную сочетаемость, а именно – множественное число, но не припредложного имени, а наименования субъекта действия (следовательно, и глагола-сказуемого). Комизм старинной шутки «*Старик уселся вокруг молодежи*» создается как раз нарушенной сочетаемостью: один уселся (распределился) вокруг многих. Ср. также нетипичную сочетаемость наречных предлогов:

Вот я тут между собой посоветовался и решил.

(А. Арканов «Протокол»).

Ты должен проводить среди меня воспитательную работу, а я расту над собой (комедия Л. Гайдая «Операция Ы и другие приключения Шурика»).

Аналогичную шутку встречаем еще у А. Чехова:

Я же сделал все, что может сделать слабый человек, кроме добра ближнему, ничего не желающий, и, сидя теперь среди домашнего очага своего, благодарю со слезами того, кто не допустил кровопролития (Брожение умов).

В норме предлоги *среди* и *между*, выражающие расположение в

пространстве между двумя локумами, предполагают множественное число конкретных существительных. Поэтому о них справедливо пишут как о единицах, имеющих синтаксическое значение морфологической категории числа, которое передаются через означаемые другого уровня. Сочетаясь лишь с определенными числовыми формами, локальные предлоги *вокруг, между, окрест, среди, меж, между* и комитативные предлоги, обозначающие сопровождение, совместность, соучастие, приобщаются к морфологической категории числа и к средствам квантификации. Поскольку предлоги являются выразителями вполне реально существующих отношений между предметами объективной действительности, именно содержательный аспект данных отношений определяет лексическое наполнение предлогов.

В работе [4, с.15-16] отмечены несколько контекстных количественных значений, реализация которых непосредственно связана с частицами. Это значение добавочного количества: *Им передали еще двадцать пулеметов* (А. Чаковский «Блокада»); результативного количества: *Теперь уже свыше двухсот рабочих работали на строительстве* (А. Чаковский «Блокада»); остаточного количества: *Мы еще двадцать дней будем ехать* (А. Чехов «На пути»); выделительного количества: *Против двух из семи фамилий стояли пометки* (А. Чаковский «Блокада»).

Хорошо известны возможности частиц в создании дополнительных прагматических смыслов, сопровождающих количественную оценку: *У меня всего лишь (только) пять рублей - у меня целых пять рублей*. Количественные характеристики важны для построения высказывания и текста, обладающих оценочной модальностью:

*Ты работал целых пять дней. Поэтому тебе надо отдохнуть. *Ты работал всего пять дней. Поэтому тебе надо отдохнуть.*

Ясно, что семы *много/мало*, содержащиеся в словах *всего, целый, аж, только* не должны противоречить общей количественной оценке, которую передает предложение, высказывание или текст. К общеязыковым приемам количественной оценки относятся прилагательные (*целый*) и частицы (*только, всего, аж*). Атрибутами *добрый, битый, целый* (которые в таких случаях грамматикализуются) говорящий выражает мнение, что называемое количество в данной ситуации слишком большое, а словами *только, лишь всего, несчастный, жалкий, какой-нибудь, какой-то* – говорит, что считает называемое количество маленьким. Слова *жалкий, несчастный* справедливо считают наиболее субъективными и эмоциональными. Говорящий считает, что количество чего-то

оскорбительно мало, что не заслуживает обсуждения. С помощью слова *целый* говорящий сообщает, что количество чего-либо выше нормы и ожиданий; возможно, говорящий сам удивлен, что количество так велико. В случае со словом *аж* говорящий не столько выражает собственное удивление, сколько приглашает слушающего удивиться тому, что количество оказалось таким. Различие между *целый* и *аж* состоит в том, что у первого слова компонент «много» всегда непосредственно относится к количеству, а второе возможно и при описании процессов минимизации (само количество мало, велика лишь разница между этим количеством и нашим ожиданием). В отличие от других прилагательных, слово *целый* в количественных сочетаниях употребляется только перед числительным: *целых десять лет*, * *десять целых лет*. См. подробнее: [1, с.106-112].

Ср. фрагмент из интервью с кинорежиссером Э. Рязановым в канун его 80-летия:

Э. Рязанов: *Я, как большинство населения нашей страны, не понимаю, почему режиссер, чьи фильмы били рекорды по посещаемости, должен ходить к банкирам и кланяться им в пояс? Не для себя деньги прошу, а чтобы сделать очередную картину!*

Корр.: *Значит, у вас еще есть замыслы?*

Э. Рязанов: *Вопрос очень оскорбительный по сути своей. А у вас есть еще замыслы в жизни? У меня ЕЩЕ есть. У меня и аппетит хороший. Я и выпить могу. И с девушкой погулять тоже. А вы: «Вам в гроб пора, дорогой» (Аргументы и факты, 2007, № 46). Ср. осуществленное в тексте графическое выделение частицы.*

Частица *только* в составе высказывания не просто указывает на прагматическое значение «мало», но способствует возникновению целого комплекса имплицитных смыслов. Ср. журналистский анализ «прямой линии» с премьер-министром В.В. Путиным, в котором говорится о неэффективности такого общения, множестве незначительных вопросов, нередко содержащих комплиментарную часть (о кличке для собаки Путина и под.), и отсутствии ряда острых вопросов, которые не могут не волновать людей. В частности, журналист В.Р. Захарьин пишет:

О пенсиях и зарплатах было задано только два вопроса (Советская Россия, 18 декабря 2010 г.). Всего В.В. Путин успел ответить на 80 вопросов.

Интересно, что частица *аж*, помимо тривиального смысла ‘говорящий считает, что это много’, способна создавать ироническую модальность высказывания (особенно – в случаях, когда оценка «много» не соответствует указанному квантификатором малому количеству):

Ответ премьер-министра на вопрос другого жителя того же поселка просто озадачил. Речь в вопросе шла о внесении в Лесной кодекс РФ. Ответ заслуживает того, чтобы быть процитированным: «...у нас принято решения внести некоторые изменения в Лесной кодекс и усилить ответственность арендаторов за арендуемые участки леса». Еще там было сказано о переоснащении противопожарных служб – аж восемью новыми самолетами, расширении полос безопасности и создании добровольных пожарных дружин. Все это, по мнению Путина, «позволит нам встречать катаклизмы такого масштаба гораздо более уверенно и действовать эффективнее» (Советская Россия, 18 декабря 2010 г.).

Интересно, что в переводных текстах нередко появляется усиленные частицы, интенсифицирующие высказывание. Ср.:

“I was only Crown Prince then. I was young. I am but thirty now.”

(A. Conan Doyle “A Scandal in Bohemia”)

Тогда я был кронпринцем. Я был совсем молод. Мне и теперь только тридцать (пер. Н. Войтинской).

В этом же рассказе так передана реакция Шерлока Холмса на сообщение короля о том, что фотография может быть передана в понедельник: *“Oh, then we have three days yet,” said Holmes with a yawn.* В том же переводе эта фраза воспроизведена так: *О, у нас впереди целых три дня!* – зевнул Холмс. И это хорошее решение, которое вполне согласуется с дальнейшей репликой Холмса: – *Вам повезло, потому что сейчас мне надо заняться кое-какими неотложными делами.* Ср., какой перевод предлагается в пособии «Метод чтения Ильи Франка» А. Conan Doyle, подготовленном А. Ереминым (М.: АСТ, 2008: 47):

О, у нас есть только три дня, сказал Холмс зевая. Это очень удачно, так как у меня есть одно или два важных дела, чтобы заняться ими сейчас.

Помимо того, что в таком переводе появляется логическое противоречие (адресант считает, что времени мало, однако говорит в связи с этим об «удаче» и о том, что при отсутствии достаточного времени для дела собеседника он займется другими делами), рисуется и достаточно странный образ самого отправителя речи. Между тем, Шерлок Холмс не был позером, относился с предельным вниманием ко всем своим клиентам, поэтому нельзя приписывать ему фразы, которые в корне разрушают этот образ. А в основе всего недоразумения – частица *только* с присутствующим ей прагматическим содержанием. Именно с помощью квантификативной семантики частицы создается антитетичная конструкция:

Heir brain is seething with ideas, and they can only tell you that the

umbrella of the gardener's aunt is in the house. (W.S. Maugham "The Moon and Sixpence") - В мозгу их бурлят идеи одна интересней другой, а сказать эти люди могут только «Тетушка нашего садовника позабыла дома свой зонтик».

Таким образом, в выражении квантификативных значений принимают участие не только знаменательные, но и служебные части речи, в семантическое содержание которых входят смыслы «много» и «мало».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Беляева И.В. Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты. – Ростов н/Д: Издательство СКАГС, 2008.

2. Высоцкая И.А. Русское собирательное имя в лингвопрагматическом аспекте. Ростов н/Д., 2002.

3. Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. Изд-е 2, испр. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

4. Чиркинян Н.С. Поле количественности (на материале русского и армянского языков). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ереван, 1980.

УДК 800

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ГЛАГОЛОМ SEEM

Лабашева Н. А.

FEATURES OF USE OF VERBAL DESIGNS WITH A VERB "SEEM"

Labasheva N. A.

Предметом рассмотрения данной статьи является сравнительно сопоставительный анализ глагольных конструкций в английском и испанском языках. Задача данного исследования заключается в выявлении их различий и особенностей использования. Выяснено, что объект производных глаголов требует дативный клитик и блокирует возникновение явления *subject-to-subject*, из чего можно сделать вывод, что второе находится под воздействием первого.

The Subject of studying of given article is rather сопоставительный анализ глагольных конструкций в английском и испанском языках. The problem of the given research consists in revealing of distinctions and features of use. Research has shown that the object of derivative verbs demands dative clitic and blocks phenomenon occurrence subject-to-subject from what it is possible to draw a conclusion that the

second is under the influence of the first.

Ключевые слова: флективная система, падежи, объект, предмет, клитики, флексии, именная группа, эксплитивный, глагол, придаточное предложение.

Keywords: inflectional system, cases, object, a subject, clitic, inflections, a noun phrase, explesive, a verb, a subordinate clause.

Английский и испанский глаголы *seem* отличаются тем, что флективная система этих глаголов демонстрирует важное ограничение, когда объект не подразумевается; объект требует быть удвоенным дательным клитиком; объект предупреждает возникновение такого явления как прилегание *subject-to-subject*. Первая область различий связана с реструктуризацией феномена романского преимущества. Второе прослежено до определенного падежного лицензирования с инфинитивной фразой *to-phrase* в клитически сдвоенных романских языках. Блокирующие эффекты дативных клитиков в производных структурах рассматриваются как следствие формальной природы дативных клитиков этих структур.

Обычно предполагается, что глагол *seem* требует придаточного-дополнения и необязательной *to-phrase*. В общем, отсутствие необязательного аргумента не может повлиять на время, вспомогательные глаголы или другие свойства флективных систем глагола. Однако это очевидно в испанском языке. Доказательства подтверждают мнение, что *to-experiencer* не существенный аргумент производных глаголов, эти производные глаголы реструктурируют глаголы в том смысле, что они устанавливают синтаксические и семантические свойства в логической форме, сочетая свою флективную систему используемых глаголов.

Как *seem* в английском языке, так и *parecer* в испанском может встречаться и с придаточным, и с объектом [1, с. 30]:

1. *Les parecia que Maria estaba cansada.*
To them-seemed that Mary was tired.
It seemed to them that Mary was tired.

Также как в английском *parecer* (также *resultar* ‘turn out’) появляется в двух типичных конфигурациях (2) [1, с. 34]:

2. a. *Ester taxista parece*
This taxi driver seems to be tired
b. *Parece que [ester taxista esta cansado]*
It seems that this taxi driver is tired

В испанском отсутствие объекта с *parecer* имеет последствия для флективной структуры придаточного. Эти ограничения проявляются во

времени, виде, наклонении и модификации вспомогательных глаголов. В то время как независимый объект допускается как в настоящем, так и в имперфекте, *parecer* не может быть в претерит до тех пор, пока там не окажется объекта [1, с. 40]:

3. a. *Parece/parecia (IMP) que Juan estaba malo.*

It seems/seemed that Juan was sick

b. *Precio que (PRET) Juan estaba malo.*

It seemed that Juan was sick

c. *Nos parecio (PRET) que Juan estaba malo.*

It to us-seemed that Juan was sick

Глагол *resultar* ведет себя иначе:

4. *Resulto (PRET) que Juan estaba malo.*

It turned out that Juan was sick

Специфические свойства производных глаголов не могут остаться незамеченными. Rothstein (1983) отмечал, что производные глаголы не являются основными и не играют главной роли, но подобны глаголам-связкам с различной утвердительной силой. Rothstein утверждает, что эти глаголы являются флективными операторами, занимающими существенную сферу деятельности [2, с.61]. Это же оспаривает Napoli (1989): глаголы класса *seem* не являются сказуемыми сами по себе, а частью сказуемого [3, с.56]. Эти идеи остаются спорными, так как стандартный (принцип кооперации /финитная группа) анализ придаточного претерпел неудачу в утверждении, что производные глаголы могут демонстрировать флективное ограничение в указанных случаях для испанского языка. Так же сомнительно и то, что предмет придаточных пересекается с объектом в английском языке. Этот пример движения возможен в нарушении минимальности. Эти выводы могут быть отнесены к вопросу, какого рода сказуемыми могут быть производные глаголы. Тогда должен быть проделан некоторого рода пересмотр в этих структурах.

В английском языке разбор порядка слов в предложении предполагает, что *to-phrase* ниже, чем глагол, так как глагол в английском не возникает графически. Учитывая это, объект должен или быть в какой-то флективной категории связующим звеном между *seem* и последующим придаточным, или примыкать к придаточному. Это и подтверждает тот факт, что объект не является истинным аргументом глагола *seem*. Более того, объект является участником первоначального сказуемого *seem+V*, как предполагалось [3, с.70].

Когда за глаголом *parecer* следует именная группа, составляющая сказуемое или определение, результаты другие [1, с.83]:

Las canas hacen parecer viejo.

Grey hair makes (people) seem old.

Также как и в английском, количественное существительное должно иметь преимущество над *parecer* [1, с.84]:

Poca gente parece feliz.

Few people seem happy.

В романских языках, которые могут удвоить *to-phrase* дативными клитиками, объект производных глаголов обязательно требует дативного клитика [1, с.98]:

a. *Parecio a mis amigos que Maria estaba cansada.*

It seemed to my friends that Mary was tired

b. *A mis amigos parecio que Maria estaba cansada.*

To my friends it seemed that Mary was tired

c. *Parecio que Maria estaba cansada a mis amigos.*

It seemed that Mary was tired to my friends

d. *Les parecio (a mis amigos) que Maria estaba cansada.*

To them- seemed (to my friends) that Maria was tired

Как показано в примере d, лексический объект может быть опущен. Требуется только дативный клитик. Это позволяет предположить, что представленный как преимущество дативный клитик сигнализирует о нулевом объекте. Следующие два описательных обобщения формулируются для клитически двойного романского языка: объект производных глаголов требует дативного клитика и блокирует возникновение *subject-to-subject*, что можно охарактеризовать как второе находится под воздействием первого.

Три факта вызывают интерес: объект в испанском языке и других клитически сдвоенных романских языках требует дативного клитика, объект исключает возникновение явления *subject-to-subject*, объект не исключает возникновения в английском. Стандарт предполагает, что производные глаголы не имеют аргументированного предмета. Предмет инфинитивного оборота должен двигаться к месту расположения предмета, принимая падеж объекта. Потому что объект квалифицируется как ближайший антиседент для признака предмета. Это движения следовало бы отвергнуть грамматикой. Очевидно, это допускается. Тем не менее, некоторые стратегии должны быть предприняты, чтобы сделать это возможным [4, с.134].

Характерное свойство *to-phrase* в романских языках то, что они появляются одновременно с дативными клитиками, которые в некоторых случаях являются факультативными и обязательными в других. С

производными глаголами нет выбора: дативный клитик должен быть частью структуры. Причина в том, что производные глаголы не имеют дативного клитика, чтобы соответствовать грамматическим правилам падежа объекта. При условии, что объект не удовлетворяет грамматическим правилам как аргумент глагола, что изначально правдоподобно. Дативный клитик требуется для того, чтобы удовлетворить грамматическим правилам падежа объекта. Дативный клитик имеет черты глагола и является носителем падежа *to-phrase* в клитически сдвоенных романских языках. Допустим, что соответствие грамматическим правилам дативного падежа имеет место в логической форме. Дативный клитик будет главной составляющей места нахождения флексии. Появится объект в позиции предмета в логической форме и будет соответствовать требованиям падежной парадигмы.

Очевидно, что существуют определенные затруднения движения предмета инфинитивного оборота к месту нахождения придаточного. Однако существует один фундаментальный аспект разрабатываемого предположения, который исключит возникновение явления *subject-to-subject* независимо от любых других соображений, а именно эксплитивную природу дативного клитика. Не ново то, что некоторые клитики в романских языках имеют специфические требования. Например, рефлексивный клитик, который должен соответствовать противоположным требованиям, т.е. быть связанным эксплитивными местоимениями.

Таким образом, ключ к учету блокирующих эффектов дативного клитика для возникающего предмета в испанском языке лежит в неаргументном характере дативного клитика. Эксплитивный дативный клитик будет двигаться к флексии, как клитики, в основном, делают в романских языках. Однако эксплитивный клитик должен будет соответствовать требованиям эксплитива. Требование в вопросе будет его связь эксплитивной позиции с прежней логической формой: позиция предмета производного глагола *seem*. Факт, что позиция места расположения предмета является позицией, где предмет инфинитивного придаточного требует падежного согласования, только в контексте, в котором возникающий предмет не встречает производных глаголов в клитически сдвоенных романских языках, может появиться с *to-phrase* [4, с.140].

Обвиняя блокирующий эффект дативного клитика в прилегающей позиции *subject-to-subject*, возникающий в клитически сдвоенных романских языках, мы оставили открытой возможность возведение в позицию предмета превосходит объект в грамматиках, в которых дативный клитик не требуется. Движение именной группы над объектом возможно

только потому, что объект находится в прилегающей позиции. Основная идея, подчеркивающая это предположение, состоит в том, что объект не считается потенциальным антиседентом для признаков именной группы в прилегающей позиции.

Подводя итог, мы видим, что испанский не исключение в отрицании явления *subject-to-subject*. Другие романские языки, в которых аргументы удвоены наличием клитических объектов, ведут себя подобным образом. Спорно, что невозможность возникновения предмета, - признак обязательности дативного клитика. Дативный клитик не является аргументированным и должен быть связан с эксплитивами. Так как клитики возведены во флективные, клитик связан с (нулевым) эксплитивом в месте расположения предмета.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Bursio, L. Italian Syntax: A Government and Binding Approach, Reidel, Dordrecht, 1986.
2. Chomsky, N. Lectures in government and Binding, Foris, Dordrecht, 1981.
3. Laka, I. Negation in Syntax: On the Nature of Functional Categories and Projection, MIT PhD dissertation, 1990.
4. Jackendoff, R. Semantic Structures, MMT Press, Cambridge 1990.

УДК 80

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНОГО ТИПА

Полянский С. Н.

SYNTACTICAL STRUCTURES OF COMPLEX DETERMINATIVE SENTENCES

Polyansky S. N.

Данная статья посвящена проблеме синтаксической репрезентации языковых определительных структур рестриктивного (ограничительного), аппозитивного (характеризационного), относительного профиля, оформленных в сложноподчиненном предложении.

This article is about the problem of syntactical representation of the verbal structures of restrictive, appositive and relational identification profiles formed as a complex sentence.

Ключевые слова: идентификация, ограничение, квантификация, аппо-

зитивность, гипотаксис, X'-теория.

Keywords: identification, restriction, quantification, appositivity, hypotaxis, X'-theory.

Идентификация референта, в противоположность элементарным отношениям кореферентности (например, между именем собственным и его субститутом, чаще всего являющегося местоимением), представляется более сложным и многоаспектным явлением, что находит подтверждение в возможности трактовки самого термина в рамках проблематики, связанной с изучением процессуальных аспектов референции. В самом простом виде предложение определительного типа на синтаксическом уровне может быть выражено паратаксически, когда референт идентифицируется через языковое выражение, следующее за именной группой и образующее вложение (парантезу). На более сложном синтаксическом уровне идентификация имеет отношение к сложноподчиненному предложению, когда именная или глагольная группа расположены в главной части, а вспомогательная - в придаточной.

Проведенное исследование имело целью рассмотреть предложения определительного типа, синтаксическая связь которых может быть охарактеризована неоднородностью [1, с.129]. В качестве материала для исследования послужил корпус текстов произведений современных англоязычных писателей. Были выбраны случаи употребления синтаксических конструкций трех типов – рестриктивные (ограничительные), аппозитивные (описательные), относительные, на примере которых доказывается основное положение, выдвинутое в статье, – рестрикция является элементарным отношением идентификации и присутствует на поверхностном уровне также и в неограничительных предложениях с референтом-ситуацией в качестве активируемого референта, где свойство приписывается необъектному референту при характеристике объекта.

Задачи данной работы были мотивированы необходимостью описать базовую синтаксическую структуру предложений определительного типа и выделить основные различия между сложноподчиненными предложениями (СПП) с рестриктивными и аппозитивными придаточными, с одной стороны, и между антецедентными и относительными (безантецедентными) – с другой. Теоретической основой исследования послужили положения теории управления и связывания в рамках генеративной грамматики, а именно X'-теории (X-штрих-теория), которая имеет объектом своего исследования типы проекций синтаксической вершины. Основоположителем теории, как и других разделов генерати-

вистики, является Ноам Хомский, который в работе «Лекции по управлению и связыванию» изложил базовые принципы этого подхода к структуре языковых выражений. Основная задача X'-теории сводится к «выявлению схожести между различными лексическими категориями путем приписания им одной и той же структуры» [2, с.5]. Необходимо иметь в виду, что материал этой теории, как и в случае остальных направлений генеративной лингвистики, разрабатывались на материале английского языка.

Теория претерпела изменения в период минимализма, затронувшего весь генеративный синтаксис. Первоочередную роль стали играть функциональные группы, которые, согласно одной из основных гипотез теории минимализма, находятся в самой верхней позиции структуры составляющих. Эталонными ядрами функциональных групп являются служебные слова или грамматические показатели: для группы DP – артикль, для группы глагола (IP) – финитные (личная форма) характеристики вершины, флексии и видо-временные формы. Так, в частности, спецификатор вместе с NP образует в минимализме отдельную группу DP (Determinative Phrase) с вершиной D (определитель), а глагольная финитная личная группа образует IP (Inflection Phrase), что является эквивалентом определенности для группы глагола.

Идентифицируемая часть с позиции классической X'-теории включает в себя лексическую единицу, являющуюся вершиной группы NP, и спецификатор, к которому следует относить демонстративы, вопросительные местоимения и кванторы [3, с.14]. К этому списку необходимо добавить еще и посессорные локализаторы или генитивные именные группы. К демонстративам относятся слова проксимального и дистального дейксиса (*этот, тот* и пр.). По поводу кванторов следует упомянуть тот факт, что лишь некоторые (а именно - ограничительные) кванторы способствуют рестрикции. Посессорные локализаторы указывают на референт с точки зрения его принадлежности к другому референту. С точки зрения теории минимализма, то, что подразумевалось под спецификаторами, переходит в разряд вершины функциональной группы DP.

В основе предложений определительного типа лежит характеристика детерминации. На синтаксисе детерминация отмечается одним из типов отношений зависимости. Следует заметить, что определительный тип отношений не ограничивается демонстративностью и ограничением через квантор. Ссылаясь на И.А. Мельчука, Ю.Д. Апресян приводит следующие типы определительных отношений доминации: собственно определительные, кванторные, указательные, притяжательные,

общеквалификативные, порядковые, количественные, партитивные, количественно-атрибутивные [4, с.239]. Применяя данную классификацию, помимо использования общепризнанных терминов (квантор, поссессор, атрибутив), будет целесообразно расширить номенклатуру определителей для расширения возможностей описания идентифицируемой части СПП согласно приведенным Ю.Д. Апресяном отношениям.

Можно выделить три составляющие предложения с квантификацией: оператор, ограничительный (рестриктивный) терм, ядерная сфера действия [5, с.215]. Оператором является квантор, ограничительным термом – идентифицирующая часть референта, ядерной сферой – область, устанавливаемая оператором. Переменная, под которой следует понимать каждый отдельный случай репрезентации референта с целью его идентификации, должна объединять рестриктивный терм и ядерную сферу действия (там же).

В СПП ограничительным термом (идентифицирующей репрезентацией референта) является придаточное предложение, в генеративном синтаксисе обозначающееся как CP (Clause Phrase), вершиной которого является комплементатор (*that, which, who* и т.д.) а в качестве комплемента выступает предикативная группа – номинативно-определяющая (номинативный предикатив), атрибутивная или группа глагола в личной форме. Группа глагола в личной форме в придаточных сложноподчиненных предложениях идентификационного типа чаще всего является комплементом. В структуре фрейма активизируемого референта финитная группа на морфологическом уровне отражает формальную часть идентификационного единства заполняемого собственно предикативного профиля. Иначе говоря, рестриктивная часть предиката предстает как наиболее завершённый компонент идентификации (с точки зрения его способностей к установлению тождества) в случае соотнесенности с подлежащим, функции которого выполняет активизируемый референт. В случае собственно предикативного употребления речь идет об активировании одного или нескольких профилей референта через событийные предикаты, которые, по словам Н.С. Болотновой, «обозначают динамику действия, его фазы и другие особенности» [6, с.184]. В отличие от ситуации собственно предикативного употребления в предложениях экзистенциального и реляционного типа, когда идентификация выражается посредством пространственно-временной локализации, финитная группа сводится, как правило, к глаголу-связке.

Отношение между вершиной именной группы и идентифицирующим компонентом может быть отнесено к одному из функциональных типов референции: ограничительному или аппозитивному. Под ограни-

чением понимается сужение экстенционала до единицы. Ограничение включает в себя два элемента: элемент локализации, связанный, прежде всего, с установлением пространственных координат референта, и элемент сокращения до единицы (до сингулярного терма), который связан, в первую очередь, с необъектной референцией, под которой будет пониматься референция к той ситуации, когда идентифицирующая часть определяется пропозиционально-локализирующей функцией, о чем должны свидетельствовать наличие актанта (-ов) и сирконстанта (-ов) (за исключением, предложений экзистенциального и реляционного типа), а также личная форма вершины глагольной группы, что позволяет говорить о ней как об аргументе. Аспект ограничительности идентификации касается как минимум одного из участников коммуникации. В собственно ограничительной ситуации выбор одного свойства референта предстает как понимание реципиентом утверждения о единственности референта. Характеризация, в отличие от ограничительности, связанная с атрибуцией, имеет своим постоянным элементом атрибутивную ограниченность в противоположность объектной рестрикции референта. Таким образом, ограниченность – это тип референции, имеющий отношение к установлению места референта в классе однородных объектов, в то время как характеризация, являясь рестрикцией со стороны говорящего, становится аккумуляцией знаний реципиента о референте, таким образом выражаясь в характеризующем расширении знания коммуниканта об объекте референции. С ограничением, таким образом, следует связывать понятие детерминации, с характеристикой – экспликации. Характеризационное выделение представляет собой выбор одного из свойств, не существенных для онтологической идентификации предмета, и может иметь как признаки детерминации при вхождении атрибута в группу определителя, так и признаки чистой атрибуции, например, при подчеркивании исключительности свойства предмета, выражаемой через определенную форму прилагательного (превосходная степень сравнения).

По терминологии М.В. Лебедева, в ограничительной структуре идентификации можно выделить «смысловое значение» и «значение обозначения» [7, с.52]. Смысловое значение пропозиции – это ассертивная составляющая, которая может включать от одного до нескольких уровней дейксиса и, согласно терминологии Ч. Пирса, является дицисигнумом, включающим индексный знак, репрезентирующий «первичный объект», и вторую часть, имеющую связь одновременно с интерпретантой и с «первичным объектом», то есть активизированным референтом [8, с.153]. Аппозитивность – это отношение характеристики, связанное

с квантификацией, поэтому, в отличие от рестрикции, комплемент с элементом характеристики может участвовать в изменении именной группы [3, с.14]. Экспликативность можно отнести к особому типу аппозитивности, когда идентифицирующая часть несет металингвистическую функцию. Следует заметить, что термины «экспликация» и «экспликативность» не тождественны и различаются по объему значения. Так, термин «экспликация» является более широким, в то время как «экспликативность» обозначает один их аспектов экспликации, а именно - функциональный аспект.

Некоторые комплементы и производные от номинативной группы могут быть подчинены вершине, другие сохраняют автономность, что означает введение ими в референцию элемента непрозрачности. Если ограниченность является проявлением «опрозрачивания» референции, то в основе аппозитивности лежит простая аккумуляция знаний реципиента о референте, который не нуждается в идентификации.

С точки зрения синтаксической репрезентации следует сказать, что согласованные (сложноподчиненные) предложения идентификационного типа в своем большинстве имеют, помимо спецификатора и именной группы, еще и личную группу глагола. Синтаксическое согласование происходит на основании производности придаточного от финитной группы главного предложения. Придаточное входит в личную группу главной клаузы как комплемент к вершине. Рестрикция может быть как выведена за пределы придаточного предложения, так и непосредственно включаться в идентификационную клаузу.

Выделяя два пропозициональных компонента, фактический (собственно пропозициональный) и ограничительный, необходимо сделать вывод о том, что квантор остается вне фактического компонента, но играет роль при наличии презумпции существования других референтов, входящих в то же множество, что и активизируемый референт, то есть в случае употребления партитивного квантора.

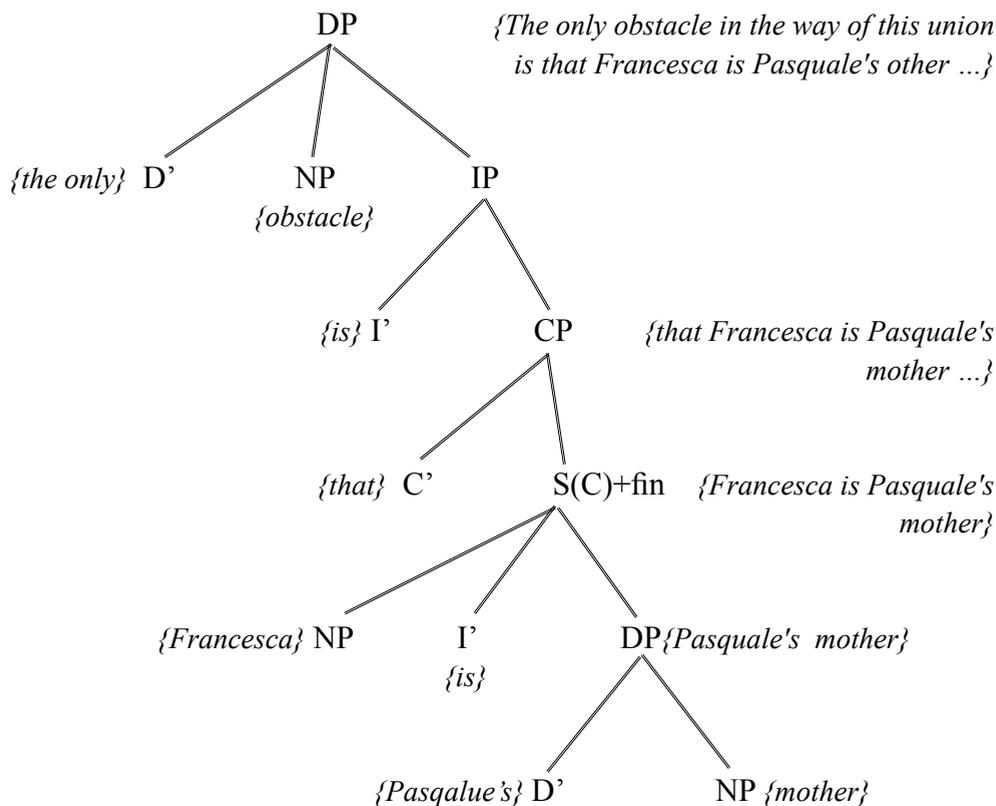
Следующий пример иллюстрирует первый случай рестриктивности через спецификатор, а точнее, через лимитирующий квантор:

The only obstacle in the way of this union is that Francesca is Pasquale's mother ...

(Т. Pynchon. Crying of Lot 49»)

Единственной преградой на пути этого объединения было то, что Франческа - мать Паскаль.

Рассмотрим подробную синтаксическую схему вышеприведенного предложения:

(доп. обозначения: S (C)+fin – группа синтаксически зависимого предложения, входящего во вспомогательную клаузу и включающую глагол в личной форме)

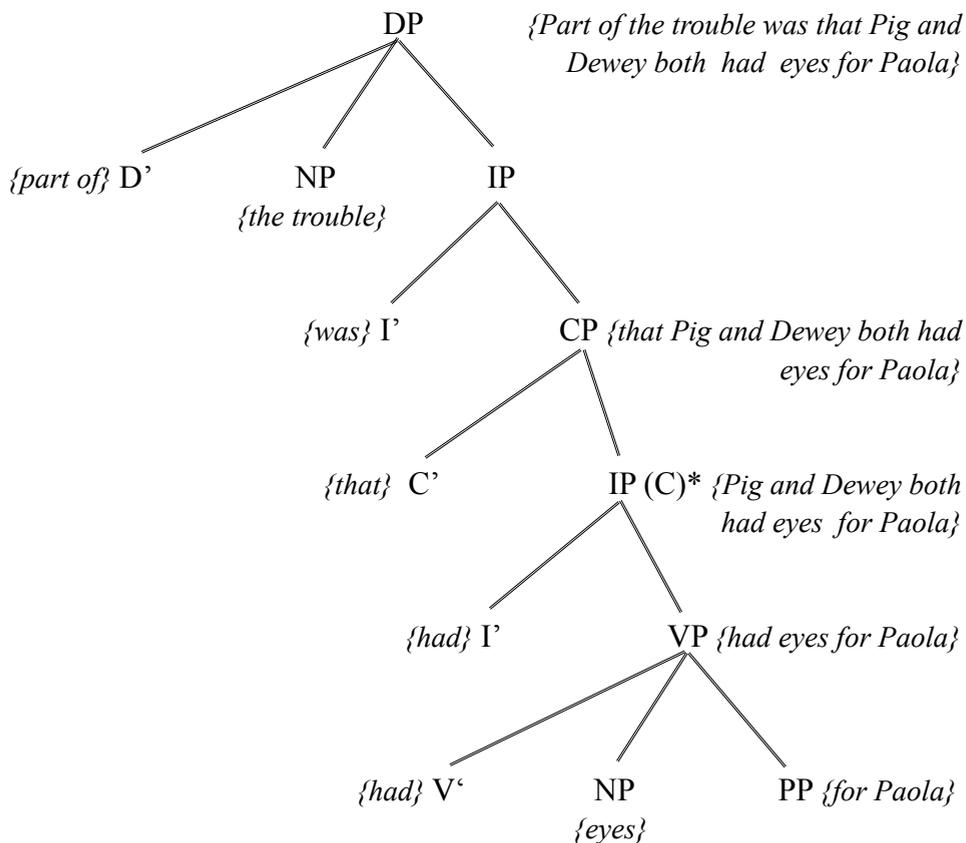
Экспликация в данном примере осуществляется через полноценную пропозицию неактантного (реляционного типа). Как видно из синтаксической репрезентации, придаточное является производным от личной группы главного предложения. Группа придаточного (Clause Phrase) включает, помимо функциональной вершины-комплементатора, компонент S, позволяющий говорить об этом компоненте как о законченном, но не самостоятельном предложении, синтаксически зависимом от главной клаузы. Компонент S, как известно, можно разложить на VP и NP, представление которых здесь соответствует современным стандартам, о которых шла речь выше. Необходимо отметить, что вершиной является личная форма, отсюда и индекс группы S придаточного предложения - S(C) + fin.

В следующем случае в роли определителя выступает партитив (*part of*) наряду с функциональным ядром – определенным артиклем:

Part of the trouble was that Pig and Dewey both had eyes for Paola.

(Т. Pynchon. «V»).

Часть проблемы заключалась в том, что Пиг и Дьюи оба положили глаз на Паолу.

(доп. обозначения: IP (C.) – глагольная группа придаточного).

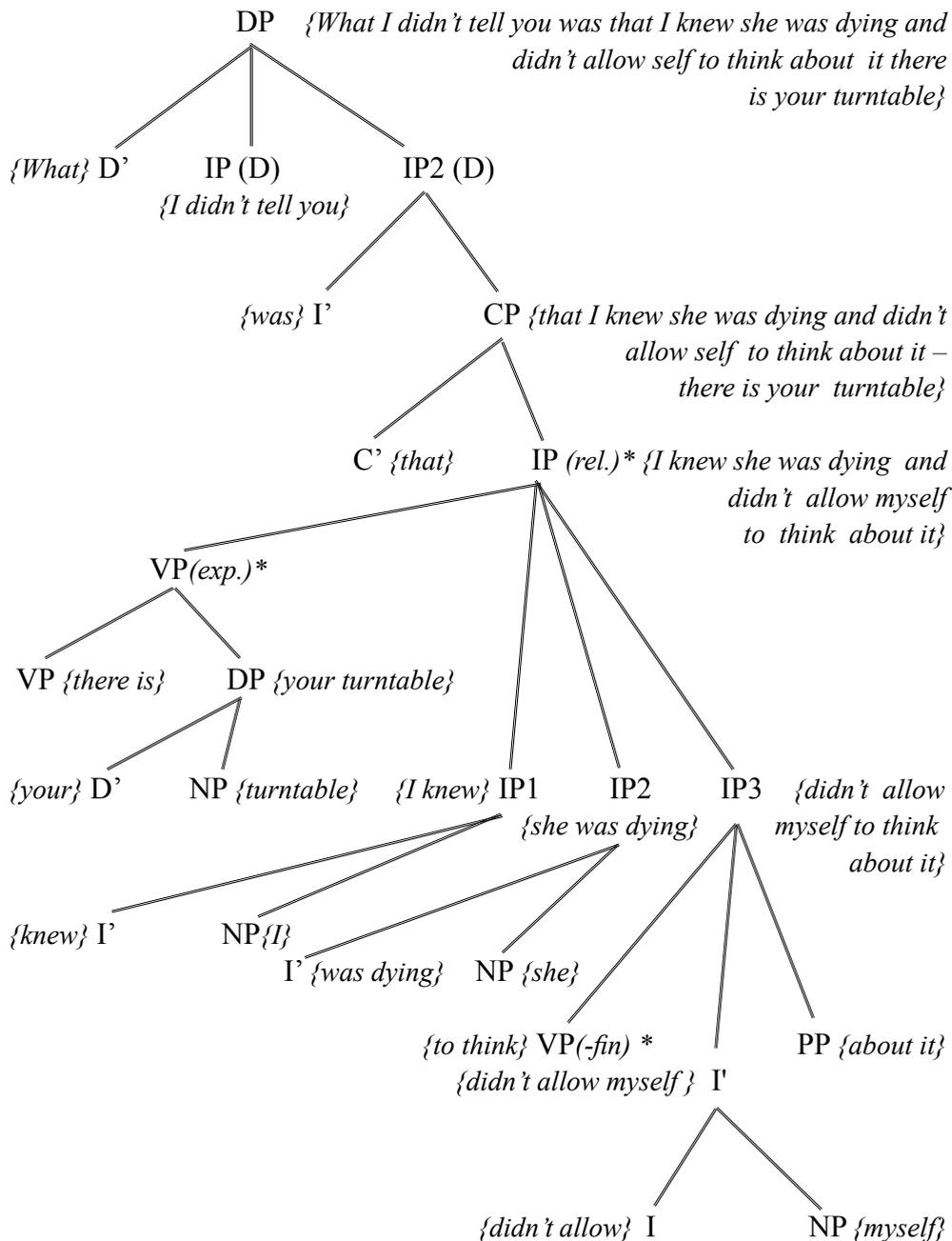
Идентификационная часть предложения, выраженная в придаточной клаузе, является пропозицией актантного типа, хотя актантность не означает в данном случае агентивность, так как субъекты ситуации являются в большей степени экспериенцерами.

Ограничительные придаточные и придаточные характеристики следует противопоставить относительным придаточным. Относительные придаточные является более сложным явлением синтаксической репрезентации. Рассмотрим следующий пример:

«What I didn't tell you was that I knew she was dying and didn't allow myself to think about it— there's your turntable».

S. Bellow. (Something to remember me by).

Что я тебе не сказал, это то, что я знал, что она умирает, и не позволил себе думать об этом – это был поворотный круг.

(* - Доп. обозначения: VP (exp.) – глагольная группа с вершиной-эксплетивом; IP (rel.) – финитная глагольная группа относительного придаточного; VP (-fin.) – группа инфинитива).

Следует отметить, что категория определенности для сложноподчиненных предложений с относительными придаточными связана непосредственно с вложением пропозиций как в структуру проекции D', так и в структуру личной группы относительного придаточного. Именно группа личного глагола, а не именная группа в вышеуказанном примере будет входить в группу проекции определителя (DP) наряду с определителем. Лексическая вершина группы DP, которой в данном примере является определитель-вопросительное слово так называемой wh-группы (*what*), совпадает с союзом-комплементатором, образуя своего рода рефлексивную тавтологию. Тожество в данном случае устанавливается между двумя финитными глагольными группами – IP (D) и IP (C), которые соотносятся как две упоминавшиеся ранее сферы «смыслового значения» и «значения обозначения». Вторая, метатекстовая сфера, в данном случае будет выражена через группу IP (D), в то время как непосредственно ассертивной составляющей («смысловое значение») является IP (C).

Следует сделать вывод о том, что существует два критерия выделения ограничительных и характеризующих сложноподчиненных предложений определительного типа: синтаксический и семантический. Согласно структурному критерию основой для разделения служит тип спецификатора, который в зависимости от сочетания с именной группой порождает отношение ограничительного и профиля характеристики. В предложениях ограничительного типа идентифицируемая часть ставится в зависимость от спецификатора. Согласно второму, семантическому критерию, самой значимой языковой единицей является именная группа. В предложениях характеризующего типа роль спецификаторов сводится к минимуму. Идентификационные предложения относительного типа, стоящие особняком среди других разновидностей сложноподчиненных предложений идентификационного типа, отличаются наличием вопросительного слова в ассертивном контексте в качестве спецификатора. Вопросительное слово в сложноподчиненных предложениях изъянтельного типа с относительным придаточным служит для введения метатекстовой информации главного предложения.

В заключение необходимо подчеркнуть, что вопрос о соотношении ограничительности и характеристики имеет широкие сферы применения с точки зрения трансформационного подхода, который необходим для разделения глубинной структуры на составные части. Так, например, пропозициональный компонент глубинной структуры предложения характеристики основывается на презумпции единственности, в то время как рестриктивная структура обусловлена ее отсутствием. Таким образом, изучение данного вопроса имеет перспективы для развития синкретического подхода, объединяющего и синтезирующего несколько областей лингвистического знания: представления о семантике и синтаксисе, выступающие как единое целое, – с одной стороны, и представления о лингвопрагматике – с другой.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса: Материалы к трансформационной грамматике русского языка. 3-е изд. - М.: Либроком, 2009. - 296 с.
2. Black, Cheryl A. A step by step-by-step introduction to the Government and Binding theory of syntax. <http://www.sil.org/americas/mexico/ling/E002-IntroGB.pdf>. Summer Institute of Linguistics. – SIL – Mexico branch and University of North Dakota, 1999. – 76 p.
3. Исакадзе Н.В. Отражение морфологии и референциальной семантики именной группы в формальном синтаксисе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М. : 1998. – 148 с.
4. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. – М. : «Просвещение», 1966. – 305 с.
5. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста : учеб. пособие. - 4-е изд. – М. : «Флинта» : «Наука», 2009. – 520 с.
6. Изворска Р. Формальная семантика // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. – М. : «Эдиториал УРСС», 2002. – с. 207 - 230.
7. Лебедев М.В. Стабильность языкового значения. – М. : «Эдиториал УРСС», 1998. – 168 с.
8. Пирс Ч.С. Из работы «Элементы логики». «Grammatica Speculativa» // Семиотика. – М. : «Радуга», 1983. – с. 151 - 211.

УДК 821.161.1

180-летию со дня рождения посвящается

ЙЫРЧИ КАЗАК – ПОЭТ-ГУМАНИСТ И ДЕМОКРАТ

Шабаета Л. А.

**JYRCHI THE COSSACK - THE POET-HUMANIST
AND THE DEMOCRAT**

Shabaeva L. A.

В юбилейной статье рассматривается жизненный и творческий путь первого кумыкского поэта Нового времени Йырчи Казака. В ходе исследования были сделаны следующие выводы: Йырчи Казак – поэт-гуманист, провозглашающий общечеловеческие ценности, пронизанные идеями добра, милосердия и любви к человеку; поэт-демократ, отстаивающий интересы народа в борьбе с деспотизмом.

In article it is traced vital and a career known cumicskii the poet, the first cumicskii poet of New time of Jyrchi of the Cossack. During research following conclusions have been drawn: Jyrchi the Cossack - the poet-humanist defending universal values, penetrated by ideas of good, mercy and love to the simple person; Jyrchi the Cossack - the poet-democrat defending interests of the working people in struggle against feudal despotism and colonial oppression.

Ключевые слова: певец, поэт-гуманист, поэт-демократ, Новое время, кумыкская литература, общечеловеческие ценности.

Keywords: the singer, the poet-humanist, the poet-democrat, New time, the cumic literature, universal values.

Статья посвящается 180-летию со дня рождения классика кумыкской литературы, первого кумыкского поэта Нового времени Йырчи Казака, сыгравшего большую роль в становлении и развитии национальной культуры и литературы. Йырчи Казак, живший в середине XIX века, оказывал и оказывает огромное влияние на развитие всей кумыкской литературы.

Поэтическое творчество Й. Казака пронизано глубокой любовью к народу, его культуре, нелёгкой истории, полной драматических событий, верой в конечное торжество добра и милосердия в этом мире. наших современников волнует его трагическая судьба и его неподражаемая поэзия. Исследователи разных времен давали самые высокие оценки поэзии Й. Казака. Еще до революции выдающийся поэт, просветитель и книгоиздатель Абусупьян Акаев (Арсланбеков) сравнивал Й. Казака

со знаменитым доисламским арабским поэтом Имруль Кайсом [1, с.94]. В 20-е годы прошлого столетия известный тюрколог и исследователь проблем кумыкского языка и литературы профессор Бонат Бекир Чобанзаде считал, что по силе дарования Й. Казак нисколько не уступает знаменитому туркменскому поэту Махтумкули, а Эффенди Капиев называл Й. Казака «гениальным поэтом» [2, с.8].

Точные даты рождения и смерти поэта не известны (предположительно, 1830-1879 годы) [3, с.30]. Считается, что Йырчи Казак родился в 1830 году в селении Муслимаул Темир-Хан-Шурина (ныне – селение Атланаул Буйнакского района) в семье свободного крестьянина-уздена Татархана. Псевдоним Йырчи, что означает певец, был присвоен ему народом за высокое поэтическое и исполнительское мастерство. Казак получил для своего времени достаточно хорошее образование. Имеются сведения о том, что Й. Казак учился у муллы сначала в родном селении, а потом в аулах Нижний Дженгутай, Нижнее Казанище. Вероятно, уже тогда он приобщился к тюркскому и арабскому литературным языкам, поэзии мусульманского Востока. Обучение Й. Казаку пришлось прервать из-за необходимости пойти на заработки. Он начинает сочинять песни, исполняя их под аккомпанемент агачкомуза – народного музыкального инструмента, - становясь всё более и более популярным и любимым в народе [4, с.130].

Поэт обращается к изображению тяжелой жизни крестьян. Основным содержанием поэзии Й. Казака становится многострадальная жизнь народа, стонущего под гнетом местных феодалов и царских колониальных властей [4, с.139]. Всем своим творчеством Й. Казак утверждает идею достоинства самоценной человеческой личности. Об этом свидетельствует цикл его стихотворений о мужестве и мужчинах: «Мужчиной быть - не значит им назваться», «Нужен мужчина», «С батыром дружи» и др. Выросший в узденской семье свободолюбивый поэт, воспевавший любовь, братство не мог равнодушно относиться к страданиям близких ему людей. Ради счастья своего друга Атабая и его возлюбленной - рабыни шамхала - он пожертвовал личной свободой и благополучием. За похищение рабыни из дворца шамхала поэт и его друг были осуждены военно-полевым судом на каторжные работы, а рабыня была возвращена во дворец Абумуслима [3, с.32]. В Сибири на долю Й. Казака выпали огромные нравственные и физические испытания. О них он писал в каждом поэтическом письме-послании. В сибирских стихотворениях («Осень голубая, как марал») поэт говорит о «кривде Аллаха», в связи с тем, что с ним и его другом власти и господства поступили несправедливо.

Уже в Сибири Й. Казак преодолел грань между певцом-импровизатором и поэтом, там ему чаще приходилось вести запись стихов, и тогда же он приобщился к русскому языку.

В Сибири Й. Казак убедился, что произвол и насилие царят везде. В произведениях сибирского периода воспроизведена суровая правда жизни, типичные картины унижения и оскорбления человеческого достоинства. Стихи И. Казака были пронизаны большим состраданием к каторжникам и ненавистью к их угнетателям. Опальный поэт постоянно думал о доме, где, как он пишет, князья «сидят на шее народа» и правят им, как хотят, где князья «узденей (свободных крестьян) превратили в черных рабов». Как и великих русских литераторов М.Ю. Лермонтова и Н.Г. Чернышевского, так и Й. Казака оскорбляло рабское положение народа. Родина для него была «алмазной горой» и «золотым тронем», находящимся в невообразимой дали. Даже в тех невыносимых условиях поэт надеялся не только на свое возвращение на родину, но и на то, что его Отечество когда-нибудь расцветет, освободившись от власти зла и на-силия.

Возвращение на родину, однако, не принесло И. Казаку радости. Поэту не разрешили жить в Темир-Хан-Шуринском округе. Он вынужден был поселиться за Сулаком, в ауле Ботаюрт Хасавюртовского округа, относившимся в те времена к Терской области. Крушение прежних моральных ценностей потрясло его. Стычки Й. Казака с феодалами не прекращались и в Ботаюрте, где он прожил последние двадцать лет своей жизни. Поэт был верен своим свободолюбивым идеалам, ни за что не желал подчиняться воле местных князей. Были случаи, когда его сажали в зиндан. Казак с помощью друзей бежал в селение Аксай. Известный поэт М.-Э. Османов не раз заступался за него и спасал. [7, с.25].

Поэту не суждено было дожить до старости. Й. Казак был тайно убит наемниками, подосланными князьями. Он пал от рук сильных мира сего за свое неистребимое стремление к свободе, к свету, к правде. Некоторые деятели литературы высказывали мысли о том, что Й. Казак был простым крестьянским поэтом, не очень - то разбирающимся в проблемах своей эпохи. Это абсолютно не соответствует действительности. Все творчество Й. Казака(а особенно панегирики, эпитафии и инвективы) посвящено таким видным общественно-политическим, хозяйственным и просвещенным деятелям, как шамхал Абумуслим, имам Шамиль, кадий царской конвойной роты Умар Эфенди Османов, М.-Э. Османов, Шихмурза Аджаматов, что свидетельствуют о том, что поэт великолепно чувствовал пульс эпохи [5, с.66].

Й. Казак заложил романтические и реалистические основы кумыкской литературы, раскрыл основные противоречия эпохи, внутренний мир современника, диалектику души человека, рвущегося к свободе [5, с.69]. Автор создавал свои произведения не на арабском языке и «тюрки», а на живом разговорном языке народа и заложил основы литературного языка. Творчество Й. Казака имело евразийский резонанс, так как ещё со второй половины XIX века его произведения в оригинале и в переводах издавались в Стамбуле, Петербурге, Темир-Хан-Шуре, Будапеште, Баку, Махачкале, Анкаре. Йырчи Казак даже спустя 180 лет остаётся непревзойдённой вершиной кумыкской поэзии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абдуллатипов А.-К. Ю. История кумыкской литературы (до 1917 года). Махачкала, 1995.
2. Абдуллатипов А.-К. Ю. Свободы пламенный певец // Ирчи Казак (сборник произведений И.Казака). Махачкала, 1988.
3. Мусаханова Г. Б. Очерки дореволюционной кумыкской литературы. Махачкала. 1959.
4. Султанов К.Д. Певцы разных народов. Махачкала, 1959.
5. Формирование исторических форм реализма в кумыкской литературе 19 века. Махачкала, 1981.
6. Абдуллатипов А.-К.Ю. Дорогой свободы и гуманизма // Ирчи Казак (сборник стихов И.Казака). Махачкала, 2001.
7. Акавов З.Н. Биринчилер. Первые. Махачкала, 1987.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 215

ХОЛИСТИЧЕСКАЯ ВЕРСИЯ СООТНОШЕНИЯ ВЕРЫ И РАЗУМА В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

Воденко К.В.

HOLISTIC VERSION OF RELATIONSHIP BETWEEN FAITH AND REASON IN RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY

Vodenko K. V.

В статье реконструируется концепция цельного мировоззрения в русской религиозной философии как альтернатива жесткому противопоставлению науки и религии. В качестве основы этой концепции анализируются идеи славянофилов (И. Киреевски и А. Хомяков и др.). Автор доказывает, что идея цельного

мировоззрения в философии всеединства (В. Соловьев и др.) концептуального продолжения не получила.

The article reconstructs the concept of whole world in Russian religious philosophy as an alternative to the hard opposition of science and religion. The base of this concept is analyses by of slavanophil's ideas (I. Kireyevsky, A. Homaykov etc). The paper shows that the idea of whole world in the philosophy of unity (V. Solovyev etc), a conceptual extension is not received.

Ключевые слова: Философия, религия, наука, вера, разум.

Keywords: philosophy, religion, science, faith, reason.

Русская религиозная философия (в силу своей самобытности) выработала особые подходы к решению проблемы соотношения веры и разума, религии и науки. Как альтернатива дуалистическому пониманию соотношения науки и религии в русской культуре рождается холистическая концепция, в которой наука сплетена с другими формами познавательной активности, такими, как философия и религия, синтезирующимися в цельное мировоззрение. Противостояние науки и религии, веры и разума стало возможным в силу того, что дискурсивный разум, оторванный от духовной основы, убежден в своей способности возвыситься над религией и обосновать ее существование в интеллектуальных границах (И. Кант). Однако он не в состоянии постичь до конца внутреннюю сущность явлений, ответить на предельные вопросы, что подразумевает способность к созерцанию, которое можно трактовать как веру.

В новоевропейской философии тема специфики научного разума становится одной из главных. Б. Паскаль обращал внимание на познавательную функцию органов чувств («разум сердца»), западноевропейской гносеологии вплоть до конца XIX в. (основная линия) - на рациональную сторону процесса познания. Начатая в русской духовно-академической философии (Ф. Голубинский, В. Кудрявцева-Платонов, В. Карпов, Ф. Сидонский, В. Несмелов, П. Юркевич и др.) линия критики западноевропейского рационализма была продолжена славянофилами (И. Киреевский, А. Хомяков и др.), которые ввели термин «цельное знание», противопоставляя свое понимание человеческого разума западноевропейской философии. Несмотря на многочисленность и разнообразие философских систем новоевропейской культуры, их общей характеристикой была экспликация разума как самодостаточной познавательной способности. Именно против этого выступали славянофилы.

И.Киреевский решительно протестовал против ценности европейского способа мышления, аргументируя это отступлениями Запада от истинного вероучения. В западноевропейской (в первую очередь, богословской), а затем и философской традициях произошло разграничение познания, основанного на Божественном Откровении, и познания, основанного на логическом мышлении. В X-XII вв. дисциплинарно расходятся теология и философия, а в XIII - XIV вв. формируется идея о двух истинах (истины веры, которые принимаются без доказательства и обосновываются ссылками на Священное Писание, и истины разума, которые требуют доказательств). В результате возникла возможность оправдания самодостаточности и автономности человеческого разума.

Формирование идей о приоритете автономного разума по отношению к другим человеческим способностям, его независимости по отношению к вере, согласно И.Киреевскому, связано с тем, что на Западе появились противоречия в самом вероучении, ярко выраженные в католицизме и протестантизме. По словам мыслителя, там, где вероучение изменяется и отклоняется от первоначального, оно «не может не явиться противоречием веры» [5, с.217]. Изменения в христианском вероучении связываются И. Киреевским с отходом западной церкви, откуда и появилось «первое раздвоение в самом основном начале западного вероучения, из которого развивалась первая схоластическая философия внутри веры, потом реформация в вере и, наконец, философия вне веры» [5, с.218].

Тенденция автономизации рациональности воплотилась в схоластической теории «двойной истины», что окончательно разграничило веру и разум. Появились схоластика, католицизм, протестантизм. Под влиянием католицизма процветала логическая рассудочность, которая действовала «отрывочно», так как ее деятельность разрушалась под воздействием «внешнего авторитета» папы. Протестантизм привел к тому, что «эта рассудочность достигла полного развития в своей отделенности» и стала называться разумом [5, с.245]. Из обозначенных истоков возникает философский рационализм, который не стремится к Истине, данной в Божественном Откровении и Священном Предании, а пытается найти ее путем логически-дискурсивного рассуждения. Зародившись в протестантизме, который был логическим продолжением католицизма, рационалистическая философия пропитала всю образованность Европы и заменила веру торжеством разума.

Рационализация веры стала предметом критики славянофилов.

Критика И. Киреевским западноевропейского рационализма имеет несколько направлений [5, с.186, 209, 248]: противопоставление восточного и западного способов философско-богословского мышления; торжество формального разума над Священным Преданием»; раздвоение в европейской культуре(рационализм, зародившийся в западном христианстве, лишает целостности как все сферы бытия западного человека, так и общества. В русской культуре, согласно И. Киреевскому, доминирует противоположная тенденция, сущность которой есть «стремление к цельности бытия внутреннего и внешнего, общественного и частного, умозрительного и житейского, искусственного и нравственного» [5, с.209]. Поэтому и разум может быть возвышен только через воссоединение его целостности.

Главное отличие восточно-православного мышления от западноевропейского И.Киреевский видел в том, что оно стремится поднять разум «выше своего обыкновенного уровня». Для такого возвышения разума надо «собрать в одну неделимую цельность все свои отдельные силы». Разум не должен признавать «своей отвлеченной логической способности за единственный орган разума истины» [5, с.248-249]. Этим особым внутренним источником познания является вера, которая способствует тому, чтобы разум обрел целостность через восстановление целостности всего человека.

С учением о цельности духа связаны гносеологические построения И. Киреевского. В основу гносеологической концепции он положил учение Исаака Сирина о трёх чинах разума (естественный разум, духовный разум, сверхъестественный разум), что позволяет рассматривать познание как трёхступенчатый процесс [4]. Разум первого чина соответствует автономному, секуляризированному знанию и занят исключительно помыслами мира сего, противостоит вере и ориентирован только на свои собственные законы. Отличительной чертой разума первого чина является его телесность и утилитарность. Второй чин разума именуется душевным и служит различным добродетелям. К этому чину разума относится православное мышление. Третий чин разума представляет собой полное отречение от мира и переход к заботам о мире духовном, где вера поглощает разум.

Согласно И. Киреевскому, характер философии зависит от «характера господствующей веры. Где она и не происходит от нее непосредственно, где даже является ее противоречием, философия все-таки рождается из того особенного настроения разума, которое сообщено ему

особенным характером веры» [5, с.245]. Поэтому истинная философия должна быть философией «верующего» и «цельного» разума.

Славянофильская философская традиция изначально ориентировалась на критику западной схоластики и полагала, что католическая мысль Запада была воплощением отчужденного и овеществленного рассудка, в котором выразила себя рационализированная иерархия Церкви. И.В. Киреевский связал характеристику схоластической мудрости с особенностями католической церковной организации. С его точки зрения, логическим продолжением католицизма был протестантизм, который обусловил содержание всей новейшей европейской философии. Философский протестантизм явился бунтом индивидуального человеческого разума против власти абстрактно-всеобщей догмы, что привело к коренному изменению средневекового европейского мышления.

Именно И. Киреевскому принадлежит первая в истории русской философии законченная формулировка идеи «цельного разума», основанная не на провозглашении упразднения разума в пользу мистики и растворения его в чувстве, а на основе требования его возвышения. Разум может быть возвышен только через воссоединение всех духовных сил человека, так как человеческое разумение есть совокупный эффект единства логической способности, чувства, эстетического смысла и любви. При таком гармоническом соотношении веры, разума и чувства рационально-логическое мышление и человеческий рассудок занимают в человеческой душе свое естественное место и не посягают на чужие права. На этом основании И.В. Киреевский выдвигает положение, что научное познание не может быть чуждо вере.

Исходная точка рассуждений другого славянофила философа А.С. Хомякова является отправной точкой для всей русской религиозной философии, так как не допускает «гносеологического» обоснования (в смысле кантовской критической философии). Гносеологизм есть философия отвлеченного рассудка, а онтологизм есть философия «цельного разума». Дело в том, что русская религиозная мысль, начиная с отцов церкви, тяготела к онтологизму. Тот факт, что «существо православия есть онтологизм», признавал и П. Флоренский, считая, что его смысл кроется в признании реальности как данной от Бога [9, с.294].

Славянофил А. С. Хомяков понимал веру как особый уровень внутреннего совершенства и развития человека, так как недостижимость абсолютного знания является постоянным условием существования веры. Он был уверен, что всякая живая Истина, а тем более Истина бо-

жественная, не укладывается в прокрустово ложе логического постижения. Она является предметом веры как непосредственная данность, а не субъективная человеческая уверенность. Вера, согласно А.С. Хомякову, не противоречит рассудку, а нуждается в дополнении разумом, так как цельность в мышлении возможна только в том случае, когда будет достигнуто сочетание веры и разума. Высшей точкой самосознания рационализма А. Хомяков считал немецкую классическую философию, появившуюся на почве индивидуализма новоевропейского протестантизма, сущность которого состоит в отрицании догмата веры. И. Кант, по мнению А. Хомякова, был «исключительно рационалистом» во всех своих дальнейших построениях, всю свою систему основывал он исключительно на логическом мышлении.

Свящ. П. Флоренский, соглашаясь с А. Хомяковым утверждал, что немецкая классическая философия связана с протестантизмом. Он отмечал, что в основе последнего «как главного выразителя культуры Нового времени лежит гуманизм, человекоутверждение, человекобожие, – или по терминологии, заимствованной из философии, – имманентизм, т. е. замысел человечества из себя, вне и помимо Бога воссоздать из ничего всякую реальность и, в особенности, реальность святыни, – воссоздать во всех смыслах, начиная от построения понятий и кончая духовной реальностью» [9, с.294]. Истоки новоевропейского протестантского рационализма А. Хомяков, как и И. Киреевский, видел в католицизме. Именно в католическо-западной версии христианства «закон чисто внешний, и, следовательно, рассудочный, заступил место закона нравственного и живого, который один не боится рационализма, ибо объемлет не только разум человека, но и все его существо» [11, с.77]. Критикуя новоевропейскую рационалистическую гносеологию, А. Хомяков наметил основы новой концепции познания, основанной на принципах восточного христианства и соборности, которая имеет конкретно-опытный характер. Существо соборности А. Хомяков определил как «единство свободное и органическое, живое начало которого есть Божественная благодать взаимной любви». Разум может жить восприятием явления в вере, которая есть живое и безусловное знание, «зрячесть разума», а «разумность Церкви является высшей возможностью разумности человеческой» [11, с.77].

Отмечая специфику православной гносеологии, намеченной А. Хомяковым, другой славянофил Ю. Самарин писал, что у А. Хомякова «мы видим Церковь, живой организм истины, вверенной взаимной люб-

ви, а вне Церкви - логическое знание, отрешенное от нравственного начала, то есть рационализм, в двух моментах его развития, а именно: рас-судка, хватающегося за призрак истины и отдающего свободу в рабство внешнему авторитету, — это латинство, и рассудка, доискивающегося самодельной истины и приносящего единство в жертву субъективной искренности, — это протестантство» [11, с.29]. На место католицизма и протестантизма А. Хомяков одним из первых поставил рационализм и указал на опыт Церкви как на единственную почву, на которой возможна борьба с ним. А. Хомяков, как считал Ю. Самарин, открыл «новую эру в истории православной школы», подготовив будущую ее победу над современным рационализмом» [11, с.34].

Славянофилы (вслед за представителями духовно-академической философии) поставили перед русским сознанием задачу преодоления абстрактной рационалистической мысли. Они вскрыли истоки рационализма и показали путь перехода к конкретности познания, т.е. познания не только разумом, но и сердцем, волей, верой. Представителями русской религиозной философии разрабатывалась идея о мирном и взаимодополнительном существовании веры и разума. Главенствующая роль веры во взглядах славянофилов (И.В. Киреевский, А.С. Хомяков) соотносится с общими принципами данного философского течения, в рамках которого подчёркивается самобытность русского народа, имеющего свой путь развития. Для славянофилов характерно понимание веры как основного источника познания, а также необходимость включения ее в философию.

Опираясь на теоретико-методологическую традицию, заложенную И. Киреевским и А. Хомяковым, другой русский религиозный мыслитель С.Н. Трубецкой продолжил исследование протестантских корней субъективизма новоевропейской философии. При всех различиях направлений новоевропейской философии (эмпиризм, идеализма и др.) С.Н. Трубецкой обнаруживает их общее начало, коренящееся в субъективизме, обусловленном общим для них протестантским мировоззрением, абсолютизовавшим субъективную основу человека [8, с.128].

Идея о приоритетном положении веры в жизни как отдельного человека, так и общества(в целом) находят своё отражение в концепциях отечественных религиозных философов конца XIX – начала XX вв. Главное противоречие европейской культуры – противоречие между единичным и всеобщим – воспроизводило себя на протяжении всей истории в структуре взаимоотношений между свободной волей индивида и боже-

ственной волей. В русской религиозной философии это противоречие было теолого-метафизически окрашено и требовало переосмысления свободы, преобразования разума [6, с.56-57]. Иными словами, речь шла о реформировании рациональности. Наметились два пути разрешения этого противостояния. Философия всеединства (В. Соловьев) звала разум к преображению, соединению с нравственностью, возможному, если разум и нравственность одухотворены верой. «Реформистское направление русской религиозной мысли (Н. Бердяев, Л. Шестов, Д. Мережковский и др.) призывали разум и нравственность подчиниться экзистенциально окрашенной вере и установить ей место в духовной жизни человека. Таким образом, средневековая проблема соотношения веры и разума на рубеже XIX и XX вв. вновь вышла на первый план в русской философской мысли. Итак, в попытках отстоять особый эпистемологический статус веры русские мыслители развивали холистическую эпистемологию, разрабатывали идею единства веры и знания.

Славянофильская критика западноевропейского рационализма была продолжена В. Соловьевым, Н. Бердяевым, Л. Карсавиным, П. Флоренским, С. Франком, Б. Эрном и др. Концепция «цельного знания» становится основной идеей метафизики всеединства, являющейся одним из основных течений в русской религиозной философии конца XIX - начала XX вв. В рамках этой религиозно-философской концепции природа мыслится как непрерывная цепь взаимосвязанных явлений и процессов, а человечество провозглашается единым организмом, движущимся к общей цели; Бог является началом и конечной целью существования природы и человека. Совершенным знанием в этой концепции считается синтез истины, добра и красоты, а совершенным способом познания данная концепция объявляет гармоничный синтез науки, искусства и религии.

В работах В.С. Соловьева аргументировать гносеологическую недостаточность отдельных познавательных начал, стремление сформулировать идею «цельного знания», которому чужда теоретическая нагруженность, для которого характерно единство теоретической, нравственной и художественной составляющей. Так как невозможно разделение человеческого духа на волю, разум, чувство, то и не может быть отвлеченно-научного знания, которое всегда будет «выдумкой, субъективным призраком» [7, с.229]. В своих философско-религиозных построениях автор стремился доказать несостоятельность всей новоевропейской гносеологии и показать, что развитие человеческого мышления

В Новое время приводит к тому, что свойственный гносеологии дуализм разума и веры сменяется дуализмом разума и природы, именно поэтому рационализм немецкой философии неизбежно ведет к появлению материализма.

В. Соловьев, стремясь преодолеть секуляризм и рационализм новоевропейской философии, не желал возвращаться к «историческому христианству», а хотел синтезировать современную науку, философию и религию. Его целью было «ввести вечное содержание христианства в новую соответствующую ему, т. е. разумную безусловную форму». По замечанию современной исследовательницы П. Гайденко, мыслитель сознательно отверг христианский догмат о творении, подменяя христианский теизм пантеизмом [3, с.46-53]. У славянофилов мы видим безусловный отказ от рационализма в философии и культуре, а у В.Соловьева имеет место попытка соединения мистицизма и рационализма, последний рассматривался как возможный путь к религии. Еще прот. Г. Флоровский писал о том, что концепция «цельного знания» В. Соловьева исходит из примата религии над философией и наукой, однако, «христианские истины», утверждаемые В. Соловьевым, значительно отличаются не только от основных положений славянофильства, но и от православной догматики [10, с. 308-321, 462-468.].

Выделяя три вида знания: опытное, умоизрядное и мистическое (соответствующие научному, философскому и богословскому), В. Соловьев считал, что в органическом единстве они составляют «цельное знание». В каждом из них он находил необходимые элементы: веру, воображение, творчество. При этом В. Соловьев не разграничивает такие понятия, как «вера», «мистическое знание», «убежденность», но проводит определенную параллель между «цельным знанием» и синтетическим актом веры, воображения, творчества и «частным» знанием. В их единстве он усматривал «некоторое основание» для синтеза «цельного знания». Отсюда имеющее место в его трудах разграничение веры-знания и веры-уверенности [1, с.94].

Однако отметим то, что, В. Соловьев декларируя «преодоление отвлеченных начал» Запада, в своей собственной системе, как указывает современный исследователь С. Хоружий, придерживался традиционного русла западной рационалистической спекулятивной метафизики, базуюсь на тех же самых отвлеченных началах. Именно поэтому философская интуиция славянофилов была ближе В. Соловьева к преодолению «отвлеченного рации» [12, с.26].

Критика рациональных оснований науки была продолжена и другими мыслителями. Русский религиозный мыслитель и священник С. Булгаков свое резко отрицательное отношение к науке выразил так: «Наука творит заведомое мироубийство и природоубийство, она изучает труп природы...» [2, с.199]. Он считает, что истоки науки следует искать в человеке: «Проблема науки приводит к загадке о человеке, науко-словие становится отделом философской антропологии» [2, с.182], «чтобы понять науку, надо обратиться к пониманию человека. Не наука объясняет в себе человека, но человек объясняет собой науку. Философия науки есть отдел философской антропологии» [2, с.188].

Смысл этого высказывания состоит в следующем: человек перестал быть цельным, он разделил все свои способности (мышление, веру, волю, чувства и др.) и автономизировал их; наука создана человеком, абсолютизовавшим мышление, оторванное от веры. Отсюда и все характеристики науки («мироубийство», «природоубийство» и т.д.). По-видимому, С. Булгаков указывает на особые познавательные способности человека, превосходящие разум.

Эти способности можно было бы назвать верой, способностью «ясновидения поверх разумной данности или глубже ее» [2, с.210], а наличие ее указывает на идеальный организм мира (София). Таким образом, С. Булгаков дает собственную, оригинальную антропологическую интерпретацию цельного мировоззрения.

Русские религиозные мыслители как альтернативу противопоставлению веры и разума предлагали концепцию цельного мировоззрения («верующее мышление», цельность духа», «цельное знание»). Эта идея рождена в недрах русской духовно-академической философии, окончательно оформлена в славянофильской традиции (И. Киреевский, А. Хомяков), получила своеобразную интерпретацию в последующих философских концепциях (В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Булгаков, С. Франк и др.).

Русские мыслители, стремясь к цельному знанию, понимали необходимость дополнения рационального познания сверхрациональным (С. Булгаков и др.). Они считали, что скрытые глубины бытия не могут быть постигнуты только посредством понятийно-логического мышления, а обретение смысла бытия, по их мнению, может быть достигнуто через символ, интуицию, внутренний опыт, мистическое озарение.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акулинин В.Н. Философия всеединства: От В. С. Соловьева к П. А. Флоренскому. Новосибирск, 1990.
2. Булгаков С.Н. Философия хозяйства // Булгаков С.Н. Соч. в 2-х тт. Т.1. М., 1993.
3. Гайденок П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М., 2001.
4. Гвоздев А. Святоотеческие корни антропологии и гносеологии И.В. Киреевского//Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. - Сер.1. - 2006. - №15.
5. Киреевский И.В. Разум на пути к истине. М., 2002.
6. На пути к синтетическому единству европейской культуры. Философско-богословское наследие П.А.Флоренского и современность / Под ред. В.Н.Поруса. М., 2006.
7. Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. Т.2. М., 1988.
8. Трубецкой С.Н. О святой Софии. Премудрости Божией // Вопросы философии. 1995. № 9.
9. Флоренский П., свящ. Около Хомякова // Флоренский П., свящ. Соч. В 4-х тт. Т.2. М., 1994.
10. Флоровский Г, прот. Пути русского богословия. Париж, 1937. Репринт: Вильнюс, 1991.
11. Хомяков А.С. Сочинения богословские. СПб., 1995.
12. Хоружий С.С. После перерыва: пути русской философии. СПб., 1994.

УДК 006.2

ЗНАЧЕНИЕ СЕНСОРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Д.А. Джюева, О.Н. Камалова

MEANING OF SENSOR TECHNOLOGIES IN MAN'S VITAL ACTIVITY

Djioeva D.A., Kamalova O.N.

Внимание акцентируется на функциональном значении сенсорных технологий в жизнедеятельности человека, концептуально-методологических основах их исследования, адекватных современному информационному обществу. Показана высокая значимость применения сенсорных технологий в различных областях знания, обозначены позитивные и негативные стороны влияния этих

технологий на жизнь человека.

The article accentuates functional meaning of touch technologies for people, as well as their conceptual methodological research principals adequate for the modern information society. The author underlines the importance of using touch technologies in different fields of knowledge, defines advantages and disadvantages of their influence upon a person's life.

Ключевые слова: технологии, сенсорные технологии, сенсорные системы.

Keywords: technologies, touch technologies, touch systems.

В начале XXI века происходит значительное развитие таких новейших технологий, как генноинженерные, нанотехнологии, виртуальные компьютерные, телекоммуникационные и другие технологии, которые оказывают существенное воздействие на жизнедеятельность современного человека, меняя формы коммуникации, трансформируя психику человека, его образ жизни. Это вызывает необходимость в философском анализе значения новейших технологий в информационном обществе, переосмыслении старых и введения новых концептуальных подходов исследования.

В отечественной философии науки и техники имеются подходы к пониманию сущности технологии, связанной с природой техники. Согласно В.М. Розину, в понятии «технология» имеется как минимум три существенных оттенка: «В современном понимании технология – это область целенаправленных усилий человека и общества, направленных на создание новшеств (артефактов). В качестве новшеств могут выступать самые разнообразные «изделия»: машины, продукты потребления, техническая среда, даже новая технология... Далее технология все же как-то связана с техникой (второй смысл) и, кроме того, не просто с техникой, а с цивилизационными завоеваниями (третий смысл), которыми мы обязаны естественным и техническим наукам, самой технике и техническим изобретениям. Когда мы сегодня, например, говорим о компьютерной и информационной технологии, то имеем в виду те новые возможности и даже целую научно-техническую революцию, которую эта технология несет с собой» [1, с.52]. Такой подход к пониманию сущности технологии вытекает из того гипотетического положения, согласно которому формируются управленческие сферы техники, исследуются ее функционирование и эволюция, прогнозируется научно-технический прогресс, разрабатывается научно-техническая политика, возникает от-

ветственность за понимание феномена технологии, дифференцируя и не редуцируя его к технике как виду человеческой деятельности.

Таким образом, понятие «технология» органически связано с возможностями целенаправленного повышения эффективности техники, а также получением новых эффектов труда благодаря новым формам организации и кооперации производственной и иных видов деятельности, возможностям концентрации ресурсов, культуры труда и т.д. «Постепенно под технологией стали подразумевать сложную реальность, которая в функциональном отношении обеспечивает те или иные цивилизационные завоевания (то есть являться механизмом новаций и развития), а по сути представляет собой сферу целенаправленных усилий (политики, управления, модернизации, интеллектуального и ресурсного обеспечения и т.д.), существенно детерминируемых, однако, рядом социокультурных факторов» [там же, с.53].

Иными словами, технология представляет собою одну из специализированных форм развития деятельности, направленную на повышение эффективности техники. Заслуживает внимания четкая дефиниция технологии, которая дана в современном философском словаре: технология «представляет собой сложную развивающуюся систему артефактов, производственных операций и процессов, ресурсных источников, подсистем социальных последствий информации, управления, финансирования и взаимодействия с другими технологиями» [2, с.566]. Развитие современной технологии осуществляется не изолированно, а как сумма или суперсистема отдельных технологий.

В последнее десятилетие бурное развитие получили сенсорные технологии. Сенсорные технологии – это технологии, которые ориентированы на создание аналитических устройств, благодаря которым можно получить информацию о свойствах различных сред (объектов) в форме электрического сигнала. В сенсорных технологиях наибольшее развитие получают аналитические устройства, которые используют в качестве селектирующего элемента биомакромолекулы – «биосенсоры». Этот селектирующий элемент способен выделять исследуемое вещество из хаоса и преобразовывать полученную информацию в электрический ответ, фиксируемый в цифровой или аналоговой форме. Впервые идею создания такого рода устройства высказали Л. Кларк и Л. Лионе в 1962 г. Они предложили использовать ферментный электрод, то есть электрохимический датчик с иммобилизованным на его поверхности ферментом.

В современной науке исследовано множество подобных систем и многие из них получили промышленную реализацию. Любой биосенсор

состоит из двух функциональных элементов: биодатчика, содержащего биоселектирующий материал, и физического преобразователя, трансформирующего любой получаемый сигнал в электрический. В роли биоселектирующего материала выступают ферменты, антитела, рецепторы, живая клетка. В качестве физических преобразователей выступают концентрированные ионы, масса, цвет и т.д.

Действительно, различные сенсорные технологии являются искусственными, которые в совокупности порождают сложную адаптивную реальность хамелеоноподобного типа, обеспечивающую цивилизационные завоевания в области жизнедеятельности организма человека. Различного рода сенсорные технологии нацелены на выход человека за рамки сенсорных возможностей, которые даны ему природой. Они, в зависимости от социокультурных условий, позволяют создавать искусственные рецепторные механизмы, чтобы детектировать не воспринимаемые естественными рецепторами вещества в окружающей среде. Та или иная сенсорная технология как бы вырезает из поля деятельности человека соответствующий контур, аспект, необходимые для определенного момента жизнедеятельности человека. Остальные контуры, аспекты окружающей действительности или организма человека выступают в качестве комлементарных. Иными словами, сенсорные технологии дают человеку возможность ориентироваться в переменной сложной реальности и представляют собой особую форму деятельности, эффективность которой прослеживается в двух планах: в биомедицинском, чтобы человек мог осуществлять нормально свою жизнедеятельность в сильно усложнившемся мире, и цивилизационном плане контроля и управления за развивающимся социумом и т.д.

Интерес к данной научной проблеме обусловил становление междисциплинарного научно-технологического направления под условным названием «сенсорная биология и новые сенсорные технологии». Задачи этого направления заключается в том, чтобы сравнить возможности сенсорных систем организмов и биосенсоров, установить, реально ли применение современных знаний о принципах организации и функционирования органов чувств для создания новых сенсорных технологий. С тех пор идет интенсивное исследование в рамках данного междисциплинарного направления, получен ряд значимых результатов, требующих не только естественнонаучного, но и философского осмысления [3].

В отечественной философии науки и техники сравнительно немного работ, в которых анализируется в философском плане значимость сенсорных технологий и систем в жизнедеятельности человека. В на-

стоящее время данная проблема может быть плодотворно рассмотрена на основе системного подхода, связанного с парадигмой синергетики, адекватной нелинейной, многомерной природе человека, и фрактальной картины мира. Эта картина мира описывает социоприродную систему, где нередуцируемыми оказываются неопределенность и нелинейность, где жизнедеятельность человека как субъекта общественных процессов зависит от ценностных оснований взаимодействия его со сложной реальностью техногенной цивилизации [4]. Не следует забывать, что теория общих систем и теория фракталов и соответствующие им методологии пока находятся в стадии становления. Но в настоящее время идет кропотливая работа по преобразованию существующих моделей разнородных систем в такой вид, который позволит адекватно отображать фрагменты или все мироздание [4; 5].

Другой концептуально-методологической основой исследования значения сенсорных технологий и систем в жизнедеятельности человека является голографический подход. В его основу положены гипотезы выдающихся ученых современности: физиков Д. Боба, М. Талбота и Д. Габора, К. Прибрама. Ученые пришли к выводу, что весь материальный мир и Вселенная представляют собой гигантскую голограмму, где самая крошечная часть изображения несет информацию об общей картине бытия, где все, от мала до велика, взаимосвязано и взаимозависимо.

Данный подход эффективно используется в физико-биологическом и математическом моделировании функционирования систем человеческого организма, поэтому он может выступать как один из концептуально-методологических основ изучения роли сенсорных технологий и систем в жизнедеятельности человека. В данном случае представляют немалый интерес исследования по применению голографического принципа в биологии и физиологии человека, проводимые известным отечественным физиологом К.В. Судаковым, который выдвинул оригинальные идеи относительно системных механизмов поведения [7]. В основе его подхода лежит созданная П.К. Анохиным «теория функциональных систем», которая дала возможность по-новому представить голографический принцип организации процессов жизнедеятельности и функций мозга, в частности. Функциональные системы представляют собой динамические самоорганизующиеся, саморегулирующиеся центрально-периферические построения, деятельность всех элементов которых взаимодействует достижению полезных для самих функциональных систем и организма, в целом, результатов. В качестве таковых высту-

пают разнообразные показатели внутренней среды, удовлетворяющие метаболические потребности организма, а также результаты поведенческой и групповой деятельности человека и животных [8].

Сенсорные технологии имеют такую структуру, которая обусловлена элементами, чья природа изоморфна элементам, определяющим сущность этих технологий (рецепторные клетки, нелинейность сенсорных рецепторов, молекулярные принципы функционирования естественных рецепторов и пр.). Этим объясняется функциональное значение сенсорных технологий в жизнедеятельности человека. Сейчас идет технологическая революция, которая неизбежно будет сопровождаться серьезной ломкой в системах государственных отношений, методов управления, а общество будет вынуждено искать выход из сложнейших ситуаций. В связи с социокультурной динамикой начался процесс «отмирания» ряда технологий, что свидетельствует об их функциональном значении. Исчезновение старых технологий и возникновение новых объясняется концепцией универсальной предметной деятельности человека, когда он в качестве субъекта деятельности взаимодействует с объектом деятельности при помощи орудий и средств деятельности. Именно взаимодействие человека с объектом своей деятельности и есть использование тех или иных технологий, причем, функциональное значение этих технологий детерминировано потребностями и интересами человека как субъекта социальной деятельности. Вполне естественно, что сенсорные технологии и системы не являются исключением из данной схемы универсальной предметной деятельности человека.

Необходимо принимать во внимание то обстоятельство, согласно которому функциональное значение сенсорных технологий находится во взаимосвязи с другими технологиями и системами: квантовые технологии (технологии микроэлектроники, нанотехнологии), генноинженерные, компьютерные виртуальные, телекоммуникационные технологии, биотехнологии, системы управления с обратной биологической связью, биологические микрочипы, субмикронные магнитные сенсоры и пр. Поэтому оказывается неэффективным рассмотрение сенсорных технологий в изолированном виде, вне связи с другими технологиями, образующими в целом сложную адаптивную реальность. Их следует рассматривать в диалектической взаимосвязи, избегая плоской диалектики парных концептов, которые заставляют исследователя смотреть на мир с позиции дихотомии. Диалектический подход предполагает преодоление этих оппозиций, что дает возможность осмыслить адекватно аспекты технологической (и технической) реальности в их целостности.

Сенсорные технологии играют одну из ведущих ролей в медицине, которой сейчас уделяется немалое внимание, так как возросло значение здоровья для жизнедеятельности человека в условиях информационного общества. Но сенсорные технологии используются не только для лечения различных болезней человека, они имеют больший диапазон применения. Об этом свидетельствуют основные достижения в области биосенсоров и биосенсорных технологий, а также анализ проблем, связанных с развитием биосенсорных исследований в России и за рубежом. Движущей силой в исследованиях и разработке биологических сенсоров явилась очевидная возможность их широких практических приложений. Исследования стимулировались прежде всего потребностями медицины, биотехнологии и необходимостью решения острых проблем охраны окружающей среды. Потребности практики ставят перед аналитической химией и аналитической биотехнологией комплекс задач, связанных с разработкой простых в применении, недорогих, высокочувствительных и специфичных методов и приборов на их основе для обнаружения заданных веществ в образце. Биосенсоры как интеллектуальные анализаторы, сопряженные посредством электродов различных типов с биоматериалами, и их использование имеют медицинские, биотехнологические и экологические аспекты. Значимость сенсорных технологий для жизнедеятельности человека проявляется в визуализации недоступных органам чувств индивида областей окружающего мира (явлений микромира, макромира и мегамира), в обеспечении биологической и экологической безопасности человека и социума.

При исследовании значимости сенсорных технологий в жизнедеятельности человека нельзя не учитывать их двойственный характер, их развитие имеет как позитивные, так и негативные социокультурные последствия: с одной стороны, их использование может привести к весомым результатам в разрешении насущных проблем человеческого существования посредством воздействия на телесный и информационный образы человека, а с другой, – к тотальному контролю поведения и деятельности индивида со стороны бюрократии государства и крупных корпораций, к изменению существенных характеристик человека. Поскольку проблема значимости сенсорных технологий затрагивает кардинальные вопросы жизнедеятельности человека и его социума, она требует дальнейших междисциплинарных исследований, комплексного подхода к ее решению.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Традиционная и современная технология. М., 1999.
2. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 2001.
3. Варфоломеев С.Д., Евдокимов Ю.М., Островский М.А. Сенсорная биология, сенсорные технологии и создание новых органов чувств человека // Вестник Российской академии наук. 2000. Т. 70. № 2.
4. Тарасенко В.В. Фрактальная геометрия природы: социокультурное измерение // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. М., 2000.
5. Анализ систем на пороге XXI века: теория и практика. Материалы международной конференции в 4-х тт. М., 1996. Т.1. с. 9; Сухонос С.И. Масштабная гармония Вселенной. М., 2002.
6. Пономаренко Г.Н., Турковский И.И. Биофизические основы физиотерапии. СПб., 2003.
7. Функциональные системы организма / Под ред. К.В. Судакова. М., 1987; Судаков К.В. Голографическое единство мироздания // Вестник новых медицинских технологий. 2002. Т. IX. № 1.
8. Анохин П.К. Избранные труды. Кибернетика функциональных систем. М., 1998.

УДК 14

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТАТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ СОЗНАНИЯ

Игнатова А.А.

MODERN METATHEORETICAL APPROACHES TO THE ANALYSIS OF CONSCIOUSNESS

Ignatova A.A.

Среди множества подходов к анализу сознания автор выделяет те, которые в качестве своего методологического основания имеют идею о мета-теоретическом уровне исследования, выступающем, возможно, как наиболее эффективный. В статье определены три типа подходов, работающие в этом направлении, – квазитеоретическая, естественно-научная и философская.

Among set of approaches to the analysis of consciousness the author allocates what as the methodological basis have idea about metatheoretical level of research which acts, probably, the most effective at consciousness studying. The author allocates three groups working in this direction – quasitheoretical, natural-scientific and philosophical.

Ключевые слова: сознание, метатеория сознания, метатеоретический подход.

Keywords: consciousness, metatheory of consciousness, metatheoretical approach.

Целью данной статьи является осмысление и систематизация существующих метатеоретических идей в области сознания. В современной научной и философской мысли можно выделить три типа метатеоретических подходов к рассмотрению области сознательного. Хотя данная классификация носит относительный характер, тем не менее, она имеет под собой достаточные основания.

К первому типу, условно названному квазитеоретическим, относятся все построения, рассматривающие сознание преимущественно в мистическом ключе, в качестве метатеоретического метода и предлагающие особые духовные практики. Наиболее ярким представителем данного типа можно назвать К. Уилбера, работа которого проходит в рамках трансперсональной психологии. Он разрабатывает своеобразную интегральную теорию целостного мира, частью которой выступает интегральная теория сознания [1]. К. Уилбер пытается по-своему осмыслить, теоретически отразить сознательную деятельность, учитывая её методологическую уникальность. Но делает он это посредством рационально-дискурсивных построений на базе духовных, преимущественно восточных практик. Следует отметить, что подобные построения не имеют академической значимости сами по себе и являются скорее частью духовно-культурной жизни, нежели научно-обоснованными программами. В то же время они интересны как попытки осознать сознание с позиций выхода на метатеоретический уровень.

Ко второму типу метатеоретических подходов к анализу сознания следует отнести исследования в рамках естественно-научных предметных областей. Сюда можно отнести весьма широкий спектр дисциплин, но общим моментом для них выступает приближение к пониманию указанной методологической особенности сознания и стремление преодолеть её выходом на метатеоретический уровень исследования. Среди них следует отметить исследования в области квантовой физики. Югославские физики М. Дуги, М.М. Киркович, Д. Ракович [2] при помощи исследований «волновой функции коллапса» пытаются построить на квантово-физических принципах метатеорию сознания. В сфере компьютерных наук итальянские специалисты Ф. Гуинчиглия, П. Траверсо,

А. Циматти [3] разрабатывают семантическую составляющую метатеории сознания с целью применения её при создании «сознательного» программного обеспечения. В области исследований по нейропсихологии и когнитивной психологии можно отметить работы американского психолога Дж.В. Скулера [4], выделяющего мета-осознание в особый вид сознания для рассмотрения диссоциативных состояний сознания. Стоит указать, что в силу своей конкретной, направленной специализации данные исследователи не занимаются построением собственно метатеории сознания, но, разрабатывая детали, они дают конкретный материал для конструирования целостной метатеории.

Работы, предлагающие основные принципы метатеории сознания, отнесём к философскому типу метатеоретических подходов. В англоязычной литературе к нему можно отнести довольно крупную группу исследователей, работающих в области так называемых теорий сознания высшего порядка (*higher-order theory of consciousness*), основные идеи которой были внесены американским философом Д. Розенталем [5], а метатеоретическая составляющая разрабатывается американскими же психологом Д. Дюлани [6] и специалистом по когнитивным наукам Б. Баарсом.

При объяснении сути сознательных процессов данная группа исследователей выделяет ряд последовательностей, которые могут проходить ментальные состояния. В зависимости от того, на каком этапе находится ментальное состояние, определяется, будет ли оно сознательным. Все ментальные состояния предлагается разделить на состояния низшего порядка (*lower-order state*), возникающие в результате воздействия внешнего мира на органы чувств – ощущения; на состояния первого порядка (*first-order state*) - восприятия; и состояния высшего порядка (*higher-order state*), которые (в отличие от предшествующих ментальных состояний) включают когнитивный компонент. Иными словами, последняя группа ментальных состояний обладает способностью осознавать. Эта способность объясняется посредством термина *representation* (представление), в основании которого лежит либо непосредственное восприятие, либо уже процессы мышления.

Таким образом, теоретики состояний сознания высшего порядка утверждают, что только ментальные состояния высшего порядка выступают в полном смысле сознательными состояниями, поскольку они в качестве своего объекта берут любые другие ментальные состояния, таким образом, в них обязательно включён когнитивный элемент, вы-

раженный в представлении. Ментальное состояние будет сознательным только тогда, когда о нём будет представление высшего порядка. Другими словами, ни состояния низшего порядка, ни состояния первого порядка не станут сознательными до тех пор, пока не станут объектом состояния высшего порядка.

В качестве примера можно привести любые элементарные ощущения или автоматические действия, слова или поступки, которые являются ментальными состояниями, но не являются сознательными. Кроме того, если содержание восприятия можно выразить посредством утверждения «больно», то содержание представления высшего порядка выражается через утверждение «кажется, больно». Стоит отметить, что подобное деление не является в полном смысле метатеорией сознания, но здесь просматривается довольно близкое приближение к метатеоретическому анализу. В связи с преимущественно прикладной направленностью американской науки данные исследования несут на себе достаточно сильный эмпирический отпечаток.

Оригинальный вариант метатеоретического подхода к анализу сознания мы находим у советских философов М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского. Их работы представляют собой чисто философский дискурс, в котором показывается, как при наступлении особого когнитивного акта - осознания сознательной деятельности - рождается новый род сознания, которое начинает «понимать самое себя». Такого рода сознательные процессы называются «борьбой с сознанием» и являются непосредственным содержанием как рефлексии, так и философской деятельности. Таким образом, они выходят за пределы традиционного осмысления сознания и поднимаются на метатеоретический уровень, где объектом познания выступает не сознание в чистом виде, а те формы, посредством которых оно себя понимает.

Следует отметить, что любой психический процесс всегда предстает в двух ипостасях: самостоятельно и в плане его осознания («я вижу, что», «я думаю, что»). В качестве базовых сознательных процессов выделяют понимание и интерпретацию. Кроме того, сознательные процессы выполняют двоякую функцию: и конструируют объекты реальности, и определяют те условия, при которых они воспринимаются. В этом большую роль играют так называемые прагматы, которые являются метавысказываниями о предметах. Специфика сознательных процессов, указанная философами, в том, что предикат реальности приписывается не только фактической действительности, но и её осмыс-

лению, пониманию и дальнейшей интерпретации. Простое осознание реальности невозможно, поскольку оно всегда определено ситуацией предпонимания, в которой находится сознание.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что в научно-теоретической деятельности необходимо рассматривать фактический мир всегда под углом его включенности в сознательный процесс. Принципиально важно не смешивать результаты сознательной деятельности с реальностью самой по себе и не рассматривать объективации сознания как объективно существующие. Подобные затруднения предлагается преодолеть посредством оригинального метода рефлексии, где субъект предстает не как генерирующий состояния и структуры сознания, но, наоборот, как внедренный в них и сознающий посредством них. Это иной способ рефлексии, в котором осознание происходит как понимание своей включенности в сферу сознания, где процессы осознания совершаются независимо от самого сознающего субъекта, то есть предлагается вывести конструкции собственного самосознания за рамки познавательного акта.

Подводя итог краткому обзору современных метатеоретических разработок в области изучения сознания, мы видим их структурное многообразие. Исходя из центральной позиции теоретико-философской методологии, можно отметить, что её генеральное положение мы встречаем, как в попытках выхода к непосредственному наблюдению сознания в трансперсональной психологии, так и двоякую трактовку при объяснении нейронной деятельности. Стоит выделить тот факт, что теоретико-философский блок довольно хорошо разработан в отечественной школе философии у М.К. Мамардашвили, который являлся незаурядным представителем философствования как такового. Философствования, которое, по сути своей, является непосредственным нахождением в самом сознании и мышлением “посредством” и “через” сознание.

В мировой научной мысли на сегодняшний день момент личностного, дискурсивного философствования чаще уступает место экспериментальной практике наблюдения за чужим сознанием посредством анализа поведения в заданных условиях. Нашей же целью будет интегрирование указанных философско-теоретических посылок для наибольшей адекватности междисциплинарных исследований как в области сознания, так и в познавательной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Wilber K. An Integral Theory of Consciousness. [Электронный ресурс]// Journal of Consciousness Studies. - 1997. - № 4. - pp. 71-92. Режим доступа: <http://www.imprint.co.uk/Wilber.htm>.

2. Dugi' M., 'Cirkovi'c M. M., Rakovi'c D. On a possible physical metatheory of consciousness. [Электронный ресурс]// Cornell University, 2002. Режим доступа: <http://arxiv.org/pdf/quant-ph/0212128v1>.

3. Giunchiglia F., Cimatti A. Introspective Metatheoretic Reasoning; Giunchiglia F., Traverso P. Reflective Reasoning with and between a Declarative Metatheory and the Implementation Code. [Электронный ресурс]// Cornell University, 2002. Режим доступа: <http://arxiv.org/pdf/quant-ph/0212128v1>.

4. Schooler J.W. Experience, Meta-Consciousness, and the Paradox of Introspection//Journal of Consciousness Studies. - 2004. - № 11 (7). - pp. 17-39.

5. Rosenthal, D.M. Varieties of Higher-Order Theory [Электронный ресурс]// Режим доступа: http://books.google.ru/books?id=opsp_D9yOREC&pg=PA17&dq=Rosenthal,+David+M.+2004.+%E2%80%9CVarieties+of+Higher-Order+Theory,%E2%80%9D&ei=m9nRSrGZIpKzASk9IHqDQ#v=onepage&q=&f=false.

6. Dulany D.E. Inattentional awareness. [Электронный ресурс]// PSYCHE. - № 7. - 2001. Режим доступа: <http://journalpsyche.org/ojs-2.2/index.php/psyche/article/viewFile/2582/2499>.

7. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. - М.: Школа «Языки русской культуры». – 1997.

УДК 1 (091)

ЭСТЕТИКА И ТЕУРГИЯ ИСТОРИИ В РУССКОЙ ИСТОРИОСОФИИ

Ю. В. Кузнецов

AESTHETICS AND THEURGIA OF HISTORY IN THE RUSSIAN HISTORIOSOPHY

Y. Kuznetsov

В статье рассматриваются историософские концепции П.Я. Чаадаева, К.Н. Леонтьева, Вл. Соловьева, С.Н. Булгакова, А.Н. Бердяева, в основе которых лежат понятия «эстетики истории» и «теургии истории». Обосновывается положение о том, что в отечественной историософии эстетика истории оказы-

важнейшим принципом, что отражает сущностные черты всей русской культуры.

The historiosophical conceptions by P. Chaadaev, K. Leontjev, V. Solovjev, S. Bulgakov, A. Berdyaev basing on the notions of aesthetics of history and theurgia of history are considered in the article. The position that the aesthetics of history is the major principle in the national history reflecting the essential trends of the Russian culture in whole is substantiated.

Ключевые слова: теургия, историософия, софиология, эстетика истории, христианство, концепция Богочеловечества.

Keywords: theurgia, historiosophy, sophiology, aesthetics of history, Christianity, conception of God-manhood.

При исследовании особенностей концепции Богочеловечества и идеи теургии в истории затрагивается проблема (особенно важная для русской историософии) эстетики истории. Теургические представления об истории возникли в России, которая в XX столетии самым решительным образом повлияла на историю. При этом понятие «эстетика истории» предпочтительно понимать не в качестве эстетики исторического познания, как это делает А.В. Гулыга [1, 2], а в качестве эстетического аспекта, самого исторического процесса, хотя между этими двумя трактовками эстетики истории нет противоречия. Содержательно «эстетика истории» – это взгляд на мир и на историю как на художественное произведение, имеющий две модификации. Во-первых, он предполагает зрелищность истории, ее драматическое и даже театрализованное восприятие; во-вторых, он может быть выражен в скрытом или явном отождествлении законов художественного произведения и законов истории.

В отечественной культуре эстетический взгляд на историю рождается почти одновременно с историческим познанием: «Везде поэтическому взгляду на историю предшествовали ученые разыскания; у нас, напротив, поэтическое проницание предупредило реальную разработку», [3] - писал В. Ф. Одоевский. Подтверждение его мысли можно найти и у П.Я. Чаадаева, так характеризующего исторические сочинения Н. Карамзина: «Какая была возвышенность в этой душе, какая теплота в этом сердце! Как здраво, как толково он любил свое отечество! Как простодушно любовался он его огромностию и как хорошо разумел, что весь смысл России заключается в этой огромности!.. А как писатель, что за стройной, звучной период, какое верное эстетическое чувство!...»

[4].

П.Я. Чаадаев полагает, что главное отличие русского исторического мышления от существующего на Западе, – это опора на эстетическое чувство. Историософия самого П.Я. Чаадаева позже будет оцениваться подобным же образом: «В железной и вместе свободной последовательности его умозаключений столько сдержанной страсти, такая чудесная экономия сил, что, помимо множества блестящих характеристик и художественных эпитетов, за один этот строгий пафос мысли его “Философические письма” должны быть отнесены к области словесного творчества наравне с пушкинской элегией или повестью Толстого... Во всемирной литературе немного найдется произведений, где так ясно чувствовались бы стихийность и вместе гармоничность человеческой логики» [5].

Историософия П.Я. Чаадаева давала все основания называть его «философом-поэтом». Ему был свойствен характерный для романтиков универсализм мировоззрения, согласно которому человечество достигает состояния единства, следуя идеалу, определенному христианством. П.Я. Чаадаев почтительно относится к разуму и его решающей роли в «воспитании человеческого рода», совершенствовании духовных и материальных условий существования человека. Но России в этом общечеловеческом движении к идеалу просвещения препятствует ее вековая «обособленность» от европейской истории, вызванная чрезмерным влиянием византизма, следствием которого является раскол Церкви и социальная пассивность православия, не протестовавшего против крепостного права и допустившего существование народа в состоянии рабства. Отсюда - характерное для современной России состояние нравственно-го безразличия, отсутствия живой мысли .

Для П.Я. Чаадаева христианство не должно существовать в форме оторванного от мирских забот учения о загробном спасении. Что же касается православия, как наследника византийского христианства, то оно, согласно П.Я. Чаадаеву, уходит от решения любых социальных вопросов: «В религиозной жизни все теперь основано на букве, и подлинный голос воплощенного разума пребывает немым. ... Проповедь стала лишь случайным явлением в строительстве добра. А между тем – надо же, наконец, прямо признать это, – проповедь, переданная нам в Писании, была, само собою разумеется, обращена к одним присутствовавшим слушателям. Она не может быть одинаково понятна для людей всех времен и всех стран. ... Не должен ли раздаваться в мире новый голос, связанный с ходом истории, такой, чтобы его призывы не были никому

чужды, чтобы они одинаково гремели во всех концах земли и чтобы отзвуки и в нынешнем веке наперебой его схватывали и разносили его из края в край вселенной» [6]. Обратим внимание на то, что П.Я. Чаадаев в своих намерениях фактически утверждает, что тот, кто полагает, что все содержание христианства содержится на станицах Св. Писания, тот глубоко ошибается. Истины христианства должны быть воплощены не только в слове, но и в деле, так как главное в словах Христа: «после него явятся люди, которые так вникнут в созерцание и изучение его совершенств, которые так будут преисполнены его учением и примером его жизни, что нравственно они составят с ним одно целое, что эти люди, следуя друг за другом из поколения в поколение, будут передавать из рук в руки всю его мысль, все его существо» [7].

Объективный ход истории, согласно П.Я. Чаадаеву, выдвигает на первый план потребность в новых людях, готовых привести человечество на Голгофу «уничтожения своего личного бытия», к тотальному единству всего человечества в конце истории. Эти люди должны быть самоотверженны, должны быть способны к самопожертвованию. Для П.Я. Чаадаева подвижничество и героизм исторического действия являются не подобием христианского подвижничества и героизма, а выражением самой его сущности. Таким образом, категории героического, возвышенного, трагического в равной мере характеризуют и саму историю и историческое знание.

Но всё же первый русский в истинном значении «эстетик истории» – это К.Н. Леонтьев. Всё его мировоззрение основано на аристократическом историческом эстетизме, героизм, который П.Я. Чаадаев ожидал встретить в будущем, К.Н. Леонтьев находил в прошлом. Поэтому европейские буржуазные стандарты жизни, стремление к усреднению качеств человека, вызывали у К.Н. Леонтьева чувство эстетического неприятия, подобно отвращению аристократа к привычкам и манерам людям третьего сословия. Экономический и социальный прогресс для К.Н. Леонтьева воплощается в утверждении идей равенства в обществе, из чего следует вытеснение из жизни всего выдающегося и гениального. Эти отрицательные последствия прогресса К.Н. Леонтьев оценивает не с позиций общественной пользы или вреда, не с религиозно-нравственной точки зрения, а эстетически, констатируя упадок европейской культуры. Известно, что саму идею о непрерывном прогрессе К.Н. Леонтьев решительно отвергал, полагая, что на история представляет собой прерывистую смену замкнутых цивилизаций, изменяющихся, скорее, по законам

природы, а поэтому неизбежно проходящих через стадии рождения, расцвета, дряхлости и гибели.

К.Н. Леонтьев не просто фиксирует эстетическую ценность культурных форм, но и связывает с ними «жизненную силу» и могущество, творчество. Философа не интересуют внутренний смысл эстетических феноменов и их роль в истории, но тот факт, что они являются носителями созидательной силы, оправдывает для него их существование (даже вопреки их нравственному значению). Принцип эстетики истории К.Н. Леонтьева состоит в следующем: «Что такое форма? Форма вообще есть выражение идеи, заключенной в материи (содержании). Она есть отрицательный момент явления, материя—положительный. В каком это смысле? Материя, например, данная нам, есть стекло, форма явления—стакан, цилиндрический сосуд, полый внутри; там, где кончается стекло, там, где его уже нет, начинается воздух вокруг или жидкость внутри сосуда; дальше материя стекла не может идти, не смеет, если хочет остаться верна основной идее своего полого цилиндра, если не хочет перестать быть стаканом. Форма есть деспотизм внутренней идеи, не дающий материи разбежаться. Разрывая узы этого естественного деспотизма, явление гибнет» [8]. Слово «деспотизм» имеет в этом определении эстетический смысл, указывающий на способность формы создавать напряжение, удерживать границы, а нравственное и политическое значение данного термина для К.Н. Леонтьева производно от эстетического.

Эстетический критерий оценки истории приводит К.Н. Леонтьева к выводу, что современная европейская цивилизация вступила в третью, завершающую стадию своего существования, когда, хотя еще и сохраняются некоторые элементы былой «цветущей сложности», но уже заметны признаки вторичного упрощения и культурного упадка: «Сложность машин, сложность администрации, судебных порядков, сложность потребностей в больших городах, сложность действий и влияние газетного и книжного мира, сложность в приемах самой науки... Это все лишь орудия смешения — это исполинская толчея, всех и все толкущая в одной ступе псевдогуманной пошлости и прозы...» [9].

Для К.Н. Леонтьева характерный для эпохи Возрождения период избытка творчества и энергии, когда человек мог существовать, опираясь только на свои силы, завершился, и Европа подошла к началу своего упадка: «Эта чудовищная ситуация начала обретать отчетливость в начале XVII века. К тому времени завершилась эпоха индивидуализма —

Средние века, Ренессанс, в известной степени, постренессанс. Пропало вертикальное измерение бытия, исключаящее смерть как неотвратимую и окончательную погибель; равенство перед Небом превратилось в равенство перед людьми» [10]. Сознание европейцев, отравленное индивидуализмом, отказывается признать авторитет любых «вышестоящих инстанций». Европейец обретает вид низкорослого и пустотелого буржуа, эстетически способного вызвать лишь отвращение [11].

Многие называли такое отношение К.Н. Леонтьева к современности ницшеанским, [12] дополняя его отсутствовавшим у Ф. Ницше мистицизмом. Мистические переживания К.Н. Леонтьева, предопределившие последующее его религиозное обращение, были полны страха смерти: «Я думал не о спасении души, я обыкновенно вовсе не боязливый, пришел просто в ужас от мысли о телесной смерти и, будучи уже заранее подготовлен, я вдруг в одну минуту поверил в существование и могущество Божей Матери... и воскликнул: Мать Божия! Рано! Рано умирать мне!» [13]. Восприятие смерти, понятой как бесконечность исчезновения и как бездна небытия, стала важным компонентом религиозных переживаний К.Н. Леонтьева. Очевидно, что на их фоне эстетическая критика европейской истории утратила всякое значение. В последующем В.В. Розанов воспринял у К.Н. Леонтьева не только представление о триадическом развитии истории (первоначальная простота — цветущая сложность — смешение и упрощение), но и его исторический эстетизм [14].

В учении Вл. Соловьева о Богочеловечестве экстраполяция критериев эстетики на историю стала следствием возрождения той эстетической онтологии, которая была уже в неоплатонизме, которую он считал своим долгом возродить. Если весь космос подчинен законам эстетики, то этим же законам подчинена и человеческая история: «В силу этой прямой связи художества с метафизическим миром идеальных существ мы находим, что тот же самый национальный гений, который впервые постиг божественное начало как идеальный космос, — тот же самый национальный гений был и настоящим родоначальником художества» [15]. Соединение эстетики Платона и неоплатоников с софиологией позволило Вл. Соловьеву придать диалектике и историософии яркую художественную форму. Принцип единства истины, добра и красоты — важнейший принцип платонизма, получил форму «всеединства».

Последователи Вл. Соловьева вместе с концепцией Богочеловечества восприняли и теургическую эстетику исторического действия.

По мнению Н.А. Бердяева, общий план мироустройства обнаруживает ущербность, проявляющую себя в наличии Преисподней, и эта ущербность должна быть восполнена совместным творчеством человека и Бога. Первоначальные стихии, именуемые на религиозно-мифологическом языке небом и землей, а на языке Античности - хаосом,- бесформенны, представляют собой чистую потенцию. Человек, согласно Н. Бердяеву, оправдывается творчеством и в творчестве находит свое спасение. Разумеется, обнаруживается и предрасположенность к меоническому творчеству, которое, являясь человеческой обязанностью, разворачивается в истории: «Эстетизмом отмечены области русского творчества, даже и не принадлежащие непосредственно к искусству: в этом - одно из отличий русской философии, насколько она себя осознала, даже в науке не столько методизм, сколько умственный артистизм и составляет главную силу нашу...» [16].

У С.Н. Булгакова предрасположенность к артистизму мысли проявилась ярче, чем у других софиологов. Понятия София, Премудрость Божия, превратили бытие, историю, Бога и человека в художественные «тексты». Поэтому и софиология представляет собой эстетическую космодицею и антроподицею: «История есть самотворчество человека в мире... Логос мира есть и человеческий Логос, а красота мира есть и человеческая красота. Поэтому понять мир можно только через человека, в его истории» [17]. Эстетическое оправдание космоса и человека распространяется и на область теологии, где нравственное измерение уступает приоритет эстетическому. «Православие имеет основной идеал не столько этический, сколько религиозно-эстетический» [18]. Почти буквально повторяя слова К.Н. Леонтьева, С.Н. Булгаков утверждает, что этот приоритет характерен и для любой исторической эпохи: «Эпохи культурного расцвета отмечаются приматом не этики, а эстетики. Артистизм становится в них руководящим жизнеощущением» [19].

Н.А. Бердяев вводит термин «историческая эстетика», подразумеваемая под ним удивительную способность человека менять свое прошлое. Дело здесь в том, что само прошлое в разные исторические эпохи по-разному входит в смысловое пространство настоящего и всякий раз по-новому определяет себя в различных конфигурациях своих элементов. Таким образом, прошлое самораскрывается в настоящем в соответствии с существующими представлениями о цели и смысле истории. Эта же мысль нашла свое отражение в автобиографии Н.А. Бердяева: «Я знаю обаяние красоты прошлого.

В чем его тайна? Память о прошлом есть творческая, преображающая память, она делает отбор, она не воспроизводит пассивно прошлого. Красота прошлого не есть красота эмпирически бывшего, это есть красота настоящего, преображенного прошлого, вошедшего в настоящее. ...Все старинное, прекрасное в своей старинности есть настоящее, в прошлом не было этой старинности. Прошлое совсем было не старо, а молодо, это настоящее старо в одном своем аспекте» [20].

Историческое познание для Н.А. Бердяева является художественной самоорганизацией прошлого, встраиваемого в смысловую архитектуру настоящего. Это понимание соответствует тому онтологическому пониманию творчества, которого Н.А. Бердяев придерживался на протяжении всей своей жизни. Нередко к выводам об эстетической природе исторического познания приводили размышления о специфике истории как науки: «История не естественная наука. Структура ее объективности во многих отношениях гораздо ближе к структуре объективности эстетической, чем естественно-научной... сущность исторического процесса заключается в постоянном переоформлении сверхисторического содержания жизни...» [21].

Таким образом, в отечественной историософии, особенно в софиологии, эстетика истории оказывается важнейшим принципом, что указывает на сущностные черты всей русской культуры.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гулыга А.В. Эстетика истории. М., 1974.
2. Гулыга А.В. Искусство истории. М., 1980.
3. Одоевский В.Ф. Русские ночи. Л., 1975. с. 182.
4. Чаадаев П.Я. Письмо А.И. Тургеневу. 1838 г. // Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1987. с. 246.
5. Гершензон М.О. П.Я. Чаадаев. Жизнь и мышление. СПб., 1908. с. 75—76.
6. Чаадаев П.Я. Философические письма // Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989. с. 144.
7. Там же. с. 145.
8. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 2007. Т. 7. Кн. 1. с. 22.
9. Там же. с. 395.
10. Головин Е.В. Человек и люди // Элементы. 2000. № 8. с. 84.
11. См.: Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие все-

мирного разрушения // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 2007. Т. 8. Кн. 1. с. 159—233.

12. См. напр.: Зеньковский В.В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1. Ч. 2. с. 257—260.

13. Булгаков С.Н. Тихие думы. М., 1918. С. 125.

14. См.: Розанов В.В. Эстетическое понимание истории // Русский вестник. 1892. Т. 218. с. 156—188.

15. Соловьев Вл.С. Чтения о Богочеловечестве. Чтение пятое // Соловьев Вл. С. Сочинения: В 2 т. М., 1989. Т. 2. с. 65.

16. Булгаков С.Н. Человечность против человекобожия // Русская мысль. 1917. № 5/6. Отд. X. с. 1—32.

17. Булгаков С.Н. О Богочеловечестве. Париж, 1945. с. 342, 348.

18. Булгаков С.Н. Православие. Париж, 1989. с. 382.

19. Булгаков С.Н. Свет Невечерний. М., 1994. с. 382.

20. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1989. с. 274—275.

21. Степун Ф. Религиозный смысл революции // Современные записки. 1929. Т. 40. с. 431, 434.

22. Королева Л. Поэтическое мифотворчество // Д. Андреев в культуре XX века. М., 2000. с. 92.

23. Грушецкий В. Человек синей эпохи // Андреев Д. Роза Мира. Метафилософия истории. М., 1991. с. 285.

УДК 008

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОГО ЕВРОПОЦЕНТРИЗМА

Шубина М.М.

METHODS FOR STUDYING THE THEORY AND PRACTICE OF CONTEMPORARY EUROCENTRISM

Shubina M.M.

В статье раскрываются вопросы становления и развития современного европоцентризма с момента появления в античном периоде западноевропейской истории, рассматриваются социальные и культурные предпосылки, оказавшие влияние на его развитие. Основное внимание автором уделено анализу генезиса европоцентризма в разные исторические периоды, а также предложены методы исследования данного явления.

This article uncovers issues of establishment and development of contemporary Eurocentrism since its inception in the ancient period of Western history. The main attention is paid to the analysis of the genesis of Eurocentrism in different historical

periods and the current content of the concept, and proposed methods of investigation of this phenomenon. We consider social and cultural conditions that influenced the development of Eurocentrism.

Ключевые слова: европоцентризм, античность, этноцентризм, расизм, «естественное рабство», Аристотель, открытие Америки, идеология, Новое время, антропология.

Keywords: Eurocentrism, antiquity, ethnocentrism, racism, natural slavery, Aristotle, the discovery of America, Ideology, New Era, anthropology.

Современная ситуация в мире характеризуется глобализацией и переходом к новому мировому порядку, свободному от войн и насилия. Это означает возникновение новой исторической тенденции – антиэкспансионистской, когда государства, народы и культуры отказываются от всех возможных форм экспансии друг по отношению к другу. Эта тенденция может осуществляться только в виде целенаправленной деятельности, противостоящей различным формам экспансионизма. Чтобы эта деятельность была эффективной, нужно хорошо представлять себе исторические причины возникновения, этапы развития и условия исчезновения этих форм.

При таком подходе исследование данного вопроса может быть только комплексным, охватывающим явление экспансионизма в историческом, социально-психологическом, научном, идеологическом и политическом контекстах. Цель статьи - рассмотреть исторический процесс перехода естественного и государственного (национального) этноцентризма к европоцентризму как форме регионализма. Началом естественного этноцентризма, из которого впоследствии и вырастает расизм, считается эпоха античности, именно тогда происходит зарождение и развитие дихотомии «свой-чужой» пока только на интуитивном уровне, а не в концептуальной форме, которая имеет субъективный характер. В этот период происходит эллино-варварская поляризация, а образцом культуры является лишь греческая культура, античная интерпретация «иног» носит оценочный и, как правило, негативный характер. Теория «естественного рабства» Аристотеля оказалась серьезным первоисточником, на который ссылались многие антропологи-расисты в течение веков. Такое отношение к человеку приводило к мысли о принципиальном, постоянном и всеобъемлющем неравенстве людей между собой.

Открытие Америки, относящийся к тому же периоду целый ряд

других замечательных путешествий и открытий ознаменовали собой новую историческую эпоху, которую принято называть эпохой великих географических открытий. Уже само по себе это обстоятельство (ведь не так много найдется во всемирной истории явлений, которые дали название целой эпохе) свидетельствует об исключительной важности и самих путешествий конца XV-XVI веков, а особенно тех последствий, которые они имели как для Европы (Старого Света), так и для Нового Света. Неслучайно дата первого путешествия Христофора Колумба (1492 г.) стала тем хронологическим рубежом, который по периодизации, принятой многими европейскими учеными, отделяет средневековую эпоху от эпохи Нового времени. Именно это событие считается началом возникновения европоцентризма.

Идеологического и научного обоснования требуют теории, возникающие в Новое время. Именно так возникает политика международного экспансионизма и колониализма, развиваются и расширяются формы экспансии (от чисто военной, затем к экономической, затем – к культурной). Для идеологического обеспечения этих форм, начиная с эпохи Нового времени, создаются (на базе научных расовых теорий) расистские псевдонаучные теории. Они быстро входят в культуру Европы, подкрепляя традиционные расовые, этнические и националистические предубеждения, а так же получают отражение в философии и антропологии.

Только в XX – начале XXI века экспансионизм как вид социокультурного взаимодействия народов начинает терять свое влияние; на первый план начинает выходить новый тип отношений – взаимовыгодное взаимодействие во всех сферах общественной жизни, политики и культуры. Однако влияние форм экспансионизма, господствовавшего тысячелетия, все еще велико. Современности присущи идеология фашизма, дискриминации народов по национальному и культурному признаку. Исторические и культурные события подобного масштаба всегда интересовали и будут интересовать исследователей, т.к. каждое поколение людей пытается осознать «связь времен» и обращается к тем явлениям прошлого, которые стали своеобразными «вехами» на пути человечества к его нынешнему состоянию.

Особый «всплеск» интереса к открытию Америки и другим географическим открытиям того времени, а так же их последствиям в культурной, политической, социально-экономической жизни общества в последние десятилетия века был отмечен в конце 80-х – 90-е годы прошлого столетия, когда отмечался 500-летний юбилей экспедиции Христофора Колумба.

Однако тема не «исчерпана», она важна и в конкретно-историческом, и в общетеоретическом плане. Что касается последнего, то важно изучить соотношение двух связанных между собой, но все же различных по характеру «объективных» явлений. Речь идет, с одной стороны, об исследовании тех общеисторических условий (политических, социально-экономических, социально-психологических и др.), в которых произошли великие географические открытия. С другой стороны, - об изучении факторов того общественного резонанса, который вызвали открытия, и их влиянии на философскую мысль XVIII-н.XIX вв., становлении принципов европоцентризма в философской антропологии этого времени. Географические представления исследуемого периода, процесс накопления знаний о народах, населявших открытые земли, их быте и культуре – эти и другие вопросы, несомненно, связаны с развитием общеисторических процессов в Западной Европе, но вместе с тем имеют и самостоятельную «историю», и самостоятельную ценность. В эпоху раннего Нового времени были существенно раздвинуты границы и горизонты европейской культуры, сформировалось историко-культурное единство Европы при всей разнородности процессов в отдельных ее частях, образовались жизнеспособные нации и государства, сложились современные европейские языки, были созданы произведения, обогатившие историю мировой культуры, достигнуты значительные научные и технические успехи.

Как ни парадоксально, но именно раннее средневековье, не давшее достижений, сопоставимых с высотами античной культуры или зрелого средневековья, положило начало собственно европейской культурной истории. Это был процесс мучительного синтеза, рождавшегося из слияния противоречивых, порой взаимоисключающих начал, поисков не только нового содержания, но и новых форм культуры, передачи эстафеты культурного развития его первым носителям [1]. Средневековье – это еще и эпоха высокой динамичности рациональной мысли, логико-теоретического поиска, первых успехов научной, правовой, моральной и политической мысли, выдающегося прорыва философского разума в сферу универсальных законов бытия. История средневековья – это история необыкновенных людей и событий, т.к. образ жизни, способы мышления, горизонты мироощущения этих людей во многом отличны от современного. Средневековье отмечено несомненным прогрессом, качественными сдвигами в сферах деятельности (технике, производительных силах и др.), общении (разделении труда, производственных,

технологических, социальных, межличностных отношениях), в системе духовной культуры [2].

Дальнейшее изучение предпосылок изменения мышления людей, их представлений о других народах, пересмотр ими понимания самого «человека» будут способствовать расширению наших представлений о формировании нового типа мировоззрения европейской интеллигенции, т. к. в любую историческую эпоху люди обладают специфическим мировидением, ведут себя не столько в соответствии с внешними обстоятельствами, сколько в зависимости от той картины мира, которая утвердилась в их сознании. Ориентиры поведения, ценности жизни даются человеку языком, религией, воспитанием, примером окружающих. Можно представить человека без осознанной идеологии, которая сделалась бы его осмысленной жизненной позицией, но нельзя помыслить человека без его ментальности, детерминирующей его социальное поведение.

«Объективное» изучение социальных и экономических структур и их движения, исследование их «извне (с точки зрения наблюдателя, занимающего позицию «внеаходимости» по отношению к объекту изучения), должно быть дополнено постижением их «изнутри» (с позиций самих участников исторического процесса, людей изучаемого общества). Невозможно уйти от попыток проникновения в исторически обусловленные мотивы их действий, в модели поведения, детерминированные их объективной материальной жизнью, их мировидением, миропониманием и мироощущением.

Картина мира, заложенная в сознание этих людей природой, представляет собой объективно действующую силу, определяющую ход истории. Вся картина мира человека той или иной эпохи, принадлежащего к определенному социальному слою или классу, включается в сферу исторического исследования. В центре картины мира – проблема человеческой личности, ее оценка общества, самосознание и самооценка. Именно эта проблема – личность, индивидуальность, мера поглощенности человека социальной группой или его автономии – является центральной при изучении картины мира данной эпохи. Социальные исследования уделяли внимание большим общественным структурам, обходя атомарную единицу социума – человеческого индивида. Для истории человек – всегда в группе, обществе, он участник социального процесса, следовательно, имеет социальную сущность. Однако нельзя превращать человека в простой сгусток общественных отношений, в некий великий

«атом» общественных связей [3].

В данной статье общество не рассматривается как множество относительно самостоятельных индивидуумов. Изучение общества исследуемой эпохи исходит из понимания его как единства относительно самостоятельных людей, находящихся друг с другом в определенных отношениях. Эти связи и отношения объективизируются в процессе предметной практической деятельности людей и принимают форму деперсонифицированных, надличностных связей и отношений. Именно это обстоятельство позволяет осуществлять в теории общества процедуру обобщения действий «живых личностей». Исследование основных направлений содержания антропологического знания наполняется самостоятельной значимостью только будучи ориентированным от человека, от его субъективности к объектированным социальным формам его бытия.

Социально-антропологическое знание есть по сути дела самопознание человека, неотделимое от самооценки, структурированный процесс самопостижения человека самого себя как субъекта бытия [4]. К сожалению, проблематика становления и развития философских и социальных антропологических исследований в период античности и последующий период в Западной Европе все еще остается для отечественной философской антропологии недостаточно изученной. Учитывая проделанную предшествующими поколениями историков работу, используя некоторые выдвинутые ими положения и выводы по вопросу генезиса европоцентризма, мы ставим перед собой цель комплексно рассмотреть возникновение и развитие европоцентризма с античной эпохи по настоящее время, а также показать на общем культурном фоне исследуемой эпохи изменения, произошедшие в обществе в результате получения новых знаний.

Для реализации этой цели необходимо разрешить следующие задачи:

1. Исследовать социально-экономические условия античного общества, их изменения, обусловившие теорию «естественного рабства», а так же проследить ее влияние на мировоззрение эллинизированного мира в контексте «эллин-варвар»;

2. Рассмотреть изменения в средневековом обществе, которые привнесла христианская религия в отношении к рабству и варварству, новые условия понимания свободного человека;

3. Сопоставить гео- и этнографические представления в западно-

европейском обществе позднего средневековья и Ренессанса, а также выявить общественный резонанс великих географических открытий в экономической и политической жизни Западной Европы в период Нового времени;

4. Рассмотреть отражение великих географических открытий в культурной жизни Европы в XVIII-н.XIX вв., выявить социально-исторические, мировоззренческие и ценностно-смысловые основания возникновения европоцентризма в философской антропологии и определить важнейшие концептуальные основания классического европоцентризма XVIII-XIX вв.;

5. Показать динамику изменения социокультурной картины мира от позднего средневековья до Ренессанса и далее до Нового времени под влиянием последствий великих географических открытий;

6. Определить важнейшие концептуальные основания классического европоцентризма XVIII-XIX вв.;

7. Выделить главные моменты становления теории ценности европейской расы, решаемые через категорию сущности человека; критически рассмотреть основные теории разноценности рас в контексте европоцентристского направления классической философской антропологии;

8. Показать условия перехода научных расовых концепций в идеологические расистские в европейской культурфилософии начала и середины XX в.;

9. Проследить развитие современной социокультурной ситуации в мире и в России в частности, показать влияние идеологических расистских концепций на жизнь современного человека.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Карпов С.П. История средних веков. М., 1988. 356 с.
2. Найдыш В.М. Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма. М., 2002. 560 с.
3. Гуревич А.Я. Социальная история и историческая наука // Вопросы философии. 1991. № 4.
4. Шаронов В.В. Основы социальной антропологии. СПб, 1997. 177 с.

ЭКОНОМИКА

УДК 330.1

ВОСПРОИЗВОДСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В КОНТЕКСТЕ АМОРТИЗАЦИИ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ АКТИВОВ ПРЕДПРИЯТИЯ

Гайдай Т.Н.

REPRODUCTION OF THE HUMAN CAPITAL IN A CONTEXT OF AMORTIZATION OF NON-MATERIAL ACTIVES OF THE ENTERPRISE

Gaidai T.N.

В работе исследован механизм возмещения затрат собственнику человеческого капитала посредством амортизационных отчислений. Автор считает, что в состав издержек должна включаться не заработная плата, а стоимость рабочей силы, которая количественно была определена к моменту заключения контракта между капиталистом и собственником человеческого капитала.

For the purpose of maintenance to the proprietor of the human capital of social and economic guarantees of the expanded reproduction in work the hypothesis of compensation of expenses to the proprietor of the human capital by means of the amortization mechanism is investigated. The salary as a source of reproduction of the human capital is internally inconsistent. We consider that the structure of costs should join not a salary, but a cost of labor which was known by the time of the contract conclusion between the capitalist and the proprietor of the human capital.

Ключевые слова: заработная плата, источник воспроизводства, расширенное воспроизводство, амортизация.

Keywords: salary, the reproduction source, the expanded reproduction, amortization, the human capital.

В рыночной экономике существует порядок, в соответствии с которым простое воспроизводство основного капитала (в части орудий труда) осуществляется за счет амортизационного фонда. Данный фонд, с точки зрения теории, образуется в результате перенесения стоимости основного капитала на готовый продукт. По мнению практиков, данный процесс есть не что иное, как факт учета амортизационных отчислений, т. е. бухгалтерская запись на соответствующих счетах. Нормы амортиза-

ционных отчислений утверждаются в законодательном порядке правительством и имеют тенденцию к увеличению. Образуемый амортизационный фонд имеет целевой характер и может быть израсходован только на капитальный ремонт элементов основного капитала и на их замену по истечению срока их службы.

Таким образом, собственник средств производства имеет гарантированный источник простого воспроизводства объектов его собственности, используемый для производства товаров и услуг. И эта гарантия дается обществом и за счет общества. Что касается расширенного воспроизводства основного капитала, то эта задача решается путем использования части прибыли и других внутренних источников, а также за счет привлечения кредитных ресурсов.

К. Маркс называет собственника рабочей силы и собственника средств производства равноправными товаровладельцами и юридически равноправными лицами. Но собственник рабочей силы таких гарантий не имеет. Его способности к труду воспроизводятся только за счет одного источника - той части добавленной стоимости, которую он получает от собственника средств производства в форме заработной платы. Данный источник гарантируется обществом только частично (в размере минимальной оплаты труда, которая не может обеспечить даже его простое воспроизводство, в широком понимании этой проблемы).

Два подхода к воспроизводству объектов собственности капиталиста и наемного работника нашли отражение в социально-экономических категориях «равенство» и «неравноправие». Эти категории широко используются в социальных науках (и в особенности) в экономической теории. Экономическое равенство и экономическое неравноправие – категории, выражающие, на наш взгляд, разные экономические состояния и отношения. Для выяснения их содержания обратимся к семантике этих слов. Так, в Толком словаре живого великорусского языка В.И. Даля. указывается: «равенство, состояние, свойство равного; одинаковость, полное сходство по количеству, или величине, или по качеству» [2, с.6]. Как видим, равенство имеет как количественную, так и качественную определенность. В контексте нашего исследования нас интересует качественная определенность категории «равенство». По нашему мнению, экономическое равенство представляет собой отношение между собственниками факторов производства по поводу использования одной и той же нормы закона при возмещении затрат основного и человеческого капитала в связи с их использованием в общественном воспроизводстве.

Экономическое равенство можно рассматривать как с субъективной, так и с объективной точки зрения. С субъективной стороны экономическое равенство – это право индивидуального выбора рода деятельности, другими словами, реализация данного права на основе личных предпочтений. Например, участие индивидуума в общественном производстве осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, в которой указано, что «Каждый имеет право свободно располагаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию» [5, с.12].

Экономическое равенство сводится к тому простому факту, что люди от природы равны между собой, поскольку она заложила в них программу воспроизводства потребностей, другими словами, их систематического удовлетворения. Экономическое неравенство наступает тогда, когда формальные правила предусматривают удовлетворение одной и той же потребности для одних – посредством одного механизма, а для других – другого. На языке математической логики равенство можно выразить как отношение, когда все, что относится к одному из объектов (факторов производства), полностью относится и к другому [6, с.440], если допускает их природа.

Отношение равенства характеризуется следующими аксиомами. Первая – рефлексивности, что означает: «Для всех x x равен x ». Если для всех элементов средств труда используется один и тот же способ возмещения их износа (амортизационный), то между ними имеется равенство. Вторая - симметричности, что означает: «Для всех x и для всех y , если x равен y , то y равен x ». Другими словами, если для всех собственников данных орудий труда и собственников данного качества рабочей силы используется один и тот же метод возмещения затрат, то по данному принципу имеется равенство с точки зрения любого из них. Третья – транзитивности, ее содержание состоит в следующем: «Для всех x , для всех y и для всех z , если x равен y и y равен z , то x равен z ». Данная аксиома в аспекте нашего исследования читается так: для всех собственников орудий труда, нематериальных активов и рабочей силы, если собственники орудий труда применяют амортизационный способ возмещения затрат объектов их собственности, как и собственники нематериальных активов, а последние как собственники рабочей силы, то собственники орудий труда по способу возмещения затрат находятся в равном положении с собственниками рабочей силы.

В современной рыночной экономике экономическое равенство в его качественной определенности отсутствует. Таким образом, мы име-

ем дело с его противоположностью – неравноправием. Неравноправие в аспекте возмещения затрат собственником факторов производства в результате их производственного использования всегда есть различная степень рискованной деятельности. Собственник средств производства в процессе их использования не принимает никаких усилий для сохранения их стоимости, а, следовательно, и простого их воспроизводства.

Иначе складываются условия воспроизводства рабочей силы для ее собственника. В этих целях он должен: а) продавать свою рабочую силу и б) непосредственно участвовать в процессе производства, так как без его участия использование рабочей силы по известным причинам невозможно. Вознаграждением за его участие в общественном производстве является доход в форме заработной платы, на основе которой формируется фонд жизненных средств, являющийся, по существу, источником не только простого, но и расширенного воспроизводства рабочей силы. Прибыль капиталиста и заработная плата собственника рабочей силы имеют своим источником один и тот же доход – добавленную стоимость, но по степени риска получения наиболее рискованным доходом является заработная плата.

Риски получения заработной платы, достаточной для расширенного воспроизводства рабочей силы, связаны со многими обстоятельствами. Во-первых, это бытующая точка зрения на заработную плату как на затратную статью. Такой взгляд проистекает из того факта, что капиталист, по мнению Ж.-Б. Сэя, это «лицо, которое берется за свой счет и риск и в свою пользу произвести какой-либо продукт» [14, с.202]. Он несет определенные издержки, главной статьёй которых является заработная плата. Более того, государство в определенных ситуациях само проводит политику сдерживания доходов, причем, только в отношении заработной платы. Во-вторых, это определение уровня заработной платы на основе субъективных подходов, а точнее, на основе субъективного закона предельной производительности. Таким образом, в современной экономике мы имеем два механизма возмещения затрат собственникам факторов. Следовательно, имеет место противоречие, вытекающее из экономического неравенства: противоречие между заработной платой как затратной статьёй с точки зрения капиталиста, и заработной платой как части национального дохода, с точки зрения общества. Разрешение данного противоречия возможно только при условии, что элементом издержек будет не заработная плата, а стоимость рабочей силы.

В экономической литературе нет специальных исследований, посвященных генезису амортизации. Некоторые авторы высказывают мне-

ние, что возникновение амортизации как процесса и как экономической категории обусловлено арендной платой. «Можно считать установленным фактом, - пишет Орлов А., - что исторически амортизация возникла из арендной платы. Данному представлению есть косвенное подтверждение в самом термине «амортизация», первоначальный смысл которого означал «погашение долга» [10, с.95].

На основе открытого двойственного характера труда К. Маркс пришел к выводу, что наемный работник своим конкретным трудом переносит стоимость основного капитала на вновь созданные товары. По этому поводу он пишет: «... в своем абстрактном общем свойстве, как затрата человеческой рабочей силы, труд прядильщика присоединяет к стоимости хлопка и веретен новую стоимость, а в своем конкретном, особенном, полезном свойстве, как процесс прядения, он переносит на продукт стоимость этих средств производства и таким образом сохраняет их стоимость в продукте. Отсюда двойственность результата труда, совершаемого в одно и то же время» [8, с.211-212]. Таково теоретическое объяснение тех практических действий, которые осуществляются сегодня на практике со стоимостью основного капитала. Другими словами, с появлением его стоимости в стоимости товара и, естественно, в его цене.

Представители неоклассической теории исследуют только практическую сторону решения этой проблемы, поскольку они, как известно, не занимаются выяснением сущности экономических явлений. Мы считаем, что простое воспроизводство человеческого капитала должно осуществляться так же на основе его амортизации. В связи с этим необходимо рассмотреть вопрос: допускает ли природа человеческого капитала его физический и моральный износ? В современной экономической литературе дается положительный ответ на данный вопрос. Вместе с тем нет еще специальных, комплексных исследований, в которых данная проблема решалась не только теоретически, но и практически. Мы лишь желаем рассмотреть ее в постановочном плане и попытаться сформулировать теоретико-методологические основы ее решения.

При решении проблемы возмещения физического и морального износа человеческого капитала посредством амортизационного механизма необходимо, на наш взгляд, исходить из методологического принципа различения стоимости человеческого капитала и заработной платы. Необходимо четко определиться, какая стоимостная величина будет амортизироваться, - стоимость рабочей силы или заработная плата. В литературе высказывается точка зрения, что стоимостной основой

амортизации человеческого капитала должна быть заработная плата. Например, Маркарян К. считает, что в заработной плате необходимо выделить долю, соответствующую амортизации человеческого капитала и его прибыли [7, с.35].

По нашему мнению, подлежит амортизации стоимость человеческого капитала по многим причинам. Во-первых, заработная плата - это часть добавленной стоимости, национального дохода, она не может быть статьей издержек, как и прибыль. Во-вторых, заработная плата более подвижная величина, поскольку она отклоняется от стоимости под воздействием системы факторов (сфокусированных в спросе и предложении), отличающихся от тех, что определяют стоимость человеческого капитала. В-третьих, в неоклассической теории не предпринимаются попытки свести стоимость человеческого капитала к заработной плате, поскольку последняя является лишь частью дохода (хотя и подавляющая), получаемая собственником человеческого капитала.

Проблему можно рассматривать как в терминах марксистского, так и неоклассического поля. Как известно, К. Маркс исходил из факта, что стоимость рабочей силы к моменту сделки между капиталистом и наемным работником уже определена. Стоимость рабочей силы в марксистской концепции определяется, как известно, фондом жизненных средств, необходимым для воспроизводства самого работника и его семьи. В свою очередь, этот фонд формируется под воздействием огромного количества факторов, наиболее значимые из которых следующие: здоровье, образование, необходимость создания семьи, национальные традиции и другие. Выраженный в денежной форме этот фонд выступает на поверхности явлений в форме цены рабочей силы, т. е. заработной платы, которая может отклоняться от своей объективной основы в ту или другую сторону в зависимости от соотношения спроса и предложения. «Если спрос и предложение покрывают друг друга, - пишет К. Маркс, - то при прочих равных условиях прекращается колебание цен. Но тогда спрос и предложение перестают и объяснять, что бы то ни было» [8, с.548]. В данном случае при равенстве спроса и предложения цена рабочей силы есть ее цена, определяемая независимо от соотношения спроса и предложения. Она, на наш взгляд, определяется ценой фонда жизненных средств. Это объективная величина, а, следовательно, «Эта средняя величина, конечно, должна определяться иначе, чем определяются взаимно компенсирующиеся отклонения от нее» [8, с.548]. Эта величина есть не что иное, как цена рабочей силы, которая господствует над стихийными рыночными ценами и регулирует их.

Для практического решения проблемы амортизации человеческого капитала необходимо на объективных основаниях определить его стоимость. Мы считаем, что общество должно располагать добротными методиками измерения и сопровождения изменений стоимости человеческого капитала в процессе его формирования и функционирования. В настоящее время проблема измерения человеческого капитала заняла достойное место в социально-экономических исследованиях. Однако все используемые модели решения этой важной проблемы не дают значимых результатов. Это связано с тем, что используемые модели измерения человеческого капитала не выявили значимой корреляция его роста ни во времени, ни в межстрановом разрезе. На наш взгляд, это связано с тем, что все используемые модели разработаны, исходя из необходимости определения количества человеческого капитала. Количественный подход продиктован признанием человеческого капитала частью искусственно создаваемого и воспроизводимого национального богатства.

Сегодня наиболее известны три подхода к измерению человеческого капитала. Первый основан на подсчете путем суммирования осуществленных в прошлом расходов, направленных на его формирование. Инвестиции в человека могут измеряться как натуральными, так и стоимостными показателями. Важнейшим недостатком данного метода является невозможность учета неявных и непрямых расходов, а с другой стороны, – неподдающаяся (во многих случаях) количественной характеристике зависимость между понесенными затратами и полученными результатами. Второй подход ориентирован на измерение человеческого капитала посредством оценки отдачи, выгоды, полученной сегодня, но связанной с человеческим капиталом, созданным в прошлом. Однако известно, что выгоды бывают как денежными, так и неденежными. Последние весьма затруднительно учитываются при измерении человеческого капитала. Например, выпускник престижного вуза, окончивший его с отличием, обладает большим запасом человеческого капитала. Один из случаев его неденежной выгоды состоит в снижении риска безработицы. Этот метод, как правило, основывается на учете отдачи в денежной форме, а, следовательно, снижает размер накопленного человеческого капитала.

Третий подход основывается на прямой оценке тех свойств населения, которые можно отнести к человеческому капиталу. Однако он не нашел широкого применения по причинам, связанными с техническими и методологическими трудностями, в частности, связанными с выделением и обоснованием количества свойств населения, подлежащих

учету; разработкой методики их оценки, приведением разноплановых показателей к единому знаменателю.

Четвертый подход – измерение человеческого капитала с помощью индексов. Полученные результаты на основе указанных выше подходов характеризуются огромными расхождениями. Соболева И. считает «... что истоки несовпадения результатов лежат на уровне теоретической концепции ...» [12, с.55]. Все подходы, по ее мнению, «...изначально нацелены на измерение несовпадающих подсистем человеческих способностей и свойств. При прямой оценке объектом измерения становится весь потенциал человека, вне зависимости от его происхождения и востребованности. Измерение по сумме инвестиций нацелено на воспроизводимую, создаваемую под воздействием специальных усилий подсистему способностей и свойств. Измерение по отдаче охватывает часть того, что создано искусственно, и часть от того, что генетически заложено, дано природой. При самом узком подходе измеряют ту часть человеческого капитала, которая создается целенаправленно и приносит денежные выгоды» [12, с.55].

Соглашаясь с точкой зрения Соболевой С. о недостаточной концептуальной обеспеченности используемых подходов и методик измерения человеческого капитала, следует отметить, что во всех подходах осуществляется сравнение затрат и выгод, понесенных издержек на формирование человеческого капитала с полученной полезностью в виде денежных и неденежных доходов. Поскольку полезность – субъективная величина, определяемая потребителем, а что касается человеческого капитала, то им является его покупатель, то есть собственник предприятия, то и оценка величины человеческого капитала осуществляется на этом уровне с теми же погрешностями, что и полезность, поскольку до сих пор неоклассическая теория не предложила удовлетворительных методик ее измерения.

По нашему мнению, проблема измерения человеческого капитала может быть успешно решена только в рамках проектов национального уровня. При этом подходы, методики и программы решения этой проблемы требуют разработки под эгидой государства специализированными институтами РАН. Методологическим стержнем концепции измерения человеческого капитала станет трудовая теория стоимости. Регулирование практических процессов должно, на наш взгляд, осуществляться на основе использования закона стоимости. Действие данного закона указывает не только на объективные основы экономического обмена – затраты труда, т. е. общественно необходимое рабочее время, но и на

механизм количественного их определения – посредством взаимодействия спроса и предложения [9, с.472]. Таким образом, закон стоимости регулирует процессы как сферы производства, так и сферы обращения и отражает интересы не только производителей, но и потребителей.

Решение проблемы воспроизводства и измерения человеческого капитала следует, по нашему мнению, осуществлять на следующих правовых и социально-экономических основаниях, которые требуют их воссоздания.

Первое и самое главное основание – признание в законодательном порядке собственности работника на свой человеческий капитал. Сегодня это не сделано, наверное, по той причине, что способности работника к труду нельзя отделять от личности их носителя.

Второе основание – объединение Национальных проектов, имеющих непосредственное отношение к формированию и развитию человеческого капитала. Этим решением будет подчеркнуто стремление государства осуществить системный подход к формированию, развитию и использованию человеческого капитала. Новый общегосударственный системный Национальный проект следует именовать «Человеческий капитал: его воспроизводство и измерение».

Третье основание – обеспечение право на труд конституционными гарантиями. Для этого необходимо изменить редакцию статьи 37 п.1. Конституции Российской Федерации. Вместо нормы «Труд свободен» дать - «Право на труд гарантируется». Сегодня право на жизнь конституционно гарантируется. Экономически эта гарантия обеспечивается правом на труд. Поэтому и право на труд должно в конституционном порядке гарантироваться.

Четвертое основание – изменение статуса наемного работника как «сторонняя организация», поставляющая производящему предприятию труд, на статус «внутренний собственник». Сегодня это объективная необходимость.

Пятое основание – законодательное обеспечение возмещения затрат собственнику человеческого капитала посредством амортизационного механизма. Это позволит, во-первых, избежать путаницы при формировании постатейного состава издержек производства и себестоимости продукции. Сегодня не оспаривается факт, что заработная плата является элементом добавленной стоимости, как и прибыль. При покупке рабочей силы в контракте фиксируется не заработная плата, а стоимость рабочей силы, которая, как мы уже показали, существовала уже к этому моменту, а добавленная стоимость, из которой будет выпла-

чена заработная плата, еще не создана. Поэтому в издержки производства должна включаться стоимость рабочей силы, а заработная плата будет выступать в качестве прибыли на человеческий капитал. Во-вторых, собственник человеческого капитала, как и собственник средств производства, получит гарантированный источник простого воспроизводства человеческого капитала. Что касается заработной платы, то она, по нашему мнению, будет в разы меньше, однако, в любом случае она будет источником расширенного воспроизводства человеческого капитала.

Исследования заработной платы в качестве источника воспроизводства человеческого капитала показали ее внутреннюю противоречивость (с точки зрения ее предназначения). В результате нашего исследования мы пришли к выводу, что собственник человеческого капитала получает гарантированный источник своего простого воспроизводства, заработная плата обеспечит расширенное воспроизводство человеческого капитала, а ее размер будет отражать реальный вклад ее получателя в производство добавленной стоимости.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бузгалин А., Колганов А. Человек, рынок и капитал в экономике XXI века // Вопросы экономики. – 2006. – С. 125-141.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Рус. яз., 2002. – Т. 4. – 688 с.
3. Добрынин А., Дятлов С., Курганский С. Методология оценки человеческого капитала // Экономика образования. Международный периодический журнал. – Кострома. – 1999. - № 1. – С. 8-19.
4. Капелюшников Р. Теория человеческого капитала. Форум Стратегии регионального развития // Интернет ресурс /region forum.ru. 2003.
5. Конституция Российской Федерации. – М.: Изд-во «Ось-89». – С.12 (ст. 37).
6. Кондаков Н. Логический словарь. – М.: «Наука», 1971. – 649 с.
7. Маркарян К. Человеческий капитал в постиндустриальном обществе. Автореф. дис. на соиск. Учен. Степени докт. экон. наук / Московский государственный университет управления М., 2005. – 60 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. - Соч.- 2-е изд. - Т. 23. – 907 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. М.: Политиздат, 1962. - Соч. – Т. 25, Ч. II. – 551 с.
10. Орлов А. Об экономической сущности амортизации// Вопросы экономики. – 2010. – № 3. - С.86- 96.
11. Семенов В. Методология современной политической эконо-

мии// Экономическая теория: истоки и перспективы. – М.: ТЕИС. – 2006. – 999 с.

12. Соболева И. Парадоксы измерения человеческого капитала // Вопросы экономики. – 2009. - № 9. – С.51-70.

13. Щетинин В. Человеческий и вещественный капитал: общность и различие // МЭ и МО. – 2003. - № 8. – С. 55-61.

14. Экономическая теория: учебник /под ред. А. Г. Грязновой, Т. В. Чечелевой. – М.: Изд-во «Экзамен», 2004. – 590с.

УДК 336

ОЦЕНКА КОНЪЮНКТУРООБРАЗУЮЩИХ ФАКТОРОВ РОССИЙСКОГО РЫНКА ЛЕГКОВЫХ АВТОМОБИЛЕЙ

Кобцев В.А.

ESTIMATION OF KONJUNKTURO-FORMING FACTORS OF THE RUSSIAN MARKET OF CARS

Kobzev V.A.

В статье доказано, что основным конъюнктурообразующим фактором, определяющим тенденции развития автомобильной отрасли и экономики (в целом) является увеличение объема продаж новых автомобилей в России в 2010 году. Важнейшими факторами, под воздействием которых происходят изменения, являются государственная программа по утилизации подержанных автомобилей и выдача льготных автокредитов.

In article it is proved that a principal cause of a defining tendency of development of automobile branch and economy, as a whole, are increase in sales volume of new cars in Russia in 2010. The major factor under which there are changes, the government program on recycling of second-hand cars and delivery of preferential auto credits is.

Ключевые слова: конъюнктура рынка, развития рынка, автомобильный рынок, объем продаж, анализ результатов

Keywords: market conditions, market development, the automobile market, sales, analysis of results

Изучение конъюнктуры рынка предполагает следующее: 1) оценку существующей ситуации (конъюнктуры) на рынке, 2) разработку прогноза развития рынка. На первой стадии необходимо определить тенденции развития отрасли и экономики (в целом) описать рыночную среду, определить объём рынка продукции, проанализировать темп его роста

и потенциал бизнеса. Объем производства легковых автомобилей в 2009 году в России был на 59,4% ниже результатов 2008 г. – всего произведено 596 тысяч легковых автомобилей, из них 305,8 тыс. шт. автомобилей иностранных марок. В то же время импортировано иномарок за 2009 год было 682,1 тыс.шт., то есть объем импорта более, чем в 2 раза превышал объемы производства в РФ. (В 2008 году было произведено 613 тыс. иномарок, импортировано 1476,7 тыс.шт. или на 58% больше) (рис. 1).

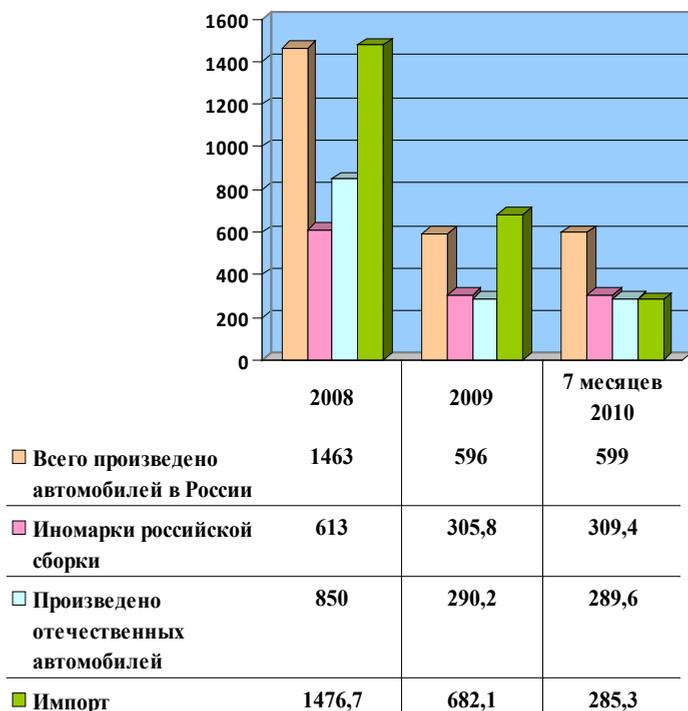

Рис. 1. Объем производства автомобилей в России

За пять предкризисных лет объем производства новых иномарок российской сборки вырос в 10,5 раз: менее 58 тысяч в 2003 году, до 613 тысяч автомобилей в 2008 г. В «кризисном» 2009 году, когда автомобильный рынок России сократился вдвое, производство иномарок снизилось в меньшей степени, чем производство традиционных российских автомобилей – 52,7% (объем производства легковых автомобилей традиционных отечественных марок снизился на 64%). Падение объема производства автомобилей было более значительным, чем падение объема

продаж, что объясняется распродажей машин, выпущенных в 2008 г.

За первые семь месяцев 2010 года в России было произведено 599 тысяч легковых автомобилей, в том числе, 309,4 тысяч автомобилей иностранных марок, что превысило общее количество сошедших с конвейеров иностранных заводов в РФ за весь 2009 год. За этот же период импорт иностранных автомобилей составил 285,3 тысячи шт. (уже снижение на 58%), и количество произведенных в России иномарок превысило импорт на 8% (24 тыс.шт.) [1]. Очевидно, что тенденция сохранится: в 2010 году объем производства «российских» машин иностранных марок сможет достичь порядка 590 тыс., а импортировано будет около 570 тыс.шт.

В русле этой тенденции продолжается строительство предприятий. Южнокорейский производитель Hyundai Motor Company 21 сентября запустил предприятие «Хендэ Мотор Мануфактуринг Рус» в Санкт-Петербурге, строительство которого было начато перед кризисом, в июне 2008 года. Объем планируемых инвестиций составил 500 млн. евро при мощности в 150 тысяч машин в год. С января 2011 года на заводе начнется производство субкомпактного седана Hyundai, разработанного в соответствии с предпочтениями российских покупателей и с учетом климатических условий России. В 2011 году Hyundai планирует произвести на этом заводе 100 тысяч автомобилей, а в 2012 году выйти на проектную мощность в 150 тысяч машин [2].

Получивший государственную поддержку АВТОВАЗ планирует достичь объема производства в 2010 году в 560 тысяч автомобилей – на 90% больше, чем в 2009 году (294,7 тыс. шт.). На европейском рынке автомобильный рынок России, претендовавший в 2008 году на лидерство, в 2009 году стал пятым в Европе по объему продаж (по итогам августа 2010 г. - на втором месте). По нашему мнению, такой результат обусловлен, кроме сезонных колебаний продаж в Европе, действием утилизационной программы в нашей стране. Крупнейшим европейским рынком остается Германия (1,9 млн. проданных машин), на втором – Франция (1 млн. 485 тыс. шт.), на третьем – Италия (1 млн. 386 тыс. шт.), на четвертом – Великобритания (1 млн. 300 тыс. шт.) и на пятом – Россия (порядка 1 млн. 50 тыс. шт.) (рис. 2).

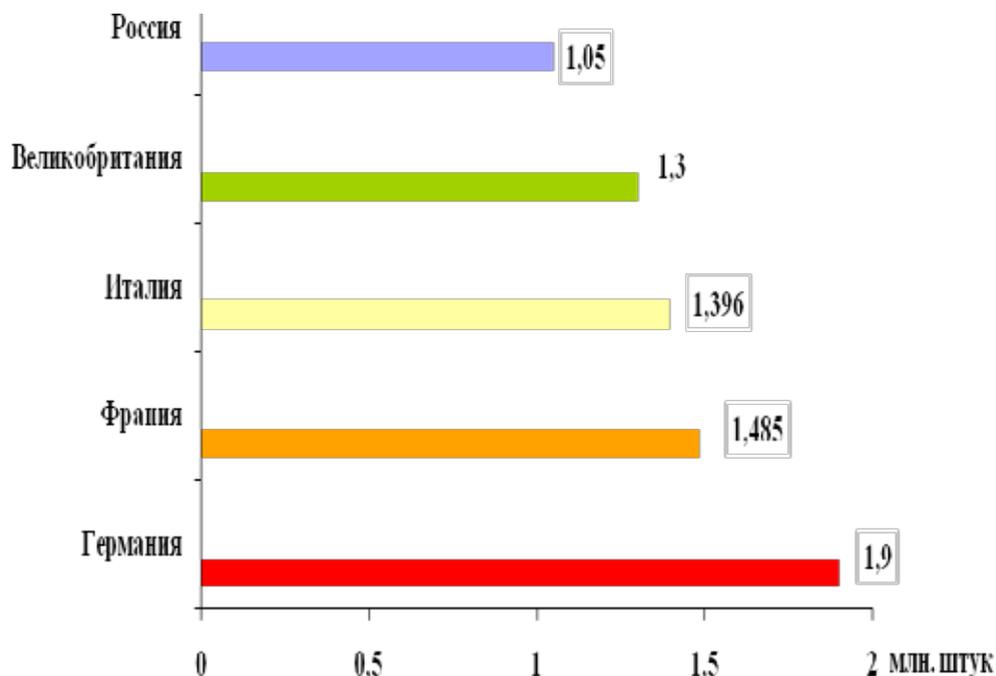

Рис. 2 . Объем продаж на крупнейших европейских рынках автомобилей, млн. штук.

Докризисного уровня роста (50%) российский рынок автомобилей достиг в июле 2010 года. Например, объем продаж японских автомобилей, который во время кризиса сократился в большей степени, показывает двузначный рост: в августе продажи Nissan увеличились на 86%, Toyota – на 63%, Mazda – на 36%. Рост продаж связан, во-первых, с выходом экономики из кризиса, во вторых, с институциональной деятельностью государства (в частности, увеличением квот для иномарок), в третьих, с маркетинговой политикой производителей (например, Toyota снизила цены на переднеприводную версию RAV 4). Впервые с начала кризиса самым продаваемым автомобилем стала Lada «классика». Благодаря действию программы утилизации, объем ее продаж с начала года рос быстрее рынка(в целом) на 78%, а в - на 195%. Самой продаваемой машиной иностранной марки по итогам восьми месяцев 2010 года стал Renault Logan.

Таким образом, главная тенденция рынка автомобилей – увеличение доли иностранных автомобилей российской сборки: если в 2009 году она составляла менее четверти продаж, то в 2010 году доля автомобилей иностранных марок на рынке вырастет до 35%, а к 2012 году

достигнет 40%. (рис. 3)

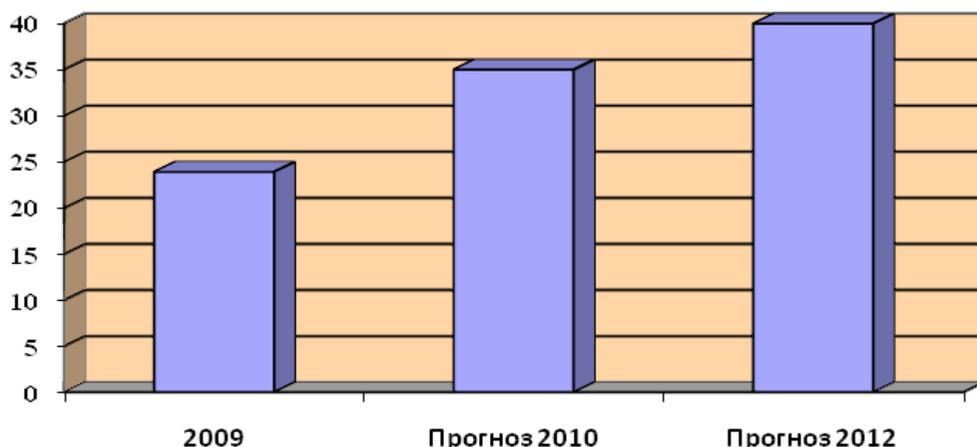

Рис. 3. Тенденция развития российского рынка автомобилей

Эта тенденция ставит под угрозу достижение такой цели «Стратегии развития автомобильной промышленности на период до 2020 года», как увеличение к 2020 году доли легковых автомобилей российского производства в общем объеме потребления на внутреннем рынке в натуральном выражении до 80% [3].

На второй стадии изучения конъюнктуры рынка должно стать рассмотрение факторов, под воздействием которых происходят изменения проанализированных выше показателей. Основным фактором является состояние автомобильного парка. На начало 2010 года автомобильный парк в РФ начитывал более 33 млн. единиц (к середине года – 33,8), а средний показатель обеспеченности автомобилями в России составил 233 шт. на тысячу жителей (к началу 2009 года - 225 шт., в 2008 году - 207 шт., а в 2007 г. - 188 штук автомобилей) (рис. 4).

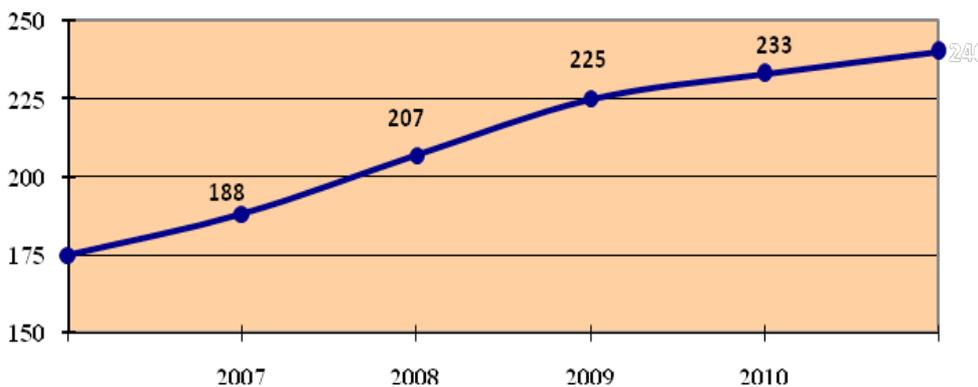

Рис. 4 . Обеспеченность автомобилями в России (штук на тысячу жителей).

Суммарная доля автомобилей российских марок неуклонно снижается, на них приходится около 60% парка страны. Общее количество иномарок к середине 2010 года увеличилось до 14,3 млн. (год назад насчитывалось 13,0 миллиона единиц). Среди отечественных моделей наиболее популярны автомобили марки Lada. Марочная структура отечественных машин представлена в таблице 1:

Таблица 1.

Топ-10 российский моделей

№	Модель	Штук
1	Lada Classik	7392919
2	Lada Samara	3534464
3	Lada 2110	1235763
4	Lada Niva	1035822
5	GAZ 3110	613197
6	UAZ 3151	470375
7	GAZ 3102	458518
8	GAZ 24	335191
9	Lada Priora	327365
10	Lada Kalina	326201

В первой десятке российских моделей шесть позиций занимает продукция АвтоВАЗа. Лидирующие позиции среди машин иностранного производства занимает японская Toyota (3,1 миллиона штук), на долю которой приходится 9,1% парка РФ. Второе место среди иномарок по распространенности на территории нашей страны занимает Nissan (1,2 миллиона автомобилей и 3,7% парка соответственно), третье место занимают автомобили Ford (909 тысяч единиц - 2,7%). Рекордные продажи 2008 г. обусловили особенности возрастной структуры автомобилей – преобладают автомобили 2008 года выпуска – около 3 миллионов (8,6%).

Вторым конъюнктурообразующим фактором на рынке автомобилей является спрос. Для анализа спроса на российском рынке необходимо знать не только структуру автопарка, но и сколько россиян имеют автомобиль, сколько планируют его приобрести и каким способом оплаты предпочтут воспользоваться. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) на февраль 2009 года, авто-

мобиль имеется в 39% российских семей (в т.ч. 2% имеют две или более машин) против 37% тремя годами раньше. Доля семей с автомобилями отечественных марок составляет 63% (из них у 49% - новая, а у 14% – подержанная машина российского производства)(табл. 2).

Таблица 2.

Сравнение результатов опроса ВЦИОМ[4]

Есть ли в Вашей семье автомобиль?		
	2006	2009
Да, есть один автомобиль	34	37
Да, есть больше одного автомобиля	3	2
Нет	63	60
Затрудняюсь ответить	1	1

Собираетесь ли Вы (Ваша семья), приобрести автомобиль? (в % от тех, у кого нет автомобиля)		
	2006	2009
Да, в течение ближайшего месяца	1	0
Да, в течение полугода	1	1
Да, в течение года	4	2
Да, в ближайшие 2-3 года	7	8
Нет	81	85
Затрудняюсь ответить	5	4

Каким образом Вы планируете приобрести автомобиль? (ответ, от тех, кто собирается покупать автомобиль)		
	2006	2009
Оформить покупку сразу за полный наличный расчет	44	27
Купить в кредит	46	30
Купить на деньги, взятые в долг у родственников, друзей	-	6
Затрудняюсь ответить	10	37

Анализ результатов опроса показывает, что за три года произошло значительное обновление личного автопарка за счет автомобилей ино-

странных марок: доля семей с автомобилями отечественных марок упала с 75% до 63% (причем, у 49% - новая, а у 14% – подержанная машина российского производства), а владельцев иномарок стало в полтора раза больше: с 27% в 2006 году до 41% теперь (в т.ч. 14% опрошенных имеют новую машину иностранного производства, 27% – подержанную). Главная причина, по которой российские потребители не собираются приобретать автомобиль, -отсутствие средств на покупку (47%.) Планируя приобретение автомобиля, больше трети россиян (37%) не знают, на какие средства будут его покупать. Еще треть (30%) планирует купить автомобиль в кредит - чаще всего это домохозяйства с доходом от 3 до 5 тыс. рублей на члена семьи (40%); почти треть - 27% - за наличный расчет (с доходом от 1501 р. до 3000 р. на одного члена семьи – 41%). Еще 6% намерены взять деньги в долг у родственников или друзей.

Специалисты аналитического агентства «АВТОСТАТ» выяснили, что за последние три с половиной года каждый седьмой россиянин совершил покупку автомобиля [5]. Несомненное влияние на оживление конъюнктуры рынка оказала государственная программа по утилизации подержанных автомобилей старше 10 лет, стартовавшая в России в марте 2010 г. Правительство выделило на нее 11 млрд. рублей, и программа вызвала спрос. Все 200 тысяч сертификатов были выбраны уже в июне, а на некоторые модели АвтоВАЗа образовалась очередь продолжительностью в несколько месяцев. Апрель 2010 года стал первым полным месяцем, в течение которого действовала программа, в апреле объем продаж вырос впервые с октября 2008 года. Больше всего от государственной поддержки выигрывает АвтоВАЗ, на продукцию которого приходится 70–80% общего объема продаж по программе утилизации (это 47,7 тысячи автомобилей) и больше 50% по программе льготного автокредитования. Из иномарок утилизация стимулировала продажи Renault (3,7 тысячи авто) и Ford (около 2,5 тысяч машин).

Производители автомобилей «ГАЗ» запускают собственные программы утилизации по легковым и коммерческим автомобилям. Первая из них предназначена для покупателей коммерческих автомобилей семейств «ГАЗель» и «Соболь», которые не попадают под действие федеральной или нижегородской региональной утилизационных программ (скидка от 50 до 70 тысяч рублей). Вторая – для покупателей легковых автомобилей Volga Siber (скидка – 70 тысяч рублей), причем, эта скидка может суммироваться со скидкой по государственной программы утилизации. Срок действия обеих программ – до 31 декабря 2010 года [7]. В программах «Группы ГАЗ» отсутствуют ограничения по форме соб-

ственности – они действуют как для физических, так и для юридических лиц. Кроме того, отсутствуют ограничения по возрасту автомобиля и до минимума снижены требования по сроку владения автомобилем.

В конце февраля 2010 года была возобновлена выдача льготных автокредитов, и на 3 сентября банки выдали 101672 автокредита по субсидированным государством ставкам и приняли 223273 заявки. Доля автомобилей, купленных по льготным кредитам с апреля по декабрь 2009 года, составляла 6,6% в общем объеме реализации российского авторынка, а в марте-июле 2010 года - уже 10,9% [8]. Программа субсидирования потребительских автокредитов рассчитана до конца года. По условиям участия в программе первоначальный взнос составляет 15%, максимальная стоимость автомобиля российского производства - 600 тысяч рублей, кредит предоставляется на 36 месяцев под банковский процент 15–18% годовых за вычетом 2/3 ставки рефинансирования ЦБ России.

Таким образом, основными конъюнктурообразующими факторами, определяющими тенденции развития отрасли и экономики (в целом), являются увеличение объема продаж новых автомобилей в России в 2010 году, достигшее докризисного уровня роста (50%). Главная тенденция рынка автомобилей – увеличение доли иностранных автомобилей российской сборки, приводящая к росту производства автомобилей иностранных марок и строительству предприятий. Важнейшими факторами, под воздействием которых происходят проанализированные выше изменения, являются государственная программа по утилизации подержанных автомобилей и выдача льготных автокредитов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. <http://www.autostat.ru/news.asp?n=6901>
2. <http://www.autostat.ru/news.asp?n=7008>
3. <http://www.autostat.ru/news.asp?n=6992>
4. <http://www.minprom.gov.ru/press/release/showNewsIssue?url=activity/auto/news/189>
5. http://www.avto.ru/review/post_17476.html
6. <http://www.autostat.ru/news.asp?n=6909>
7. <http://www.autostat.ru/news.asp?n=7006>
8. <http://www.autostat.ru/news.asp?n=6962>

УДК 65.0

**МАРКЕТИНГОВЫЕ НА РЫНКЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
УСЛУГ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ
«НОВОЙ ЭКОНОМИКИ»**

Пржедецкая Н.В.

**MARKET RESEARCH IN EDUCATIONAL MARKET
SERVICES IN TURN OF FORMATION
OF “NEW ECONOMY”**

Przhedetskaya N.V.

В статье рассматривается роль маркетолога при сборе, обработке и анализе информации на рынке образовательных услуг, показан механизм выработки цели маркетингового управления развитием экономических агентов рынка образовательных услуг. Автором предложено формирование маркетинговой стратегии вузов и даны определения их «продуктам».

The role of the marketer during the collecting, processing and analysing information at the market of the educational services is considered in the article. There is shown the make-mechanism of the goal of the marketing management of the economic agents' development in the educational services' market. Furthermore the organization of the marketing strategy of the universities is suggested and its “products” are defined.

Ключевые слова: маркетинговые исследования, образовательная услуга, реализация инновационного потенциала вуза.

Keywords: marketing researches, educational service, realization of the innovative potential of the university.

С учетом интеллектуализации управленческого труда одним из доминантных оснований управленческих решений является информация, понимаемая как совокупность сведений об изменениях, совершающихся в системе, которая уменьшает степень неопределенности знаний о конкретном объекте. Определим перечень задач поискового исследования: сформулировать проблему или ее скорректировать; определить альтернативные направления действий; разработать гипотезы; выделить ключевые переменные и взаимосвязи для дальнейшего изучения; обосновать разработку того или иного варианта подхода к решению проблемы; установить приоритеты для дальнейшего исследования. На этой стадии маркетолог имеет весьма расплывчатое представление о том, какая именно информация ему необходима, а сам процесс исследова-

ния гибок и неструктурирован, например, он может состоять из личных интервью с отраслевыми экспертами. Выборка характеризуется небольшими размерами и не является репрезентативной; первичные данные – качественными. Учитывая эти характеристики процесса исследования, его результаты должны рассматриваться как предварительные или как исходные для дальнейшего изучения. В соответствии с дальнейшими поисковыми или итоговыми задачами.

Качественное маркетинговое исследование в области управления образованием основано на малых выборках, с его помощью можно определить, какими ощущениями и чувствами руководствуются покупатели. Однако услуги ведущих маркетологов дороги. Кроме того, интервьюер может влиять на результаты опроса. Основными методами качественных исследований являются фокус-группа, глубинное интервью, тестирование. Они позволяют понять, как воспринимается товарная категория, узнать опыт клиентов от общения с товарами/марками, исследовать эмоции и глубинные побудительные мотивы людей.

В процессе управления практически значимые цели компании проявляются с учетом конкретных интересов со стороны клиентов, органов власти, профессиональных объединений, заинтересованных организаций. На выработку практически значимых целей управляющей компании на основе определения информационного поля влияет не только формирование ее объективно обусловленных интересов, но и учет экономических интересов контрагентов, вступающих с ней в контрактные отношения.

Исследование интересов контрагентов и стейкхолдеров становится важным этапом моделирования маркетинговых исследований на основе определения информационного поля экономических агентов рынка образовательных услуг, прежде всего обучающих организаций. Используя все вышеперечисленные методы, вырабатываются цели маркетингового управления развитием экономических агентов рынка образовательных услуг и пути ее реализации:

1. исследование конкретного состояния свойств, присущих обучающим организациям как управляющим компаниям рынка образовательных услуг;
2. определение экономического интереса обучающих организаций;
3. исследование конкретного состояния свойств реальных и потенциальных потребителей услуг обучающих организаций;

4. определение экономических интересов конкретных групп реальных и потенциальных потребителей услуг обучающих организаций;
5. определение механизма сочетания интересов обучающих организаций и выделенных конкретных групп потребителей;
6. определение цели управления деятельностью обучающих организаций;
7. определение путей достижения цели маркетингового управления развитием обучающих организаций на основе системы риск-менеджмента.

Информационное обеспечение маркетингового исследования на основе определения информационного поля состоит из разного рода и вида информации: статистической, экономической, коммерческой, финансовой и т. п. Эта информация включает осведомленность о вероятности того или иного страхового случая, страхового события, наличии и величине спроса на товары, на капитал, финансовой устойчивости и платежеспособности своих клиентов, партнеров, конкурентов, ценах, курсах и тарифах (в том числе, на услуги страховщиков, сведения об условиях страхования, о дивидендах и процентах и т. п.) [1].

В сетевой экономике складывается тенденция к диалектическому тождеству объектной и субъектной структур рынка образовательных услуг. Эта система моделируется в виде иерархии структурно-уровневых институтов, создающих глобальный инновационный механизм итоговых маркетинговых исследований, с их помощью проверяются гипотезы и исследуются взаимосвязи между переменными. На основании панельных данных можно делать выводы о том, какие факторы влияют на рыночное поведение целевой аудитории на рынке образовательных услуг, как потребители образовательных услуг реагируют на коммуникационную активность участников рынка, как извлечь максимальную выгоду из текущей ситуации и преуспеть в конкурентной борьбе. В медиапанелях электронные приборы ежедневно фиксируют поведение потребителей. Пробный маркетинг (или тестирование рынка) – это вид контролируемого эксперимента, который проводится на ограниченной части всего рынка, называемой пробным рынком. Эксперимент представляет собой воспроизведение в рамках пробного рынка маркетинговой программы, планируемой для всего рынка. Часто в ходе пробного маркетинга варьируется ряд независимых факторов с одновременной регистрацией значений зависимых факторов для определения оптимальной маркетинговой стратегии.

Российский рынок образования развивается высокими темпами. Развитие рынка образовательных услуг характеризуется рядом инновационных тенденций. 1 декабря 2007 г. были внесены поправки в «Федеральный закон о высшем и послевузовском профессиональном образовании». Данные поправки предписывают всем вузам РФ в течение двух лет перестроить свои учебные планы и перейти на двухступенчатую систему образования «бакалавр–магистр». Процесс перехода на двухступенчатую систему образования является составной частью Болонского процесса, к которому Россия присоединилась в сентябре 2003 г., и призван повысить эффективность системы высшего образования, благодаря повышению качества услуг и расширению их спектра.

Внедрение двух ступеней образования дает российским вузам возможность более быстро и четко реагировать на изменение запросов со стороны рынка труда. Очевидно, что четырехлетние программы бакалаврского уровня характеризуются высокой степенью стандартизации, а потому их сложнее быстро адаптировать к текущим изменениям спроса. Однако данные программы и не ставят такой задачи, так как на уровне бакалавриата студенты должны получить общее образование, дающее им базу для дальнейшей специализации.

Что касается магистерских программ, то их двухлетний формат дает возможность реагировать на изменение рынка путем корреляции учебных планов уже существующих программ или открытия новых. В изменившихся условиях вузы выступают на уровне магистратуры как субъекты рынка, которые должны, используя все элементы маркетинга, продавать свою услугу (а именно свои образовательные программы магистрам) и обеспечивать подготовку выпускников, востребованных на рынке труда. Для более четкого определения особенностей формирования маркетинговых стратегий вузов необходимо определить, что является «продуктом» вузов.

1. *Образовательная услуга.* Все приводимые в литературе определения услуги учитывают ее нематериальный характер и неотделимость в процессе «производства» от клиента – потребителя услуги. Образовательную услугу можно определить как совокупность различных видов целесообразной деятельности, удовлетворяющей потребность субъекта в образовании и/или сертификате, дипломе или ином документе, подтверждающем при необходимости качество и престиж полученного образования, а также дающем возможность претендовать на определенные социальные позиции после его получения.

Под «целесообразной деятельностью» понимается совокупность нематериальной (невещественной) составляющей (диалоговый процесс обучения) и материальной (вещественной) составляющей (учебный план, программы курсов, раздаточные материалы и т. п.), без которой невещественная составляющая отвечает поставленным целям, но в меньшей степени. При попытке дать определение образовательной услуге, которое может реально использоваться в планировании деятельности вуза, необходимо также учитывать ее «трудоемкость». Здесь имеется в виду неотделимость услуги от людей, предоставляющих их (к ним можно отнести консультантов и т. п.).

Необходимо отметить также сложный характер экономических отношений, объектом которых является образовательная услуга. Они складываются не напрямую между потребителем и производителем образовательной услуги, а отдельно - между учебным заведением, берущим на себя функции по производству, распределению и обмену, автором – разработчиком образовательной услуги, преподавателем, осуществляющим ее оказание (если это два разных лица), и - между учебным заведением и заказчиком образовательной услуги. Экономические отношения последних также важно разделить на два процесса: оплату образовательных услуг и их потребление. Таким образом, необходимо различить потребителя-покупателя (заказчик и плательщик) и потребителя-клиента (сам обучающийся). Это очень важно при разработке маркетинговой стратегии учебного заведения: объектом маркетинговых усилий должен стать, прежде всего, потребитель-покупатель как субъект, производящий оплату образовательной услуги или организуемый такую оплату со стороны третьих лиц. Первым может являться не только физическое лицо, но и различные институциональные и иные субъекты.

Сложность характера образовательной услуги на этом не заканчивается, процесс ее потребления также вовлекает субъектов в экономические отношения. Когда потребителем-покупателем является работодатель, потребитель-клиент может вступить с ним в экономические отношения (работодатель может заключить договор со своим сотрудником, защищающим интересы первого). В управленческой деятельности необходимо учитывать специфические характеристики образовательной услуги: нематериальность (образовательную услугу сложно попробовать, почувствовать или посмотреть образцы и оценить качество до использования); неотделимость (процесс производства образовательной

услуги сложно отделить от личности и имиджа преподавателя); непостоянство в использовании и качестве (количество потребителей может меняться время от времени и качества оказания услуг); недолговечность (образовательные услуги должны быть потреблены во время производства, сложно их накапливать «про запас»); трудоемкость (услуги обычно в большей степени зависят от качества и способностей персонала, едва ли возможно достичь их масштабной экономии); к образовательной услуге применяются высокие стандарты как юридические, так и этические. Качество образовательных услуг регулируется действующими образовательными стандартами.

Итак, что входит в образовательную услугу, предлагаемую вузами? В первую очередь, выпускник программы получает диплом или сертификат, подтверждающий его квалификацию. Помимо знаний, в образовательную услугу входит получение навыков и умений (компетентностей). Компетентностный подход к образованию появился относительно недавно и напрямую связан с внедрением принципов Болонского процесса в высшем образовании. Развитие навыков и умений предполагает перенос центра тяжести образовательного процесса на самостоятельную работу. Получая образовательную услугу, потребитель приобретает связи в деловых кругах, а также создает коммуникационную сеть из своих сокурсников и т. п. Покупая услугу, потребитель не может знать заранее о качестве получаемого образования, он руководствуется исключительно имиджем качества, созданным вузом/программой на рынке образования. Покупается, в первую очередь, обещание получить все перечисленные знания, навыки и умения, а также обещание высоких заработков на рынке. Принимая во внимание характер образовательной услуги и ее особенности, можно предложить рекомендации относительно формирования элементов маркетинга (продукта, цены, каналов распределения и продвижения), используемых при разработке стратегий.

2. Товарная политика. В данном случае необходимо реализовывать стратегии, направленные на построение и поддержание имиджа качества образовательных программ, ассоциирование имени вуза с имиджем известных профессоров, преподавателей, поддержания уровня качества образовательных услуг, их изменения, исходя из новых потребностей рынка труда, а также дифференциацию услуг по потребителям для удовлетворения их нужд во время потребления. Необходимо отбирать, мотивировать и повышать квалификацию профессорско-преподавательского состава для достижения высокого качества образовательных программ.

Высоки требования к этическим нормам поведения сотрудников. Учитывая нематериальный характер образовательной услуги, имеет смысл уделять особое внимание материальным сопутствующим продуктам (учебники, программы курсов, раздаточные материалы и т. п.)

3. *Ценовая политика.* Речь идет о платных программах. Высокие цены могут подтвердить высокое качество программы. При ценообразовании необходимо учитывать, что основные затраты идут на оплату труда, поэтому цены на услуги будут расти.

4. *Каналы распределения и распределительная политика.* Каналы распространения ограничены персонифицированностью оказания услуг. Важно, чтобы были доступны распространители услуг. Многие западные университеты нанимают представителей или агентов, задача которых информировать и привлекать потенциальных студентов. Имеет значение месторасположение и само помещение вуза, что может повысить имидж качества.

5. *Коммуникационная политика и продвижение.* Реклама имиджа, выступления ученых на конференциях, дни открытых дверей. Реклама должна соответствовать периодам предоставления услуг. Участие в рейтингах вузов. Аккредитация учебных программ в аккредитационных агентствах.

6. *Реализация инновационного потенциала вуза.* Одним из способов создания имиджа качества является присутствие вуза или образовательной программы в рейтингах. В большинстве случаев доступные рейтинги касаются, в первую очередь, управленческого образования. Тем не менее, вузам, продающим свои образовательные услуги, имеет смысл знать ключевые характеристики, которые оцениваются при составлении рейтингов. Это даст возможность определить точки приложения усилий. Показатели, учитывающиеся при составлении рейтингов, можно условно разделить на две группы. Первая оценивает так называемую добавленную стоимость к рыночной стоимости студента, а вторая связана с оценкой качества программы. Если первая группа показателей дает нам представление о том, как рынок оценивает выпускников той или иной программы, насколько правильно образование отвечает запросам рынка труда, то вторая группа позволяет заглянуть нам внутрь вуза и оценить его преимущества и недостатки.

Остановимся подробнее на второй группе показателей. К ней относятся содержание программы, интенсивность исследовательской работы профессорско-преподавательского состава, зарплата персонала, доля

преподавателей, имеющих степени, использование информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе, а также кейс-метода. В наше время финансирование высшего образования является серьезной проблемой во всем мире. Недофинансирование бюджетов университетов приводит к следующим последствиям: рост использования труда внештатных сотрудников или «почасовиков», относительная непопулярность академической карьеры, рост случаев финансовой несостоятельности. В создавшихся условиях многие вузы вынуждены пересматривать свою организационную структуру, делать ее более бизнес-ориентированной.

Интересен опыт Политехнического университета Милана (Италия). В начале 2000-х гг. Политехнический университет столкнулся с проблемой сокращения государственного финансирования. Встал вопрос о реформировании структуры университета, о том, как сделать ее в большей степени отвечающей запросам рынка. В связи с этим была полностью пересмотрена организационная структура университета. Основным структурным звеном стали научные кафедры, а не факультеты. Кафедры являются центрами исследований и финансирования, они приносят прибыль в бизнес-структурах.

Факультеты отвечают только за учебный процесс. Декан факультета (или директор учебных программ) связывается с кафедрами и «нанимает» профессоров на чтение того или иного курса. Руководитель кафедры принимает решение о том, кто будет читать курс. Таким образом, структура университета стала матричной. Профессора подчиняются кафедрам по вопросам исследовательских проектов и факультетам по вопросам учебной нагрузки. Тем не менее, основным местом работы профессоров являются кафедры, а не факультеты. Введение новой организационной структуры потребовало внедрения принципиально нового подхода к оценке труда профессоров. Оценка качества труда производится по трем критериям:

а) Качество и количество преподавания. С одной стороны, оценивается количество студентов и лекций у профессора, с другой – проводится анкетирование студентов после завершения каждого курса. Данный показатель имеет вес 50% в интегральной оценке труда профессорско-преподавательского состава. Количество научных публикаций в реферируемых журналах (все журналы разделены на три категории, начиная с журналов, имеющих мировое признание, каждая из категорий имеет свой вес). Показатель публикации в журналах имеет вес (35%).

б) Сумма привлеченных фондов. Учитываются заказы от предприятий, гранты, совместные проекты и т. п. (данный показатель имеет вес 15%). При таких условиях профессор должен быть динамичным человеком, одновременно заниматься преподаванием, научными исследованиями и самостоятельным поиском финансирования, подчас, даже выступая в роли предпринимателя, продвигающего свои идеи в бизнес-проекты. Для успешного функционирования на рынке при университете созданы консорциумы и ассоциации, не являющиеся государственными предприятиями. С их помощью университет ищет проекты и финансирование на исследования. Появление автономных структур связано с трудностями при заключении контрактов в самом университете.

Подводя итоги, необходимо выделить новые факторы повышения конкурентоспособности и качества образовательных услуг вузов. Высшее образование во всем мире сталкивается с проблемой финансирования.

В России важную роль в повышении инновационного потенциала вузов могут сыграть международные и национальные программы, проводимые государством и другими организациями. Они позволят улучшить качество учебных программ, повысить квалификацию профессорско-преподавательского состава, а также улучшить материально-техническую базу вуза.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белов П. Менеджмент техногенного риска: категории, принципы, методы // Стандарты и качество. – 2004. – № 7. – С. 36.
2. Домарев В.В. Безопасность информационных технологий. Системный подход. К.: ООО ТИД «Диасофт», 2004. – С. 159.
3. Зима В.М., Котухов М.М., Ломако А.Г., Марков А.С., Молдовян А.А. Разработка систем информационно-компьютерной безопасности. – СПб.: ВКА им. А. Ф. Можайского, 2003. – С. 211.
4. Концепция создания и развития системы дистанционного образования в России. – URL: <http://www.informika.ru>.
5. Макквейр Э. Методы маркетингового исследования. – СПб.: Питер, 2006.
6. Федеральный закон «Об образовании» // Российская газета. – 1996. – 23 января.

УДК 331.658.336

КОМПОНЕНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ТОРГОВЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Чердакова А.В.

COMPONENTS OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF TRADING EXPERTS

Cherdakova A.V.

В статье рассматриваются проблемы, связанные с профессиональным развитием персонала, формированием компетенций и их оценкой, а также вопросы материального стимулирования торговых специалистов, способствующие не только росту производительности их труда, но и профессиональному развитию и карьере.

The article discusses immediate problems of professional personnel development, competences formation, valuation, questions of material stimulation of the trading experts, promoting growth not only their labor productivity, but also professional development and career.

Ключевые слова: профессиональное развитие, компетенции, мотивация, материальное стимулирование, вознаграждение.

Keywords: professional development, the competence, motivation, material stimulation, compensation.

В современных условиях актуальным для крупных торговых компаний остается проблема поиска эффективных методов управления развитием торговых специалистов с целью снижения текучести персонала и устранения дефицита кадров. В сложившейся ситуации на рынке труда дефицита квалифицированных торговых специалистов в сегменте сетевой розничной торговли одним из конкурентных преимуществ крупных торговых компаний может выступить предоставление интересного компенсационного пакета, а также возможность профессионального роста до топовых позиций, начиная с линейной должности.

Современная академическая подготовка специалистов для торговой отрасли не соответствует практическим требованиям, профессиональные знания и навыки специалисты восполняют в профессиональной деятельности, устраиваясь на работу в те крупные компании, в которых хорошо развита система обучения. Актуальной проблемой для крупных торговых компаний выступает создание социальных и экономических условий, способствующих раскрытию трудового потенциала торговых

специалистов, повышению их квалификации, заинтересованности продолжительно трудиться на благо компании.

Профессиональное развитие персонала предполагает развитие компетенций, включающие профессиональные знания, умения, навыки. Именно развитие компетенций и открывают тот трудовой потенциал, который необходим для осуществления профессиональной деятельности. Компетентность неразрывно связана с опытом работы в профессиональной деятельности, а следовательно, развитие компетенций и представляет собой раскрытие трудового потенциала работника, а как результат данного процесса - приобретение профессионализма - глубокого овладения профессией, качественного, профессионального исполнения. Анализируя опыт крупных торговых компаний в обучении и развитии компетенций у торговых специалистов, можно выделить основные, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Основные компетенции торговых специалистов

№ п\п	Компетенция	Качества соответствующие компетенции
1	Клиентоориентированность	Культура общения, грамотность речи, доброжелательность, вежливость, такт; инициативность; приятная внешность, улыбка, умение распознать клиента, умение заинтересовать клиента; чувство меры и вкуса; коммуникабельность, терпение, умение выйти(или не создать) из конфликтной ситуации, не теряя своего достоинства; недопустимость панибратства; знание ассортимента магазина; знание о товаре и его применении; умение работать с сомневающимися клиентами; знание о наличии товара.
2	Уважение	Умение уважать чужое мнение, соблюдать вежливость и корректность к коллегам, администрации.
3	Саморазвитие	Самосовершенствование, умение напоминать коллегам о важности развития.

4	Работа в команде	Честность; дисциплинированность, добросовестность, взаимовыручка, отзывчивость; коммуникабельность, терпимость, умение понять, взаимоуважение; неконфликтность.
5	Эффективность	Способность достигать результаты при минимальных затратах, приводящих к увеличению прибыли при незначительном увеличении вложений.
6	Ответственность за результат	Признание собственных ошибок и своевременное их исправление.
7	Мотивация	Заинтересованность в выполняемых должностных обязанностях.
8	Проведение инноваций	Инициатива в усовершенствовании текущих процессов и введению новых.
9	Понимание бизнеса	Мониторинг рынка компании

В крупных торговых компаниях оценка компетенций специалистов проводится по методу «360°», позволяющему сделать взаимную оценку всех сотрудников компании. По проведенному анализу компетенций у торговых специалистов в магазине крупной торговой компании выявлен невысокий уровень такого качества профессионального продавца (клиентоориентированность), как умение решать проблемы выбора товара для покупателя (данный критерий находится в пределах от 34% до 52%).

Материальное стимулирование специалистов. Профессиональное развитие специалистов необходимо подкреплять материальными и моральными стимулами. При разработке в компании системы поощрения следует исходить из того, что она должна:

а) предусматривать поощрения за конкретные показатели, на которые работники оказывают непосредственное воздействие и которые наиболее полно характеризуют участие каждого работника в решении задач, стоящих перед ними;

б) устанавливать меры поощрения за успехи в труде так, чтобы за более высокие достижения применялись более значимые меры поощрения;

в) обеспечивать уверенность в том, что при условии выполнения принятых обязательств работники будут поощрены в соответствии с достигнутыми результатами;

- г) усиливать заинтересованность каждого работника в постоянном улучшении его производственных показателей;
- д) быть простой, доходчивой и понятной для работников;
- е) обеспечивать своевременное и гласное применение поощрений.

Механизмы формирования и функционирования мотивации, т.е. всей совокупности побуждений к трудовой деятельности, стимулирование определенного поведения работника обусловлены самими условиями труда, его организацией, а также уровнем управления предприятием и другими факторами. Эти механизмы не могут сводиться только к поощрениям: их применение предусматривает создание такой атмосферы, такого морально-психологического климата, при котором в коллективе хорошо знают, кто и как работает, а каждому воздается по заслугам. Яковлев Р.А. отмечает, что Трудовой Кодекс РФ на сегодняшний день не содержит статей, прямо регулирующих организацию стимулирующих выплат работникам. Работодатель может вводить любые виды стимулирования (доплаты, надбавки или премии), определять их размеры, равно как и соотношения с оплатой по окладам. В то же время введение систем стимулирования не должно приводить к нарушению принципа обеспечения права каждого работника на выплату справедливой заработной платы и несоблюдению работодателем обязанности обеспечивать равную оплату за труд равной ценности.

Проведенная сравнительная оценка систем материального стимулирования в торговых компаниях (табл. 2) показывает, что расхождения в размерах должностных окладов составляет в 0,6 - 2,6 раза. Оценивая применяемую систему мотивации компаний можно сделать вывод о том, что чем крупнее компания - тем выше должностной оклад, более стандартизирована система мотивации, а чем ниже должностной оклад торговых специалистов - тем разнообразней премиальная система, позволяющая мотивировать к труду, саморазвиваться и профессионально расти.

Таблица 2.

Сравнительная оценка должностных оклада основных торговых специалистов магазина

Должность	Детский мир, должностной оклад, руб	ООО «Мобиленд» должностной оклад, руб	Относительная величина сравнения
Директор	48000	20 000	2,4

Продавец (старший продавец)	14900	5 800	2,6
Администратор (менеджер торгового зала)	23100	12 760	1,8
Товаровед (менеджер по приему и обработке товара)	17400	10 440	0,6

Материальное стимулирование способствует повышению трудовой мотивации, а, следовательно, совершенствованию профессиональных навыков. Проведенное исследование материального стимулирования специалистов в крупных торговых компаниях позволяет структурировать компенсационный пакет по вознаграждению (табл. 3)

Таблица 3.

Структура вознаграждения специалистов
в компенсационном пакете крупных торговых компаний

№ п/п	Вид вознаграждения	Постоянная часть	Премиальная часть
1	Должностной оклад	+	-
2	Премия за выполнение плана продаж	-	+
3	Премия за выполнение планов по ключевым показателям эффективности (KPI) Квартальная премия за выполненные ключевые показатели эффективности в процентах от фонда квартальной премии по: 1. Качество обслуживания 2. Процента сопутствующего товара 3. Количество контрактов 4. Процента настроек	-	+

4	Административный процент (управление персоналом магазина)	+	-
5	Премия от оборота	-	+
6	Премия наставника	+	-
7	Классность (надбавка за мастерство, профессионализм)	+	-
8	Премия за выполнение планов по кредитам	-	+
9	Фонд директора магазина (премии)	-	+
10	Фонд директора по продажам (премии)	-	+
11	Доплата за работу в вечернее и ночное время, выходные дни	+	-
12	Надбавка за стаж работы в компании	+	-

Результаты исследования показывают, что значительная часть вознаграждений специалистов является премиальной и зависит от выполнения планов по обороту, продажам. Таким образом, основными компонентами профессионального развития торговых специалистов выступают компетенции, подкрепляемые материальными стимулами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Богатыренко З.С. Поощрение за успехи в работе: открывая новое, не забывая о накопленном опыте./Кадры предприятия №1 2002.
2. Яковлев Р.А. Положение об особенностях оплаты труда продавцов-консультантов./Справочник кадровика № 10, 2009.
3. Результаты диссертационного исследования автора (по таблицам).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

АВЕДОВА Рената Петровна - преподаватель кафедры английского языка гуманитарных факультетов, ГОУ ВПО «Южный Федеральный Университет».

Адрес: 300006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.

АГАХАНОВА Ракужат Абасовна - ассистент кафедры математики и информатики, Махачкалинский филиал Московского автомобильно-дорожного института (Государственного технического университета).

Адрес: 367026, Республика Дагестан, г. Махачкала, пр. Шамиля, 1.

БРАЧУН Татьяна Анатольевна - кандидат экономических наук, доцент кафедры информатики, ГОУ ВПО «Северо-Восточный государственный университет».

Адрес: 685000, г. Магадан, ул. Портовая, 13.

ВЕЗИРОВ Тимур Гаджиевич – доктор педагогических наук, профессор кафедры методики преподавания математики и информатики, ГОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет».

Адрес: 367950, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Гамидова, 17.

ВЕЗИРОВА Назиле Тимуровна – аспирант кафедры методики преподавания математики и информатики, ГОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет».

Адрес: 367950, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Гамидова, 17.

ВОДЕНКО Константин Викторович – кандидат философских наук, доцент кафедры дизайна и культурологии, ГОУ ВПО «Южно-Российский государственный технический университет» (Новочеркасский Политехнический Институт).

Адрес: 346428, Ростовская область, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132.

ГАБАРАЕВА Нона Валерьевна – старший преподаватель кафедры трудового и предпринимательского права юридического факультета, ГОУ ВПО «Горский государственный аграрный университет».

Адрес: 362040, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. генерала Масленникова, 1.

ГАЙДАЙ Татьяна Николаевна – преподаватель ГОУ СПО «Детчинский аграрный колледж.

Адрес: 249096, г. Малоярославец, ул. Григория Соколова, 40-57.

ГАЙЛОМАЗОВА Елена Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского и иностранных языков, ГОУ ВПО «Ростовский институт защиты предпринимателя».

Адрес: 344082, г. Ростов-на-Дону, проспект Буденновский, 86.

ДЖИОЕВА Дзерасса Аполлоновна - кандидат философских наук, доцент кафедры философии, ГОУ ВПО «Горский государственный аграрный университет».

Адрес: 362040, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, улица Кирова, 37.

ИГНАТОВА Антонина Анатольевна – аспирант кафедры философии и методологии науки, ГОУ ВПО «Южный Федеральный Университет».

Адрес: 300006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.

КАМАЛОВА Ольга Николаевна - кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии и философии науки, ГОУ ВПО «Южный федеральный университет».

Адрес: 344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33.

КОБЦЕВ Валерий Александрович - аспирант северо-кавказского научного центра высшей школы, ГОУ ВПО «Южный Федеральный Университет».

Адрес: 344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140.

КОКОРИН Сергей Анатольевич – соискатель Волгоградской академии МВД РФ.

Адрес: 400131, г. Волгоград ул. Краснознаменная, 17.

КУЗНЕЦОВ Юрий Валентинович – кандидат философских наук, доцент, декан факультета заочного социально-экономического образования, заведующий кафедрой «Социальная работа и теология», ГОУ ВПО «Мурманский государственный технический университет».

Адрес: 183010, г. Мурманск, ул. Спортивная, 13.

ЛАБАШЕВА Наталья Александровна - кандидат педагогических наук, доцент кафедры языкознания и иностранных языков, Северо-

Кавказский филиал ГОУ ВПО «Российская Академия Правосудия».

Адрес: 350063, г. Краснодар, ул. Леваневского, 187.

МИРОШНИЧЕНКО Дмитрий Александрович – соискатель
ФГОУ ВПО «РЮИ МВД России».

Адрес: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

НАУМЕНКО Марина Владимировна – ассистент кафедры организационной и прикладной психологии, Педагогический институт ГОУ ВПО «Южный федеральный университет».

Адрес: 344023, г. Ростов - на - Дону, ул. Ленина, 92.

ПОЛЯНСКИЙ Станислав Николаевич - преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, НОУ ВПО «Северо-кавказский социальный институт».

Адрес: 355000, г. Ставрополь, ул. Голенева, 59А.

ПРЖЕДЕЦКАЯ Наталья Витовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, ГОУ ВПО «Донской государственный технический университет».

Адрес: 344023 г. Ростов-на-Дону, ул. Филимоновская, 155.

РАГИМОВА Тамила Тимуровна – преподаватель Дербентского филиала ГОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет».

Адрес: Республика Дагестан, г. Дербент, ул. Советская, 15А.

ФЕДОТОВА Ирина Борисовна - кандидат педагогических наук, доцент кафедры русской словесности, ГОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет».

Адрес: 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9.

ХАХАЛЕВА Елена Владимировна - кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала ГОУ ВПО «Российская академия правосудия».

Адрес: 350063, г. Краснодар, ул. Леваневского, 187.

ЧЕРДАКОВА Анна Валерьевна – старший преподаватель НИИ труда и социального страхования, ГОУ ВПО «Московский государственный социально-гуманитарный институт».

Адрес: 105064, г. Москва, ул. Земляной вал, 34.

ШАБАЕВА Лейла Абдулкадыровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой методики преподавания русского языка и литературы, ГОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет».

Адрес: 357590, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Ярагского, 57.

ШВАЧКИНА Людмила Александровна - кандидат философских наук, доцент, ГОУ ВПО «Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса».

Адрес: 346500, г. Шахты, Ростовской области, ул. Шевченко, 147.

ШУБИНА Марина Михайловна - кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории, ГОУ ВПО «Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса».

Адрес: 346500 г. Шахты Ростовская обл. ул. Шевченко, 147.

ЭРТЕЛЬ Анатолий Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Адыгейского филиала НОУ ВПО «Московская открытая социальная академия».

Адрес: 350063 г. Краснодар, ул. Октябрьская, 44, кв. 123.

ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

В научно-теоретическом журнале «Экономические и гуманитарные исследования регионов» публикуются статьи, сообщения, рецензии. Статьи и другие материалы должны соответствовать тематике издания, содержать обобщения, выводы, представляющие интерес своей новизной, научной значимостью.

Представление материалов: статья; аннотация (500-550 знаков с пробелами), ключевые слова, сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках. Статьи и иные материалы представляются в редакцию по электронной почте **redsov@mail.ru** в виде одного файла. Образец наименования файла: Иванов В. В., название статьи. Рецензия высылается отдельным прикрепленным файлом в формате PDF.

Материалы, поступившие в редакцию, проходят экспертизу членов редколлегии и при необходимости направляются на внешнее рецензирование. Решение о публикации принимается на заседании редколлегии в течение одного месяца со дня получения материалов. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Рукописи, не удовлетворяющие указанным ниже требованиям, авторам не возвращаются.

К рукописи предъявляются следующие требования: текстовый редактор Microsoft Word для Windows версий 6.0 или выше и шрифт Times New Roman. Форматирование должно производиться исходя из необходимости распечатки на страницу с параметрами: размер бумаги – А4; ориентация – книжная; размер шрифта – 14; межстрочный интервал – 1,5. Заглавие печатается заглавными буквами (выравнивание по центру). Фамилия и инициалы автора(ов) пишутся под заглавием статьи (для рецензий и информационных материалов – в конце статьи). В тексте следует использовать минимальное количество таблиц и иллюстраций. Рисунок должен иметь объяснения значений всех компонентов, порядковый номер, название, расположенное под рисунком. В тексте на рисунок дается ссылка. Таблица должна иметь порядковый номер, заголовок, расположенные над таблицей. Все графы в таблице пишутся с прописной буквы, сокращение слов в таблице не допускается. Данные таблиц и рисунков не должны дублировать текст.

Литература приводится в порядке упоминания в конце статьи. В тексте должны быть ссылки в квадратных скобках только на опубликованные работы [1, с.15]. Статьи и другие материалы сопровождаются сведениями об авторе (фамилия, имя, отчество, учебное заведение, должность, место работы, адрес и номера контактных телефонов, e-mail). Необходимо указать шифр и наименование специальности (в терминах действующей номенклатуры специальностей научных работников). Все объекты, включая формулы, должны быть созданы помощью соответствующих интегрированных редакторов MS OFFICE и сгруппированы. Отсканированные или нарисованные любым способом, а также с использованием других редакторских программ объекты являются основанием для возврата статьи на доработку. Подписи и пояснения к рисункам, таблицам, графикам, фотографиям и диаграммам обязательны. Графические объекты представляются в черно-белом варианте без полутонов, заливок и т.п.

Редакционная коллегия оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи и иные материалы, редактировать и отсылать авторам на доработку.

КОНТАКТЫ С РЕДАКЦИЕЙ

На всех стадиях работы с рукописями и для общения с авторами, редакцией и рецензентами используется электронная почта, поэтому авторы должны быть внимательны при указании своего электронного адреса.

Адрес редакции: 344079, г. Ростов на Дону, ул. Гаккеля д. 3 оф. 86

Электронный адрес: redsov@mail.ru

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНОВ**

Научно-теоретический журнал

№ 1 2011 г.

Подписано в печать 30.01.2011. Формат 340x245

Бумага офсетная. Тираж 1000 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета,
представленного авторами, в типографии «Принт – мобиле»,
г. Ростов-на-Дону, ул. 35 линия, 83.